

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ

ПОППИ ДА НН

Когда я впервые увидела Уилла Монро, я приняла его за типичного придурка из Лос-Анджелеса - слишком красивый, слишком богатый, слишком любит свои пробиотические смузи из капусты. В следующий раз, столкнувшись с ним на родительском собрании его дочери (я - учитель, он - родитель), я заметила его стальные серые глаза, твёрдую грудь под крахмаленной белой рубашкой и его предположительно свободный безымянный палец. И все, я попала на крючок.

Если бы мы были героями фильма, он бы соблазнил меня и взял прямо там, на столе директора. Вместо этого, мы застряли в отведённых нам ролях. Он - трудоголик, одинокий отец одаренной девочки, и я - ее вспыльчивый учитель на замену. Эти двое никогда не должны были встретиться. Прибавьте сюда одну эксцентричную, обитающую в юрте бывшую жену, фондовый рынок, который никогда не спит, крышесносных, знаменитых благодетелей и впереди у меня еще много драмы. И лучше бы мне держать ручки при себе.

Но когда Уилл приглашает меня на завтрак с блинчиками, разве могу я сопротивляться? Мое сердце (и мой живот) говорят «да», но могу ли я рискнуть своей работой ради порции сладкого и возни на простынях? Медленной, чувственной, потрясающей возни на простынях...

Но если дело касается Уилла...

Автор: Поппи Данн

Название: Дополнительные занятия

Рейтинг: 18+

Переводчик: Ксюша Попова

1

Шел

Уильям Шекспир однажды сказал: «Весь мир - театр. В нём женщины, мужчины - все актёры». Не плохо для человека в шестнадцатом веке, но если бы он жил в современном в Лос-Анджелесе, он, возможно, сказал бы: «Весь Раньон - сцена, и все мужчины и женщины, занимающиеся там, горячи. Как говорят, с утра до вечера. Пожалуйста, не перебивайте меня, звонит мой агент».

Однако Уилл не попал бы в Лос-Анджелес. Слишком много неожиданных поворотов сюжета.

Тем не менее, прямо сейчас, когда рассвет озаряет небо, парк Раньон Каньон идеален. Здесь красиво, прохладно и все это лишь для меня одной. Никаких придурков с голым торсом, пытающихся пофлиртовать со мной, никаких вегетарианцев со своими безмолочными коктейлями, осуждающих меня за то, что я однажды, всего лишь разочек, съела сэндвич. Только я, великолепная тропа и мой маленький песик Арчи. Арчи дворняга из приюта. Не уверена, что это за помесь, возможно комбинация таксы и гремлины. У него большие, свисающие уши, суетливая маленькая задница, и, если я покормлю его после

полуночи, он уделает все вокруг.

Пока я бегу по тропе, а Арчи скачет и тявкает впереди, я фокусируюсь на предстоящем дне. Потому что это шоу Шел Ричардсон, дамы и господа, переход в другую сверхпривилегированную, первоклассную начальную школу. Место называется «Залив сновидений», на самый верх к Лорел Каньон. Ну, знаете, одно из тех мест, где еще в 70-х появились хиппи. А теперь это пробиотическая дневная школа для самых богатых и самых «зеленых» уроженцев Лос-Анджелеса и их детишек с капустой в ланч-боксах. Учитывая публику, с которой мне предстоит работать, рискну предположить, что в классе будет трое детей по имени Кейл¹.

Но знаете что? До тех пор, пока детишки счастливы, их глаза горят, и они увлечены постановкой лучшей версии «Иисус Христос суперзвезда», которую способен воссоздать десятилетний ребенок, мне с ними легко. Мне нравятся всё, связанное с театром, и нет ничего приятней, чем видеть, как озаряется лицо ребенка, когда она занимает центральное место в качестве Подсвечника №5 в «Красавице и чудовище».

Вот что я делаю, чем занимаюсь уже пять лет с тех пор, как в жадной, потной схватке окончила Северо-Западный со степенью в сфере коммуникации. Я путешествую из города в город, из школы в школу, работая несколько месяцев, чтобы поставить сказочное представление с кучей восхитительных детишек. Затем грим стирается, двери в аудиторию закрываются, а я получаю не очень приличную зарплату и дружеский разговор: «Спасибо, мы позвоним, если снова будем нуждаться в вас». Ничего постоянного.

Что, честно говоря, немного больно. В двадцать восемь лет я нахожусь в том возрасте, когда быть рыжей женщиной, скачущей по стране с чемоданом и преподающей уроки, размноженные на ксероксе накануне, уже не так привлекательно. Я бы с удовольствием осела на одном месте, устроилась на постоянную работу в прекрасную начальную школу и счастливо проживала жизнь, показывая детям чудесные радости любительского театра. Я имею в виду, это то, для чего я пошла в университет. То, для чего училась.

Пока Арчи делает три круга вокруг скалы, а затем, с безумным щенячьим восторгом, пишет на неё, я думаю о том, чтобы взять моего маленького портативного песика и вернуться к родителям. Это будет в лучшем случае трудно, но, учитывая то, чем занимаются мои предки ... ну, давайте просто скажем, что постановка подростковой версии «Волос» выглядит совершенно консервативно.

Арчи поднимает в воздух маленький носик, усиленно принохиваясь к чему-то. Затем бросается вперед, поднимая облако пыли и тявкая головой с отвисшими ушами. Я устремляюсь за ним, а потом останавливаюсь. Потому что слышу что-то впереди - кричащий мужской голос, и, черт меня возьми, если он не звучит так, словно у него неприятности.

— Дерьмо! Дерьмо! Подожди! — кричит он. Я срываюсь с места, картинки героической спасательной операции врываются в мой разум. Во мне может быть пять футов² и волосы как у Рональда Макдональда, но у меня сердце гриффиндорца. Я была на Поттерморе³. Мне это знакомо.

Я поворачиваю на дорогу и оказываюсь лицом к ... ну, не к *лицу*, но лицом к спине высокого мужчины с рукой у уха. На футболке след пота в форме V на спине, и простите, что заметила, но это очень хорошая спина. Уверена, я могу рассмотреть каждый конкретный мускул. Он похож на потное изваяние Донателло.

— Вы в порядке? — спрашиваю я, оббегая вокруг, чтобы посмотреть на него. По тому, как он поднес руку к уху, бедный человек может страдать от разорванной барабанной

перепонки. Или, вы знаете ... у него гарнитура. И он орёт на кого-то.

— Кен, ты несерьёзно. Как Доу-Джонс может быть таким низким на открытии? — нахмутив брови, спрашивает он. Происходит нечто невероятное. Он высокий, настолько высокий, что не замечает меня. С другой стороны, большинство людей нормального роста, кажется, не замечают меня - я всего лишь имбирный хоббит.

— Простите. Думала у вас приступ, — снова говорю я прямо здесь, на уровне его пупка. Божечки мой, а этот мужчина высокий. И когда солнце начинает подниматься над каньоном, я замечаю, что высокий можно истолковать как горячий. Фактически, он ...

А затем скулит Арчи. Я оборачиваюсь и вижу его на дне каньона, защищающего свою скромную добродетель опороченную бульмастифом. Эта собака, слюнявая, красивая собака с большими глазами, вероятно, не кастрирована и претендует на свою территорию, как собачий Джон Макклейн, спускающийся вниз по Якатоми Плаза. Если бы Якатоми-Плаза была моей собакой.

— Эй! Отойди от Арчи! Фууу! — кричу я, махая руками на слюнявого друга. Он смотрит на меня, челюсть открывается, слюни текут, и издаёт довольный лай. Лай такой громкий, он, вероятно, может и оглушить, как четырёхчасовой концерт U2. Но стоит ему увидеть меня, как он отпрыгивает от моей маленькой дворняги и направляется прямым ко мне.

Это любовь с первого слюнявого взгляда. Я смеюсь, когда он сбивает меня с ног и начинает одаривать мокрыми, неряшливыми поцелуями. Его хвост виляет туда-сюда и из вида, который открывается мне с моей позиции... да, этому парню действительно стоит выпотрошить свои шарики. Но кто я такая, чтобы сердиться на такого прекрасного малыша?

— Ой, ты мне тоже очень нравишься, — смеюсь я, особенно когда Арчи начинает прыгать вокруг нас, пытаясь поучаствовать в действе. Я слышу, как парень заканчивает звонок, и оттаскивает мастифа за ошейник. Собака всхлипывает, смотря на меня «пожалуйста, люби меня» глазами. Кто может устоять перед такой мордашкой?

— Бруно. Пошли, я закончил, — говорит мужчина, ласково почёсывая собаку между ушами. Огромный язык Бруно, как у Джина Симмонса, вываливается от такой ласки. Все еще хихикая, я поднимаюсь на ноги, смахивая пыль с тренировочных штанов. Арчи взлетает в мои объятия, облизывая подбородок, чтобы убедиться, что он все еще мой особый парень номер один.

— Нам чуть не пришлось устраивать поспешную свадьбу между этими двумя, — улыбаясь, говорю я, когда мистер Блютуз поворачивается ко мне, наконец, ясно видимый в розовом утреннем свете. Когда я получаю полную картину, я сама практически превращаюсь в Джина Симмонса. Потому что этот человек - потный бог.

Он, по меньшей мере, шесть футов и один дюйм⁴, должно быть с твёрдыми, как камень бицепсами и в серой университетской футболке, обнимающей великолепно очерченную грудь. Подбородок угловатый, ухоженный, с идеальным количеством щетины, глаза такие серые, что можно сказать сверкающие. С таким взглядом, вполне возможно, у него есть важная работа на другом конце гарнитуры. Черт, да он мог бы быть императором маленькой страны, такой, в которой они все ещё живут по системе золотого стандарта, а все люди, даже если им за пятьдесят, гибкие и горячие.

Боже, вот это место. Хотела б я там жить на пенсии.

Затем парень с гарнитурой командует Бруно сесть рядом, оглядывает меня сверху донизу и говорит:

— Знаете, вам следует держать эту собаку на поводке.

Так, так, а кто-то, оказывается, лицемер. Прижимая моего маленького Арчи к груди, я стараюсь удержаться и не съязвить, пока отвечаю:

— Ваш паренёк-то побольше будет. А так как у него все шарики целы, может быть, он должен быть на поводке.

— Я лишь имел в виду, что собак поменьше легко поймать, — говорит мужчина, слегка нагнувшись, чтобы посмотреть на мордочку Арчи. Его лоб хмурится. — Намного, намного меньше. Вау. А что это за порода такая?

Оу, я поняла. Сноб, не любящий маленьких собачек. Тот, кто думает, что любое животное меньше пятидесяти фунтов не имеет смысла. Я беру Арчи, прижимаю его к лицу лицемерного Бога, и Арчи по-дружески облизывает его. Чувак отскакивает, удивленный такой милотой.

— У него есть язык и глаза, — медленно говорю я.

— Да уж, я понял, — мужчина хлопает себя по ноге, и Бруно сразу же пятится. Он похож на парня, который борется с медведями, а после этого, под журчание ручейков, укладывает девственниц на смятые полевые цветы. Это вообще не фантазия. Это всего лишь факты. — Простите, что прервал вашу прогулку. Просто так хорошо выбраться сюда утром. — Парень смотрит на рассветный свет, вытворяющий удивительные вещи с его скулами. — Этот каньон - идеальное место ...

— Для того чтобы почувствовать единение с природой и расслабиться, — говорю я, соглашаясь.

— Чтобы по-настоящему позаниматься. В Нью-Йорке плюс три часа, — да, конечно, он одержим временем. Он, вероятно, еще и алтарю Кроссфита поклоняется. Мужчина, наконец, возвращает свой нахмуренный, но все же плавающий трусики взгляд ко мне. — У вас тоже плотное расписание?

Оу, я могла бы попытаться придумать сотню отличных и впечатляющих профессий, чтобы заинтересовать этого горячего парня, которого больше никогда не увижу. Но, по какой-то необъяснимой причине, правда вырывается наружу.

— Я учитель на замену.

— А, — у него такой взгляд, какой возникает у людей определенной налоговой категории, когда они узнают, что я живу, как студент-переросток.

— Эта работа, вероятно, не требует ... строго регламентированного времени.

Что пробуждает мою природную вспыльчивость, присущую всем рыжим. Подняв подбородок в воздух, я говорю:

— Подготовка следующего поколения к трудному миру - довольно благородное призвание, если вы спросите меня.

Ха! Потный бог кивает в знак согласия.

— Простите. А что вы преподаете?

— Театральное искусство, — идиотка! Звучит ведь совсем не впечатляюще! — наука, — слабо добавляю я.

— Театральная наука. Звучит ... расслабляюще, — он пробегается по мне взглядом, вероятно, принимая во внимание все детали бедной дамочки далеко за двадцать. Ну, в эту игру могут играть двое, приятель. И когда я прохожусь взглядом по нему, я ... немного теряюсь по пути. Но все же отказываюсь сдаваться.

— Прямо бальзам на душу, — говорю я как можно более агрессивно. Затем с Арчи на

руках делаю шаг назад и чувствую, как земля уходит из под ног. *Вот дерьмо!* Я вот-вот грохнусь с тропы каньона, могу представить, насколько будет больно. Я бы взмахнула руками в поисках равновесия, чтобы спасти себя, но тогда мне придется бросить Арчи. Никогда. Ты прыгаешь, я прыгаю, Джек. Или Арчи. Собака.

Но мне не приходится принимать грязевую ванну, потому что мужчина делает шаг вперед и хватает меня за талию, на какой-то короткий момент прижимая к себе. Мое сердце бьется против его, или так было бы, если бы мы не расплющили между нами крошечную лижущуюся собаку. Тем не менее, его рука крепко удерживает меня за талию, он легко приподнимает меня и отталкивает обратно на тропинку. У меня немного кружится голова. Он отступает назад, выглядя взъерошенным и безразличным. Словно он постоянно по выходным спасает прекрасных дам в горах.

Боже, на что же похожи его дни?

Не стоит возбуждаться на дорожке, Шел.

Может, стоит предложить ему немного пройтись? Поболтать, посмеяться, обменяться историями о собаках. Я имею в виду, это наименьшее, что я могу сделать для своего спасителя...

И вдруг рука тянется к гарнитуре, и Горячий Парень забывает, что я вообще существую.

— Кен? Послушай, скажи Дону, что нам нужно продать... Нет, не вешай мне лапшу на уши, *продай*, черт возьми!

Уф. Что ж, любой, кто настолько помешан на своей работе, возможно, не самый подходящий кандидат на мою девичью привязанность. Свистнув Арчи, я поднимаюсь по тропе, пытаюсь уговорить Бруно вернуться, когда он скачет вокруг своей новой слюнявой любви. Наконец-то мне удастся отправить его домой к горячему трудоголику владельцу...

— Эй, — зовет парень, когда я поднимаюсь выше по тропе. — Даже не попрощаешься?

Оу, ради бога. Я оборачиваюсь, и на этот раз даже не спотыкаюсь о собственные ноги. Хорошо для меня.

— Передай Доу и Джонсу от меня привет, — протягиваю я, показывая ему знак мира. Что-то заставляет его выпустить смешок. И затем он закатывает глаза.

Ладно, смех был милым, а то, как он закатил глаза, разочаровало, но все же было немного секси. Отбросив свои прекрасные кудри, я бегу вперед, Арчи тявкает на мои пятки. Честно говоря, некоторые парни уж слишком заносчивы и самоуверенны, считая, что они правят миром.

Так что, наверное, хорошо, что я никогда не увижу его снова.

2

Уилл

Числа - просты, люди - нет. Не так уж трудно понять, в каком направлении движется рынок, насколько он колеблется, замедлилось ли движение или он падает. Когда вы понимаете, что что-то не так, и сколько это будет стоить, нетрудно оценить ущерб и составить план.

В Пенсильванском университете приятель называл меня мистер Холод. Я-то думал, из-за того, что, как все и считали, я был таким же фантастически впечатляющим, как и Шварценеггер, но это было из-за моего хладнокровия. *Sang froid*, как говорят французы. *Без*

дерьма, как говорил покойный великий Уильям Монро II. Мой отец. Итак, теперь Уильям Монро III сидит в своем кабинете в Санта-Монике на двенадцатом этаже, глядя вдаль на Тихий океан и пристань. Вы бы не достигли такого к тридцати двум, без какого-либо серьезного дерьма *sang froid*. Если бы все, что я должен был делать, изо дня в день изучать цифры, это не составило бы большого труда.

Но как я уже сказал, числа не сложные. А люди - да. Прямо сейчас я пытаюсь разговаривать с испуганным мужчиной, который каким-то образом убедил сам себя, что Coca Cola не безопасная компания. Я всегда говорю, что на рынке люди должны ставить на три вещи: Coke, Apple и я.

Прямо сейчас мой клиент отказывается от двух из трёх, и это жутко раздражает. Но я сохраняю профессиональный тон. Это важно.

— Итак, позвольте мне повторить, все ли я правильно понял, — говорит мистер Джексон, делая так уже в третий раз. До сих пор он повторял мне мои же собственные слова. — Это безопасные инвестиции?

— Я бы отдал все наследство собственной дочери в руки Coca Cola, — говорю ему, и это правда. Я смотрю на ее фотографию на столе, сделанную год назад во время поездки на пляж. Она ухмыляется мне, один из передних зубов выпал, крошечная раковина мидии около уха. Она была уверена, что с ее помощью могла слышать океан, хотя я сказал, что это невозможно. Эта фотография заставляет меня улыбнуться и возвращает меня к делу.

Это одна из примерно семидесяти фотографий, расставленных на моем столе. Я гордый папа.

Мистер Джексон взволнованно вздыхает. У меня такое чувство, что он все еще следует правилу «коль наступишь в асфальте на трещину, тут же получишь от жизни затрещину», словно это евангелие. Бедный ублюдок.

— Хорошо. Раз ты так говоришь, Уилл, останемся с Coke.

— Отличное решение, — говорю я. — На самом деле, думаю, мы должны прикупить еще акций. Рынок сейчас движется вниз, отличное время, чтобы копнуть глубже.

Вам ли не знать? Да, я убедил его. Мистер Джексон вешает трубку, чувствуя себя великолепно, и я откидываюсь назад в своем эргономичном кресле, чувствуя себя крутым. Ощущение длится целые десять секунд, пока мне не звонит Ники со стойки регистрации.

— Привет, Уилл. Прости, что беспокою, но на линии школа твоей дочери.

Если вы хотите почувствовать каждую мышцу своего тела, включая собственный сфинктер, сначала заведите ребенка, затем отправьте его в школу и, наконец, скажите, что из школы вам можно звонить на работу. Я хватаю телефон и нажимаю вторую линию, сердце колотится.

— Здравствуйте. Какие-то проблемы? Случилось что-то неправильное? — признаю, я веду себя не очень тактично и сдержанно, но разве можно винить меня в этом?

Музыкальный голос Уиллоу, помощницы директора школы моей дочери, плывет по линии.

— О, мистер Монро, мы не используем слово *неправильно* в «Заливе сновидений» — Уиллоу цокает языком. Я почти уверен, что слышу колокола Шерпа на заднем плане. Вероятно, снова заставляют детей участвовать в тибетских песнопениях. — *Неправильно* подразумевает, что дети каким-то образом не синхронизированы с Вселенной. Мы предпочитаем использовать слово *необычно*.

— Хорошо, с моей дочерью случилось что-то *необычное* и она в больнице? Она больна?

Уиллоу мечтательно вздыхает. Не думаю, что она делает что-то не мечтательно.

— Не совсем. У Амелии такая редкая и чувствительная энергетика. Мы просто хотели бы пригласить вас на процесс очищения.

Клянусь богом, если бы я мог вернуться во времени в ту ночь, когда мы с Сюзанной зачали Амелию, я бы сделал две вещи. Во-первых, закончил бы заниматься сладкой любовью с бывшей женой, а затем, прошептав ей на ухо, что люблю ее, сказал, что мы никогда не отправим наших детей в Лорел Каньон. Так было бы намного проще.

— Что-то, связанное с родительским советом? Вам нужна помощь в уборке? Обычно всем, что связано со школьным расписанием занимается Сюзанна.

— Ой, простите. Вы, вероятно, не читали новый справочник, который мы отправили домой с детьми, — смеется Уиллоу. — Когда вы знаете язык, подобные ситуации становятся намного легче. Процесс очищения похож на родительское собрание, только гораздо более духовно-смиранный.

Черт. У Амелии снова проблемы в школе. Потирая глаза, я откидываюсь в кресле. Эргономичное. Очень удобное.

— Это уже какой, четвёртый раз за квартал, когда вы вызываете меня? — спрашиваю у нее. Я пытаюсь не повышать голос, потому что эта женщина просто делает свою работу.

— Амелия просто испытывает трудности с переносом энергии на группу, — успокаивает Уиллоу. — Как только ее ци станет более синхронизированной с другими детьми, эти проблемы уйдут.

Знаете, не думаю, что мне нужен десятилетний ребенок, гармонично сочетающийся со всеми остальными детьми. Мне вроде как нравится мой развитый не по годам, энергичный маленький ангелочек, такой, какая она есть. Но на этой неделе Сюзанна уехала из города - глупый безмолвный семинар-уединение по йоге - и я пообещал, что без проблем смогу совместить воспитание и работу. От этой мысли у меня все внутри сжимается. Амелия справляется с разлукой лучше, чем можно было ожидать, но она все еще чувствует себя потерянной. Черт возьми, вот, наверное, почему она так часто безобразничает в школе. И это моя чертова вина

Так что я собираюсь стать родителем, в котором нуждается Амелия, которого она заслуживает. Буду как Бэтмен в этой ситуации.

— Хорошо. Давайте поговорим, — отвечаю, подавшись вперед. Я собираюсь стать отцом проклятого тысячелетия.

— Чудесно, — воркует Уиллоу. Я практически вижу, как она, разговаривая со мной, висит вниз головой как циркачка. — Через час вам подходит?

Ради Амелии я готов встать и бросить все. Я даже поднимаюсь на ноги, чтобы так и сделать, когда Берт, мой босс, прислоняется к двери, взгляд на его лице говорит: «Помнишь эту VIP встречу, Уилл? Знаю, ты не забыл. Тебя бы уволили, если б ты забыл».

Дерьмо. Я не могу. Вздрогнув, произношу:

— К сожалению, я не могу в рабочее время. Можно выбрать время попозже?

— Конечно. Мы можем организовать встречу, когда вам будет удобно

— Послушайте, мне нужно бежать на встречу. Передайте Амелии, что я люблю ее, — украдкой быстро смотрю на бесчисленные фотографии моей улыбающейся маленькой девочки. В этот день сердце биржевого маклера выросло в размере. — Скоро поговорим. Э-э, *намасте.*

— Мистер. Монро, — отчитывает меня Уиллоу. — Это культурная апроприация.

Хорошо, а колокола Шерпа нет? Я быстро обмениваюсь с ней любезностями, пока, наконец, не вешаю трубку. Берт проводит рукой по своей лысой, потной башке. Бедный ублюдок потерял почти все свои волосы. Он скажет вам, что из-за избытка тестостерона, а еще скажет, что его шары слишком велики для его нижнего белья. Я всегда стараюсь удостовериться, что мы далеко от дам в офисе, прежде чем он позволит правде выплыть наружу.

— Япония, — говорит он, когда я натягиваю пиджак и выхожу из кабинета. Он идет со мной в главный конференц-зал.

— Страна. Азия. Хорошие суши, хотя ты можешь получить их в любом месте Лос-Анджелеса, — взволнованно говорю я.

Берт стонет.

— Не умничай, засранец. Мне нужно отправить туда самого лучшего, — говорит он, раздражаясь и пытаясь, когда мы поворачиваем за угол.

Правильно, большая международная поездка. Золотой тур. Две недели в Токио, возможно, с остановкой в Киото. Это своего рода поездка, по которой в этом офисе каждый мужчина и женщина пускают слюни, и Берт бросил ее мне на колени, как особенно сочную кость с куском мяса, все еще свисающим с него.

Но я пытаюсь танцевать вокруг, потому что это две недели вдалеке от Амелии. Две недели во время немного спорного бракоразводного процесса. Я зарабатываю достаточно денег, чтобы содержать дочь. Дело не в этом. Сюзанна обеспокоена тем, что я слишком занят работой, путешествуя или работая в домашнем офисе. Она волнуется, что я не собираюсь быть постоянной фигурой в жизни Амелии.

Хуже всего то, что в ее словах есть доля истины. Но я не хочу быть вечно отсутствующим отцом, как многие разведённые парни в моем кругу. Вы знаете этот тип. Они берут детей каждые выходные, водят их за мороженым, на мини-гольф и видеоигры. Хорошо проводят с ними время с течением двадцати четырех-тридцати шести часов, а затем возвращают их обратно, прямиком к маме и отчиму, чтобы те растили их. В конце концов, эти мужчины становятся немного жалкими в глазах своих детей, как лысеющий Вилли Вонки, живущий в дуплексе Глендейла.

Я не собираюсь быть таким отцом. У Амелии будет два, воспитывающих ее поровну, родителя. Я бы продал своё левое яичко, чтобы убедиться в этом.

К сожалению, двухнедельная командировка в Японию это не та вещь, о которой вы можете сказать своему боссу «Нет, спасибо, пожалуй, не поеду». Поэтому я делаю то, что делает любой хороший энергичный биржевой маклер, и пытаюсь лавировать.

— Берт, ты мне льстишь. Я знаю, что я умнее, быстрее и симпатичней любого другого мужчины или женщины подхожу для этой работы, но у них есть качество, которого мне не хватает, — я посылаю ему беззаботную, я-в-сигма-чи-хрени ухмылку, усовершенствованную в колледже. — Смирение, например. Японцы любят смирение и манеры за столом.

— Тогда научись есть как человек, и кончай в кои-то веки болтать о себе. Ты нужен мне там.

Дерьмо, Берт не спустит дело на тормозах. Он как Бруно на пробежке сегодня, забравшийся на ту маленькую собачку. Или владелица маленькой собачки, безусловно, довольно горячая рыженькая с острым язычком.

Иисус, если бы эта женщина была моим боссом, я бы не возражал допоздна задерживаться в офисе... Хотя нет, возражал бы, потому что Амелия должна быть на первом

месте.

— Вернёмся к этому позже. А теперь давай-ка выкинем этих нью-йоркских засранцев из игры, — говорю я, отводя плечи назад, когда мы вваливаемся в переговорную.

— Эти засранцы из Бельгии, — непринуждённо говорит Берт.

Идеально. Мое общепризнанное безупречное произношение как у Шварценеггера как раз пригодиться.

3

Шел

— Потянемся еще! — я встаю на цыпочки, и три маленьких девочки напротив, делают то же самое. Я и забыла, какими восхитительными могут быть десятилетние дети, особенно когда вы вовлекаете их в соревновательные театральные игры. К сожалению, мы не *слишком-то* конкурентоспособны - в «Заливе сновидений» проблемы с агрессией, тестостероном и талантами. Теперь я очень рада, что решила не ставить «Терминатор 2: Музыкальный» для школьной детской пьесы. Очень жаль, потому что у нее был огромный успех в Арканзасе. Спецэффекты были действительно убийственными. Кто знал, что из картона можно сделать столько невероятных вещей?

Правильно, теперь вниз и вперед. Маленькие девочки наклоняются ко мне, чтобы коснуться своих пальчиков на ногах. После нескольких раундов импровизации, где мы все притворялись любимыми персонажами фильмов, они готовы к медленной растяжке, прежде чем отправиться домой. Вот-вот прозвенит последний звонок.

И под звонком я имею в виду медный гонг. Сбивший меня с толку, когда звал всех на обед.

— Теперь все чувствуют, что мы духовно очищены? — спрашиваю я девочек, когда мы выпрямляемся. Когда я пришла сюда преподавать, вещи, подобные духовным очищениям, глубоко ценились в «Заливе сновидений». Я попыталась посмеяться над этим, жуя бутерброд с ветчиной на обед, чем были глубоко потрясены все остальные учителя. На что я сказала им, что была свиньей в прошлой жизни и восстанавливала связь со своим старым физическим я.

Полагаю, это сработало.

— Думаю, да, — говорит одна из девочек, Аманда. У нее ангельское личико и забавная напряженность переутомленного бухгалтера в апреле. Я сделала своей целью заставить ее улыбнуться, прежде чем мое время здесь закончится.

— Я чувствую себя *марсианкой*, — говорит Айви, прежде чем встать в стойку на руках. Она твердила мне это все занятие: она марсианка, она родом с Марса, фильм с Мэттом Дэймондом был неправильным, потому что тонна единорогов и Пегас блуждают по планете, и воздух действительно пурпурный.

Что мы делаем такого, что нам везёт, и мы достаиваемся детей?

Звенит заключительный звонок, э-э-э, *гонг*, и девочки бегут забрать свою обувь и коврики для йоги, прежде чем отправиться к родительским Теслам, чтобы быстро и безмятежно поехать домой. Еще одно обстоятельство, которое я пропустила: Электрические автомобили – вот на чем нужно кататься здесь. Моя пожирающая бензин машинка не способствует заведению друзей.

Все же, когда я возвращаюсь в административное здание, чтобы собрать свои сумки, должна признать – это идиллическое место. Вся школа расположена на красивом участке у вершины каньона, в окружении пешеходной тропы и водопада. Тот тип местности, где должны резвиться птички из мультика и большеглазый олененок. Учитывая наркотики, которые, вероятно, принимали люди, строившие это место, уверена, все более реалистично, чем я думаю.

Эх, если бы я только могла получить приглашение остаться, стать полноправным сотрудником. Потому что, я напоминаю себе, это именно он. Последний концерт. Я пообещала себе, если к своему двадцать девятому дню рождения, я не найду подходящую работу, то сяду в машину и вернусь к родительскому трейлеру, вероятно, к тому времени уже пересекающему бесплодные земли Монтаны.

Звучит довольно ужасно, и станет еще хуже, когда вы узнаете, чем мои родители зарабатывают на жизнь. Нет, что вы, это не противозаконно. Хотя иногда я думаю, что так было бы лучше...

Тем не менее, прямо сейчас никаких плохих мыслей. Я вхожу в кабинет, где весь персонал лежит лицом вниз на полу. Нет, это не имеет ничего общего с благовониями (хотя здесь чертовски туманно), это время медитации во второй половине дня. Больше похоже на плавающих без воды покойников, но, эй, у меня нет постоянной работы. Не мне их судить.

— Шел! — передо мной появляется Уиллоу, доброжелательно улыбающаяся блондинка с перьями в косичках. По-видимому, в прошлой жизни она была совой. Она была единственной, кто серьезно отнесся к моей сэндвич-шутке с ветчиной. — Могу я одолжить минутку твоего времени? Я верну его, клянусь.

Учитывая, насколько она метафизична, она вполне на это способна.

— Ой! Это действительно срочно? Мне нужно вернуться домой и вывести Арчи на прогулку. — Большой недостаток - жить за пределами каньона. Мне понадобится час, чтобы добраться до дома. Уиллоу кивает в знак сочувствия.

— Конечно. Это лишь о духовной очистке Амелии Монро.

Если это не звучит как обряд, тогда я сдаюсь. Но у меня есть идея, о чем она, и я хмурюсь.

— О, а ей ведь это не нужно. Правда? Имею в виду, утром все было так забавно, верно? — я смеюсь, но Уиллоу не присоединяется. Ее губы надуваются в маленькую «О». Если она начнет гудеть, я сбегу. Совы, ну вы понимаете?

— Ее отец приехал из своего офиса в Санта-Монике. Думаю, будет правильно, если ты поговоришь с ним лично.

Дерьмо. Что ж, пусть родители будут счастливы. Счастливые родители - это рекомендации для меня остаться и продолжать работать с их живчиками. Я следую за Уиллоу обратно в офис, прокладывая путь между моими почти коматозными коллегами. Что за чудесный денек.

Мы заходим в кабинет помощника директора, на стенах которого висят огромные фрески из маргариток, а на полу стоят кресла-мешки. Мужчина, которого я обнаруживаю сидящим на одном из этих кресел, выглядит так, словно мешок прикоснулся к его интимному месту, и теперь между ними повисла неловкость. Он вскакивает, радуясь, что у него есть предлог больше не сидеть на круглом облаке из розовой кожи.

Когда я говорю, вскакивает, имею в виду - подскакивает прямо к потолку. Он высокий. Безумно красивый. И, если заменить безупречный костюм и галстук и одеть его в потную

футболку и поставить рядом с ним некастрированного бульмастифа, перед вашими глазами появится картина с тем самым козлом с гарнитурой, с которым я столкнулась сегодня утром.

Отмените это. Он больше, чем картина. Он оригинальный артефакт. Когда наши глаза встречаются, могу сказать, он тоже узнает меня, потому что его брови взмывают вверх. Трудно выглядеть сексуально, когда вы делаете удивленный мультяшный взгляд как у Кролика Роджера, но он с этим справляется. Как Джейсон Стэтхэм в мультфильме Уорнер Бразерс.

Эта мысль не должна настолько заводить меня.

И мне прямо сейчас надо притормозить, потому что он папа. Если он папа, значит, он женат.

Потому что, как вам скажет логика, некоторые мужчины - папы, а некоторые папы - Сократы, поэтому все мужчины - Сократы.

На случай, если вам интересно, существует причина, почему я пошла изучать театр.

— Привет. Шел Ричардсон, — говорю я, протягивая ему руку для рукопожатия, очень товарищеского рукопожатия. Он берет мою руку, посылая внезапный поток энергии через мое тело. Затем, его глаза медленно пробегают по мне с головы до ног, посылая гораздо более яркую, гораздо более интересную вспышку тепла через меня. Несмотря на то, что мы находимся в школьном кабинете в середине дня, я могу чувствовать как мое тело, э-э-э, реагирует на него.

На самом деле, если подумать, ситуация похожа на ту в средней школе. Ах, дни влюбленности в Рикки Джонсона, когда он должен был пойти в офис медсестры из-за своей астмы...

Так, Шел, прекрати. Нет ничего даже отдаленно сексуального в том, что этот биржевой засранец оценивает учителя своего ребенка, когда он, вероятно, женат. Совсем не круто, но полностью соответствует тому, как он вёл себя этим утром в каньоне. Будто вселенная - это новая модель Лексуса, и все, что ему нужно сделать, комфортно устроиться за рулём, завести ее и поехать. И очевидно в то же время, он использует само собой согревающее сиденье.

— Уилл - папа Амелии, — говорит Уиллоу, очевидно упуская сердитую игру в гляделки между мной и этим парнем. Вероятно, это к лучшему.

— И гордый владелец собаки, — говорю я. Уилл прищуривается, улыбаясь, и он явно борется. Один ноль в пользу рыженькой.

— Ой. Откуда ты знаешь? — удивляется Уиллоу.

— Это все флюиды, которые я ощущаю.

— Флюиды. Ммм. Воздух наполнен ими, — Уилл отпускает меня, затем погружается в кресло с такой уверенностью альфа-самца, что это почему-то даже не выглядит нелепо. Я сажусь напротив, пытаюсь не исчезнуть в собственном кресле. — Итак. Что Амелия сделала не так? Не доела капустные чипсы на обед?

По слегка раздраженному тону могу сказать, парень считает это место немного смешным, и я ценю это. Я также ценю, что на его левой руке, когда туда опускается мой взгляд, не вижу золотого кольца. А может, он и не женат.

Вот только он, вероятно, женат, и я не должна оценивать семейное положение родителей учеников. Так вы попадаете либо в категорию безработных, либо становитесь объектом фильма всей жизни, и не того, который заканчивается тем, что все счастливо поют вокруг рояля в канун Рождества на очаровательной вилле, расположенной в прибрежной Грузии. Не после такого исследования.

Точно. Амелия. Давай-ка поговорим о ребенке, Шел.

— Ничего. По крайней мере, я думала, что ничего, — пожимаю плечами. — Сегодня мы провели небольшую вводную игру на уроке по театральному искусству. Кое что, чтобы раскрепостить застенчивых детей. Это искусство.

— В самом деле? Я-то думал, наука, — говорит он низким, восхитительным голосом. *Ох, да*, он помнит меня. Мне требуется вся мое немалое актерское мастерство, чтобы не начать пускать слюни прямо перед ним, как собака Павлова. Для одного дня у нас было достаточно собак, у нас обоих.

— Дети должны были выбрать музыку на моем Ipad и станцевать под нее, чтобы помочь нам запомнить их имена. Амелия была... восхитительна, — наконец говорю я. Уиллоу выражает неодобрение. Она выравнивает палку пробкового дерева на коленях, которая здесь, в «Заливе сновидений», заменяет собой письменный стол, и делает заметки пальчиковыми красками. Да, это действительно происходит.

— Она выбрала Бейонсе «Bootalicious»⁵, а затем начала вилять своей духовной зоной перед лицами детей, — мягко говорит Уиллоу.

Должна сказать, что духовная зона - это творческий выбор лексики для детской пятой точки. Судя по суровому, твёрдому, оживленному взгляду серых глаз, Уилл об этом догадался.

— И вы говорите мне, — говорит он, подчеркивая каждое слово, — что у вас на Ipad есть «Bootalicious»? — он поднимает бровь, и я пытаюсь не рассмеяться. Выходит шипение. Черт, я спокойна.

— У всех нас в прошлом есть опрометчивые поступки, нуждающиеся в искуплении, — просто говорю я. Уилл постукивает пальцами, глядя на меня свысока, как будто я портфель акций, с которым он хотел бы сделать чрезвычайно плохие вещи.

Ммм, так точно, сэр. Мой рынок уже на самом дне, и я жду, чтобы вы пришли и решили проблему.

Понятия не имею, что я несу, но это определённо звучит как что-то связанное с финансами.

— Необходимо, чтобы дети, помнили, они еще слишком молоды, чтобы понять хрупкость гендерной бинарности, — говорит Уиллоу. Она кладет большой палец в баночку с желтой краской, отмечая свою записку как очень срочную. — Кроме того, хотя в действительности гендерной бинарности не существует, анархо-коммунистический постбиологический сегмент образования начинается не раньше седьмого класса.

— Ммм, — говорит Уилл, очевидно, не обращая внимания на Уиллоу. Как и я. Это словно битва между его взглядом и моим, и надеюсь, все закончится тем, что мой взгляд, обнаженный и хвастливый, продолжит дразнить его взгляд так, что он никогда и ни за что не победит.

О чем, черт побери, я болтаю? Я вдруг стала мыслить как Айн Рэнд.

— Итак, моя дочь должна попытаться не так явно выражать себя с помощью гендерной бинарности, — наконец, говорит Уилл, заканчивая конкурс жарких взглядов. Он слегка кивает Уиллоу. — С этого момента, весь день, и каждый день лишь Кэт Стивенс и поп 70-х.

— Если бы вы могли заставить ее послушать программу Breakfast with the Beatles в воскресенье, уверена, это бы сотворило чудеса, способствуя открытию у неё внутреннего глаза, — сияет Уиллоу, радуясь, что мы, наконец, на одной волне. Я все еще думаю, что это безумие, но не я родила ребенка, поэтому мне сказать нечего.

Стойте. На самом деле, я все еще немного раздражена этой ситуацией. Минуточку.

— Вашей дочери не надо меняться, — говорю я Уиллу, чувствуя себя неловко от того, что он готов вот так просто взять музыкальный рецепт от хиппи и жить дальше. Наверное, через десять минут у него игра в сквош или что-нибудь из того, что делают богатые деловые типы для удовольствия. Богатые деловые типы, которые, вероятно, разведены...

Не сейчас, либидо.

— Кроме того, ей вероятно не нужен доступ к вашим устаревшим музыкальным вкусам, — Оу, кажется, похолодало. Похоже, Уилл не любит, когда кто-то давит на него, на его же родительской территории. Что ж, это воспламеняет мой неизменно вспыльчивый рыжий нрав. Никакого каламбура. По большей части. — По крайней мере, она веселится на моем уроке. Сегодня она почувствовала, что смогла полностью выразиться, — говорю ему с гордостью.

Уиллоу тарашится на меня. Видимо, она не знает, что делать, когда слышит иронию. Может быть, во всем виновато красное мясо, это оно вытворяет со мной все это.

Я легко поднимаюсь со своего мешка-кресла, словно встреча закончена. Так и есть. Уилл поднимается вместе со мной, поворачивая волевым подбородком и отводя плечи назад, словно он здесь главный. Что ж, хорошо. В эту игру могут играть двое.

— Она может выразить себя дома. Она может танцевать все, что угодно.

— А разве она так и делает? — я прищуриваюсь. Амелия действительно чувствует себя комфортно и свободно, чтобы быть самой собой с самым горячим и самым отважным отцом в мире, который стоит прямо здесь? То есть, горячий это мое слово. Не Амелии.

Уилл думает об этом, и его (совершенные) губы сжимаются в твёрдую линию. *Ха*. Он знает, что я права.

— Я поговорю с Амелией, — говорит он Уиллоу, хотя и не сводит глаз с меня. — С этого момента проблем не будет.

Уиллоу начинает болтать о том, какие у них есть рейки. Амелия может попробовать, если у неё все же еще будут проблемы, но Уилл игнорирует ее - и меня - резко кивая, прежде чем отправиться на выход.

— Передайте Амелии, что у меня есть все песни Destiny's Child, если у нее будет настроение для ретро, — говорю ему вслед. Он останавливается и смотрит на меня испепеляющим взглядом, намекающим, что я не посмею.

Оу, но я посмею, горячий, угрюмый брокер. Ради Queen Beu я сделаю все, что угодно.

4

Уилл

Никогда в жизни не встречал такую женщину. Слова и образы, сменяя друг в друга, мелькают в сознании, когда я выхожу из кабинета и пытаюсь привести мысли в порядок. Нервирующая. Рыжие волосы. Настойчивая. Упрямая. Бейонсе. Танцы. Невысокого роста.

Сексуальная.

Слово вспыхивает перед моими воображаемыми глазами, и я должен выбросить его на воображаемый пол и, по-видимому, потоптаться по нему, потому что не так стоит думать о подобной женщине. Давайте начистоту, она не в моем вкусе. Мне всегда нравились длинноногие блондинки, этакие шалуни, как бы между прочим забывающие надеть лифчик,

прежде чем выйти из дома. Вот это по мне. А не громкая, язвительная, невероятно сексуальная, *черт возьми, только не снова.*

Я ускоряюсь и выхожу во двор, долбанный гонг, звучащий в конце дня. Потираю глаза и сосредотачиваюсь. *Все нормально.* Как только Сюзанна вернется из этого глупого йога-курорта, она снова начнёт забирать Амелию. Мне больше не придется иметь дело с этой женщиной, что меня очень даже устраивает. Черт, я знаю, это должно ее осчастливить.

Хотя она оценивала меня. Несомненно. Я почувствовал это. Я знаю такие вещи. У меня есть своего рода радар для таких вещей. Моя антенна как бы поднимается, просто думая о том...

Существует много хороших мест, чтобы начать возбуждаться, но начальная школа никогда не станет одним из них. Мой мозг отключается, и я пытаюсь остыть. Надежный. Собранный. Сосредоточенный. Я делаю круг вокруг сосен на краю школы, останавливаясь у торгового автомата, чтобы взять смесь Chex со вкусом кимчи, и жду десять минут, пока моя маленькая принцесса не выбегает из своего класса, ее рюкзак «Время приключений» подпрыгивает на плечах, на лице сияющая улыбка.

— Папочка! — она врывается в меня, обхватывая руками так сильно, что я начинаю задыхаться. Но, черт возьми, лучше и быть не может. Амелия в том возрасте, когда ей могло бы быть стыдно называть меня папочкой или весело обнимать на публике, и я благодарен, что этого еще не произошло. Я забираю ее рюкзак, и мы идём к машине. Люди критично смотрят на мой Лексус, пока мы забираемся внутрь. Знаю, он все ещё использует допотопное топливо, а это значит, что я - настоящий дьявол. Помахав всем гибридным совместно используемым автомобилям, я запускаю двигатель и отъезжаю.

— У меня был Самый. Лучший. День! — Амелия подчёркивает последние три слова, откидываясь назад на свое место, колени подтянуты вверх к груди. Она одета в пару розовых с полосками как у зебры легинсов с желтой футболкой и пурпурное худи с мышьиными ушами. Если и есть единственное слово, которым можно описать этого ребенка, то это - яркая, в полном смысле этого слова. Она уже взяла под контроль радио и открывает и закрывает свое окно со скоростью и ловкостью, граничащими с невероятной.

— Что в нем было хорошего?

Моя улыбка немного сползает, пока Амелия восторгается.

— У нас новая учительница драмы, ее зовут Шел. Она *лучшая*. Она позволила нам танцевать! — лицо загорается, и она дергает меня за рукав. — Я хочу быть актрисой! Будут пробы для пьесы, так что я должна участвовать. *Просто обязана.* — Амелия сворачивается на сиденье, а затем широко раскидывает руки. Что ж, вижу, что она загорелась актёрской игрой.

— Кстати о танцах. Я разговаривал с мисс Шел и заместителем директора, — делаю паузу, потому что всплывает раздражение, которое я почувствовал, когда Уиллоу рисовала пальцами. Ради бога, что такого неправильного в танцующем ребенке?

И Шелл согласилась со мной. Она заступилась за Амелию и сделала это самым воинственным способом. Ради меня.

Она сделала все, что могла для моего ребенка. Вступилась за неё.

Однако я не могу думать о своих двух случайных стычках с этой женщиной. Мне нужно сосредоточиться и смотреть на дорогу.

— А что насчет танцев? — спрашивает Амелия, посылая мне идеальный ангельский взгляд, означающий, что я становлюсь воском в ее руках. Черт, ей не нужно знать, что за

дуреха эта заместитель директора.

— Да, ерунда, мороженое? — я наблюдаю, как уровень волнение Амелии переходит от нормального к запредельному.

— Мамочка не разрешает мне больше есть мороженое! — это правда. Все эти пробиотические йогурты и низкобелковое козье молоко в юрте. Признаю, когда я узнал, что Сюзанна продала наш дом, чтобы жить с нашей дочерью в очень красивой палатке в каньоне, я немного потерял самообладание. Но адвокаты говорят мне, что это крайне безопасно, абсолютно никаких медведей и минимум диких кошек. Я не доволен, но до тех пор, пока мы не разберемся с вопросом опеки, я должен держать себя в руках.

— Ну, а как насчёт маленького Salt and Straw и она никогда об этом не узнает?

Амелия посылает мне ангельский взгляд, необходимый атрибут каждой десятилетней девочки.

— Ты лучший, папочка.

Видали? Я лучший. С этого момента мороженое в каждый приём пищи.

Мы сидим на углу улицы в Ларчмонт, наслаждаясь двойной порцией мороженого с морской солью и карамелью, когда на столе гудит мой телефон. Это входящее сообщение по FaceTime, и глаза Амелии широко раскрываются. Что касается меня, мои шары немного сжимаются. Я стараюсь, чтобы эта информация была доступна как можно меньшему числу людей.

— Спрячь мороженое, — говорю ей, потому что это Сюзанна звонит мне. Я отвечаю по FaceTime, и вот она там. Прямо там. Выглядит так же прекрасно, как и в тот день, когда я встретил ее, и такой же злющей, как в тот день, когда ушла.

— Привет, Сьюз. Как дела?

Она ничего не говорит. Сначала я думаю, что она позвонила мне, чтобы пристально посмотреть на меня за то, что я что-то упустил, но затем она показывает доску для маркёра.

НЕ МОГУ ГОВОРИТЬ. ТИХАЯ ЙОГА.

Ох. Точно. Я позволяю Амелии слопать мое мороженое, в то время как Сюзанна стирает слова и, снова, нахмутив брови от концентрации, что-то пишет. Определенно хорошо, что это самый тихий разговор, во время которого она кричит. Наконец, она поднимает доску с новым сообщением.

ГОЛОСОВАЯ ПОЧТА ИЗ ШКОЛЫ. У АМЕЛИИ ПРОБЛЕМЫ???

— Ничего плохого, — говорю ей, мысленно давая себе пинок за то, что не приехал раньше и не оградил Сюзанну от этого. С другой стороны, школа, вероятно, позвонила ей первой. Поскольку она является главным опекуном, это имеет смысл. Тем не менее, маленькая дружелюбная аневризма формируется в моем мозгу, просто дожидаясь момента, когда она, наконец, сможет появиться и закончить все это. — Все посмеялись над этим. Я, учитель, заместитель директора... Ну, она не смеялась, но она рисовала пальцем. Нам это понравилось.

Вот так мы и общаемся, она пишет снова. Я жду около трех минут, и в это время выбрасываю свою чашку с мороженым и протираю лицо Амелии салфеткой. Клянусь богом,

ее еда повсюду. Наконец, Сюзанна заканчивает, и это длинное сообщение, поэтому слова намного меньше.

Почему я не могу на три дня уехать из города без проблем? Мой гуру говорит, что весь этот развод вывел меня из равновесия, а я не могу мириться с таким количеством негатива. Говорят, это вызывает рак мозга. С понедельника я на очищающей диете, а у меня уже низкий уровень сахара в крови. Это не помогло! Почему ты не можешь иногда думать о моих потребностях? Почему бы тебе не попробовать провести некоторое время с нашей дочерью, чтобы она в конечном итоге не натворила что-то сумасшедшее, например, начала принимать наркотики или встречаться с инженером, когда станет старше?

— Мама злится на меня? — спрашивает Амелия, ее голос нехарактерно тих, глаза смотрят на стол. Окей. Можешь срываться на мне, но ты обижаешь моего ребёнка, и тут вырывается Халк. Да, да, у меня нет таких расширяющихся трусов, как у Халка, так что здесь быстро разойтись будет действительно чрезвычайно неловко.

— Исключено, — говорю ей, а затем возвращаю внимание к Сюзанне. — Сьюз. В школе все нормально. С учительницей все в порядке. В классе все в порядке. Амелия в порядке. Возвращайся к своему лечению турецким горохом, и увидимся через пару дней. Хорошо?

Я все еще веду себя мило, но Сюзанна знает меня достаточно хорошо, чтобы понять, больше давить не стоит. Она вздыхает и кивает. Напряжение сдувается. Затем быстро:

ВЫ ЕДИТЕ? ЧТО ВЫ ЕДИТЕ?

Вот черт.

— Соевый йогурт, — говорю я. Это не ложь. За исключение того, что это ложь. Она кажется, успокаивается и отключается. Я смотрю на Амелию, которая теперь шаркает носком кроссовка по тротуару. Она расстроена.

— Я не хотела все портить, — мягко говорит она.

— Ты этого и не сделала. Мисс Шел в восторге от тебя, — говорю я. И так вот просто, ее энергетическая сила возрастает до сотни. Ребенок живет на сахаре и хороших мыслях. Спорим, вы не найдете более совершенного человека. — Она даже сказала, что у тебя много энергии и сценического обаяния.

— Правда? — теперь Амелия на седьмом небе и начинает что-то печатать на своем iPhone. — Мне нужно внести это в мой календарь хороших вибраций.

— Они в школе заставляют тебя вести его? — Что я говорю? Конечно же, да. — Хочешь попасть на прослушивание для этой школьной пьесы, а? Нервничаешь? — Амелия никогда не делала ничего подобного.

Она морщит нос и хихикает.

— Неа. Я собираюсь попасть туда, а потом собираюсь найти агента, и затем я собираюсь попасть в фильмы или сериалы. У меня все распланировано, — говорит она, серьезная как сердечный приступ. Откуда она узнала об агентах? — Отец Николь - агент. Может быть, он будет на моем спектакле!

— Притормози, молния. Тебе все еще нужно получить роль, — я взъерошиваю ей волосы. Затем говорю намного мягче: — Вот почему я горжусь тобой. Когда я был в твоём

возрасте, у меня никогда не было таких больших планов.

— Хорошо. Сначала получу роль, затем поговорю с отцом Николь. Это все в органайзере, — она быстро отправляет письмо и садится на стул, размахивая ногами и чувствуя себя чертовски довольной собой. Я указываю на ее мороженое.

— Не люблю сачков. Доедай, и нам надо кое что сделать. Например, выбрать, какой фильм мы хотим посмотреть.

Слушайте, я не собираюсь быть одним из этих пап Вилли Вонки, клянусь. Но вы никогда не поверите, каким счастливым бывает голос ребенка. Поскольку она думает о том, сколько масла хочет для своего попкорна, я понимаю, что Амелия так счастлива лишь из-за Шел. В первый свой день женщина действительно сделала что надо.

Должно быть, она хороша в том, что делает.

Очень сексуальное качество, если подумать.

5

Шел

— Итак. Первая неделя. Ну, и как ощущения? — спрашивает Эмери, сидя напротив меня, покачиваясь взад-вперед в гамаке. Хотелось бы сказать, что мы разговариваем в каком-то экзотическом тропическом месте с коктейлями с зонтиками в бокалах и подтянутыми официантами, прогуливающимися вокруг, но нет. Гамак в школе. Оказывается, лаунж-зал для учителей был оформлен в стиле флота 19-го века, а диваны и стулья заменены гамаками. Чтобы добраться до одного из них, вам нужно подняться по лестнице, и лучше бы вам гибкой. В среду Хосе, второй учитель химии, выпал из него.

С другой стороны, я вполне уверена, что он занимался какой-то альтернативной химией, если вы понимаете, о чем я, и я имею в виду травку.

— Все круто. Немного ненормальное местечко, но ведь, это же своего рода мило? Дети - мечта, — Они действительно такие. Я всегда любила детей (вы мазохист, если согласитесь на такую работу, не любя их), но эти - одни из самых милых, которых я учила. И поэтому сознательны в таких вещах, как окружающая среда, законы о детском труде и история тибетского конфликта.

Хорошо, эти подробности отчасти немного жутковаты, как на озере Вобегон⁶, но у этих детей также самые прелестные щечки и счастливый смех. Что компенсирует всю эту социалистическую чепуху.

— Я только хочу, чтобы Уиллоу немного отвязалась от Амелии, — говорю я, делая глоток натурального зеленого чая Матча. Я гримасничаю, и не только из-за опилок в кружке. — Она ведь не виновата в том, что энергичная. И любит животный белок.

Всю эту неделю я не думала о мистере Злыдне Монро и сосредоточилась исключительно на его прекрасной ангельской дочурке. Амелия - самый энергичный, самый деятельный ребенок в классе. Каждый раз, когда мне надо прочитать какую-то сценку или показать какое-то действо, она чуть не падает со своего кресла-мешка, чтобы это разрешили сделать именно ей. Но, несомненно, такой избыток энергии отвлекает ее от естественных ритмов класса, или как там сказала Уиллоу.

Вообще-то, это начинает меня раздражать.

Эмери опускает ноги в тренировочных штанах и выпадает из гамака, сделав кувырок,

прежде чем приземлиться на пол. Она преподаёт кармический хоккей и другие физические упражнения в спортивном зале, что на самом деле просто славный термин для небольшого участка газона в западной части кампуса. «Залив сновидений» не то место, куда вы можете отправить своих спортсменов, если вам интересно.

Тем не менее, в первую очередь, я здесь из-за Эмери.

Она перебрасывает дреды через плечо и идет со мной в зал. Ах, звучит гонг. Время для моих послеобеденных живчиков.

— Давай в выходные выпьем настоящего кофе и поболтаем. Я угощаю, — кричит она, шагая задом наперёд, чтобы помахать мне, а потом бежит на урок.

Боже мой. Кофе, а, может, и немного переработанного сахара. Жизнь никогда не была такой вкусной.

Дети уже бегают по кругу, разминая свои маленькие тела, когда я добираюсь туда. Я сразу же вижу Амелию. Она настаивает на том, чтобы всегда носить толстовку с мышьиными ушками.

Могу я разлить по бутылкам ее мимишность? Это разрешено?

— Хорошо, встали в центр и покружились, — говорю я, хлопая в ладоши. Раскладываю несколько пурпурных матов для гимнастики, и все сразу мчатся, чтобы сесть. Амелия сидит в первом ряду в индийском стиле, с энтузиазмом покачиваясь взад-вперед. — Итак, у нас есть объявление. Нашим весенним мюзиклом будет... — Я издаю небольшую барабанную дробь, стуча по коврику, а затем поднимаю руки вверх. — «Оливер Твист»!

Правда в том, что для того, чтобы поставить диккенсовскую историю о лишенных еды оборванцах, викторианской знати и правах неимущих в прошлом, мне пришлось допустить несколько вольностей. Как, например, вот сейчас мы ставим пьесу в цеху в Корейском квартале, а не в Лондоне. И Оливеру нужна, по крайней мере, одна песня о спасении китов. После этого, думаю, весь мир будет у наших ног.

Амелия визжит, другие детишки тоже взволнованы. Дети любят театр, разве может быть что-то лучше этого?

— Скоро у нас будет прослушивание, но сначала мне нужно, чтобы в этот уик-энд вы поговорили с родителями и узнали, кто будет рад помочь нам, — теперь я смотрю на море тихих лиц десятилеток. Разве можно винить их за это? Кто захочет, чтобы их мама или папа неделями околачивались рядом с их учителем? — Сейчас мне нужен только кто-то один, и вы можете сказать маме и папе, что это будут какие-то обычные, банальные вещи. Помощь с подбором декораций, костюмами, помощь с закусками, — я широко раскрываю глаза. — Закуски - самая важная часть.

В ответ они все начинают смеяться. А Амелия начинает подпрыгивать вверх-вниз, размахивая рукой в воздухе.

— Мой папа может! Он может сделать это! — она вытягивается в воздухе настолько, насколько может, фактически не вставая. Она настолько очаровательна, что я почти забываю, что ее папа, вероятно, последний человек на земле, который захочет подбирать привлекательные, но недорогие костюмы оборванцев. На самом деле, если бы он жил во времена Чарльза Диккенса, он, возможно, был бы одним из парней, который сказал Оливеру Твисту прекратить просить предметы роскоши, такие как еда.

Поэтому я уклоняюсь от прямого ответа, надеясь немного поумерить ее пыл.

— Ну, нам не нужен ответ сию же секунду. Давайте, вы спросите родителей на выходных и...

— Но он *хочет* это сделать! Он сказал мне, — на ее лице написана печаль и поражение.
— Он сказал мне, что вы для меня действительно хороший учитель.

Не могу оставаться невосприимчивой к маленькой лести, особенно исходящей от очаровательной маленькой девочки с супер горячим папочкой. Я изо всех сил стараюсь не начать накручивать волосы на палец, как подросток, расспрашивающий о своем чертовом увлечении.

Сфокусируйся, Шел!

— Твой папа сказал, что хочет поработать над школьной пьесой? — Я не очень-то верю в это, но Амелия выглядит вполне серьезной.

— Он сказал, что его никогда ничего не волновало так, как меня актерская игра. Сказал, что хочет меня поддержать.

Теперь Амелия выдаёт осуждающий взгляд, какой может быть у десятилетки, вероятно потому, что она полна энтузиазма, страсти и вообще счастлива. Но я не хочу сильно дразнить ее, поэтому быстро говорю:

— Что ж, давай посмотрим, что твой папа скажет после уроков. Это было бы здорово!

— Он скажет - да, — она выглядит достаточно гордой, чтобы встать и начать кружить по комнате. — Раньше он ничего не делал со мной в школе, он сказал, что вёл себя по-свински и готов измениться. Или что-то такое. Я не знаю. — Она снова хихикает, но то, что она говорит, немного трогательно. Меня не шокирует, что Уилл Монро никогда не был самым внимательным отцом в мире.

И это же заставляет меня немного смягчиться по отношению к парню. Вероятно, развод сделал его более чувствительным. Но чувствительным в стиле Джона Уэйна, когда тот учился любить, а не как парень, который носит маску для сна и тратит много денег на уход за лицом.

Не знаю, почему я почувствовала необходимость провести это различие, или почему все, что я вижу сейчас, это Джон Уэйн в блестящей маске для сна. Мне нужно перестать думать. Как обычно.

Мне также нужно перестать думать о том, как мил мистер Чопорный Монро со своей дочерью, или это серьезно подорвет мою способность ненавидеть его без причины.

— Время для йоги! — объявляю я, вставая и начиная растягиваться. Должна сказать, что у детишек с этим все в порядке.

Когда звучит финальный гонг, урок окончен. Все одевают обувь, берут свои рюкзаки, в то время как я плетусь за Амелией. Мое сердцебиение не участилось из-за того, что я собираюсь поговорить с ее отцом, о нет. Это все йога. Точно вам говорю.

Припарковавшись в тени сосны, Уилл стоит, прислонившись к машине, и смотрит вниз на телефон. На лице сексуальное, нахмуренное выражение, словно он только что понял, что мир в среднем не так горяч, как он. Сногсшибательная картинка.

Окей, Шел, начинай медленно и спокойно. Нет необходимости чрезмерно благодарить его или что-то подобное. Твёрдого, тактичного рукопожатия должно быть...

— Вам нужен мой первенец?

Он шокировано смотрит на меня.

— Что?

Если я отступлю и как следует разбегусь, я, может быть, окажусь в самом низу каньона. Надо запомнить, так, на всякий случай.

— Простите, что я так отношусь к вам. Разговариваю с вами. Я вроде как совместила и

разговор, и работу, — *иди ко мне сладкая смерть. Возьми своего слугу сейчас.* Пока Уилл медленно кладет телефон в карман, тем самым уделяя моему безумию все свое внимание, я продолжаю пытаться перестать мямлить. — Я просто имела в виду первенца, ну как бы в шутку, ха-ха? Забавно? Вроде как с Румпельштильцхеном? Вы когда-нибудь читали Амелии эту историю?⁷.

Уилл задумчиво кивает.

— Как бы я не любил коллекционировать детей, все еще не думаю, что понимаю, зачем мне ваш.

Отжигает по полной, Шелл.

— Я просто, извини, когда мы впервые встретились, я думала, что ты придурок. Оказывается, нет. Думаю то, что ты был груб, моя вина. Мне необходимо было быстро принять решение, и не стоять на одном месте, как тогда, когда я закончила колледж с долгом из шестизначной суммы, который никогда не верну. Ну, ты понимаешь. Это то же самое.

Теперь у Уилла такой вид, словно он должен затащить меня в машину, чтобы тайком отвезти в Сидарс-Синай Медикал Сентер, и заставить их проверить мою лобную долю на любую возможную травму и, честно говоря, парень, полностью с тобой согласна. К счастью, когда к нам подходит Амелия, я спасена от дальнейших глупостей. Действительно пронесло! Поистине спасла мою задницу! Люблю этого ребенка.

— Папочка, ты ведь поможешь с пьесой, правда?

На лице Уилла появляется выражение крайнего смущения, и я сразу же понимаю, что Амелия понадеялась, что он вызовется добровольцем, но это была не правда. Боже, теперь так неловко. По крайней мере, я могу снова считать его придурком в Армани. Хорошо. Это успокоит меня в темноте ночи, когда я потянусь за своим вибратором.

Я... понятия не имею, откуда взялась эта последняя мысль.

Затем, к моему, казалось бы, бесконечному запасу потрясений на сегодня, мы добавили этот маленький самородок:

— Конечно. Помощь с пьесами - это именно то, что я делаю, — подняв бровь, он смотрит на меня. — Именно так я и погасил шестизначную сумму задолженности за колледж

Ох, как смешно.

— Не знаю, рассказывала ли Амелия все подробности, — кладу руки на бедра. Немного приподнимаю одно. Может быть, даже поверчу им... Нет, я этого не сделаю — здесь ведь ребенок. — Нужно будет работать по вечерам и в выходные. Изнурительные решения, быстрый выбор между костюмами и декорациями. Разумеется, у нас фантастический бюджет для работы.

— Куча денег, я понял.

— Джеймс Кэмерон дал нам грант в размере девятьсот тысяч на следующие три года. Если бы я захотела, у меня могли бы быть настоящие львы для постановки Короля Льва.

— Придется кормить их. Львы и все такое.

— Ты бы мог обеспечивать их мясом. — *Здесь. Ребенок. Я. Не. Имела. Это. В. Виду* Так, как это прозвучало. К счастью, Амелия стучит по своему iPhone, и я быстро исправляюсь. — Например, мог бы купить его и сделать выбор между ростбифом и филе, и, вероятно, понадобится много...

— Ты, учитывая мой двенадцати часовой рабочий день, просишь меня тратить свои

вечера и выходные на то, чтобы помочь со школьной пьесой моей дочери? — прохладно говорит он. Кладёт руку на голову Амелии. Боже, он как горячий тридцатилетний папаша Уорбукс. Может, нам стоило поставить «Энни». Может, он мог бы побрить голову.

Нет. Это кощунство.

— Да. Именно об этом я и прошу, — вот тебе и конец и бросок для неизбежного отказа, что хорошо, потому что я не хочу проводить много времени с этим человеком, блин, парень, ни за что. Без шансов.

— Я сделаю это.

А вот и шанс!

— Ой. Это... это здорово, — говорю я, надеюсь, что у меня не капает слюна. Амелия смотрит с безграничным энтузиазмом, сияющим в глазах. Она даже визжит, подпрыгивая в своих маленьких конверсах с металлическими носками, прежде чем обнять папу. Уилл улыбается ей, и на лице ни следа цинизма.

— Это ведь будет дебют моей дочери? Все должно быть идеально, — говорит он.

Ладно. Гляньте-ка. Засранец уходит в сторону, думаю, мои яичники только что начали разогреваться.

— Тогда я буду на связи. По поводу. По поводу расписаний, — говорю я, начиная незаметно прокладывать путь прочь от этого идеального момента любви. Уилл смотрит на меня, губы изгибаются в улыбке.

— Рассчитываю на то, что ты будешь готова. Я человек с идеями, — говорит он, — и я ожидаю отличных результатов.

Оу, так это вызов? Отлично.

— Что ж, я никому не позволю сидеть без дела.

— Хорошо. Мне ненавистна сама мысль, что я окажусь балластом.

Из всех дурацких, глупых, сексуальных ...

— Не беспокойся. Я этого не позволю.

— Тогда, думаю, мы в деле, — я заметила, как он быстро прошёлся взглядом по моему телу, пока говорил это? Или мне это привиделось? Боже, надеюсь да.

Боже, надеюсь, нет.

— Похоже, что так, — говорю я, хитро бросая эти слова на прощанье через плечо. Марширую вниз, чтобы забрать свою машину, и не могу не усмехнуться. Работа никогда не казалась такой напряжённой или интересной.

6

Уилл

Вынюхивая добычу, великолепное животное устремляется вперед. Он прекрасен в действии, сплошные стальные мускулы и дрожащая морда. И слюни. Не забудьте про проклятые слюни. Бруно останавливается на тропе перед нами, голова поднимается, уши торчком. Мое сердцебиение учащается, правильно, мальчик. Она идет? Или ты собираешься...

— Э-э-э, Бруно много писает, — говорит Амелия. Слова выходят вместе с большим зевком, когда она тяжело опускается напротив меня. Солнце едва поднялось над каньоном, а она уже встала с постели. Обычно по субботам, когда мы вместе, я слежу, чтобы это был

хороший день. Амелия спит, пока я выгуливаю зверя, а затем просыпается к блинам и бекону. Я делаю самые вкусные блины на западной стороне. В форме Микки Мауса и все такое. Глаза из шоколадной крошки. Тестостерон бьет струей, друзья мои.

Когда я мягко разбудил ее в пять тридцать утра, она была немного растеряна, насколько может быть сонный ребенок. Тем не менее, она - солдат. Думаю, ей пришла в голову мысль о том, что, когда мы доберемся до каньона, это будет охота за блинчиками. Они будут свисать с ветвей деревьев, как лучший Эдемский сад. Черт, если бы Еве и Адаму пришлось избегать употребления блинов вместо яблок, змеи никогда бы не захотели попасть в картину. Кто может устоять против блинчика?

Сейчас же, мне очевидно, что я занимаюсь ерундой. На рассвете я вытащил из постели свою ангельскую дочурку, чтобы прочесать каньон в поисках одной вспылчивой рыженькой. Господи, но после вчерашнего я не могу выкинуть ее из головы. Упоминание Румпельштильцхена прямой путь к мужскому эротическому центру.

Кроме того, она не уступит в споре, не важно, какими бы сумасшедшими не были ее доводы. Это женщина, с которой я могу справиться. И да, я так и думал, и нет, я не извиняюсь.

Но я понимаю, что втянул в это Амелию, что заставляет меня всерьез задуматься о своём поведении и не обрадоваться тому, что я сделал. Она останавливается, потирая кулаком глаза, зевая так широко, что я могу видеть ее моляры. На данный момент я не выигрываю награду Папочка года.

— Думаю, Бруно отлично погулял и сделал все свои дела, — говорю я, взъерошивая ей волосы. — Что скажешь, насчет того, чтобы сходить к Castro за блинами? А Бруно съест парочку куриных сосисок.

— А мы можем взять блинчики с топленным маслом сверху? — глаза Амелии расширяются от возможности слопать это все. Этот ребенок - мой, скажу я вам

— Дополнительное масло, — я свищу Бруно, и мы втроём идём к машине.

Господи, мне нужно перестать думать о всякой херне. Несколько ближайших недель я буду находиться с Шел в одной комнате, рассуждая о мерках, костюмах и прочем дерьме. Она будет столь же раздражающей, как любой другой учитель во время помощи со школьным проектом. Я перестану замечать такие вещи, как ее ярко-зеленые глаза или округлость груди, или идеальный размер бедер. Довольно скоро я просто увижу ее как подвижную голову с рыжими волосами. Сексуальными, вьющимися рыжими волосами.

Отлично, это я тоже не замечу. Словно разговор с невидимым существом в штанах для йоги. Ничто не может отвлечь меня от поставленной задачи.

Затем с громким рычанием, Бруно срывается с места как ужаленный. Амелия начинает звать его, гонясь за ним. Слышно писклявое, безумное тьяканье. Господи, я где угодно узнаю этот визг. Он исходит от этого комка шерсти с глазами, который Шел называет собакой.

Так что, если показался Арнольд, или как там его, значит, хозяйка где-то рядом. Я бегу вперед и нахожу Амелию, хихикающую и указывающую на них пальцем. Бруно стоит, лениво виляя хвостом, пока болван Арчи энергично объезжает его переднюю лапу.

Видимо Арчи увлекся сексом из мести.

А вот и она, подбегает к двум псам, пробегая рукой по волосам, и хихикает. Шел пришла, чтобы спасти день. Я останавливаюсь рядом с совокупляющимися собаками, поднимаю Арчи и передаю извивающееся животное обратно хозяйке.

— Приятно встретить вас здесь, — говорит она. Она подмигнула мне? Это было

подмигивание? Черт, мне нужно расслабиться.

— Показываю Амелии чудеса утренней зарядки, — говорю небрежно. Моя дочь теперь свернулась рядом с собакой, и дремлет на земле. — Мы делаем все медленно, шаг за шагом.

— Что ж, я отлично знаю, что значит не выспаться, — Шел встает на колени и мягко трясет плечо моей дочурки. Когда Амелия видит своего нового самого любимого учителя, она просыпается так быстро, словно я сделал ей укол эспрессо. Да она практически сбивает Шел с ног, визжа от радости.

— Помните, вы сказали, что мы должны притворяться, будто мы часть окружающей среды? — Амелия задыхается от волнения. — Смотрите! Я - валун. — Затем сворачивается в клубок на земле. Шел вот-вот упадет от смеха, и Амелия радостно катается вокруг. Черт, она хорошо общается с моим ребенком.

Раньше я думал, что миленькая округлая попка и пара классных буферов, были двумя самыми сексуальными атрибутами женщины. Но это ничего не значит.

— Ты будешь самой прекрасной скалой из всех! — говорит Шел, помогая Амелии подняться. Сегодня утром она выглядит хорошо, в розовой толстовке на молнии и паре облегающих светло-серых штанов для йоги. Черт, а они ей идут.

— Что ж. Вы двое, вероятно, направляетесь домой, так что не буду вам мешать. Или мы, — говорит она, почесывая голову Бруно. Он гавкает, облизывая маленький комоч меха в руках Шел. Арчи в ответ облизывает воздух. Думаю, это взаимное притяжение.

— Мы как раз собирались позавтракать, — говорю я, когда она подходит ко мне. Она останавливается, ее рука касается моей. Поднимает эти зеленые глаза убийцы. Черт, если она узнает, о чем я думаю, или как реагирую на нее, она придет в ужас. Вероятно. А может возбудиться. Вот эта мысль мне нравится больше. — Почему бы тебе не присоединиться к нам? Амелия постоянно говорит только о тебе, — улыбаюсь я. — Может, если она попытается поговорить с тобой, у меня будет передышка.

— Ну, я тоже пою Амелии дифирамбы, — она улыбается. — У тебя милейший идеальный ребенок.

— Вы пойдете на завтрак? Боже мой, пойдете, да? — Амелия вскакивает на ноги, Брунс прыгает рядом, разделяя ее энтузиазм, прежде чем сбить ее с ног и начать целовать. Она хихикает, так что никто не пострадал.

— Что скажешь? Мне ведь нужно сказать тебе спасибо за то, что благодаря тебе, этот год для Амелии стал еще лучше, — это чистая правда, да, да. Тот факт, что я поднялся на долбанную гору, чтобы увидеть ее, не имеет никакого отношения к моему приглашению.

Шел смотрит вниз на Арчи, облизывающего ее подбородок.

— Хорошо. А у них есть столики на улице? — спрашивает она.

— Если они не хотят, чтобы бульмастиф докучал официантам, лучше бы они у них были.

— Теперь мне хочется на это посмотреть. Я с вами, — она быстро поворачивается и идет с Амелией по тропе каньона, о чем-то болтая. Бруно идет рядом со мной, виляя хвостом, заражая меня своим энтузиазмом.

Знаю это чувство, братишка.

Мне нравится женщина, которая ест. Более того, мне нравится женщина, которая за раз может съесть жареный картофель домашнего приготовления, омлет, блинчики и пять полосок бекона.

Мы у «Кастро», одном из тех мест для позднего бранча, которое по воскресеньям превращается в пижонское местечко, но приходите в субботу утром, и увидите кучу собак и владельцев, которые их любят.

Бруно и Арчи обнюхивают территорию вокруг горшка с растением, об который какая-то такса потирает задницу. Амелия почти расправилась со своей гигантской стопкой блинов, а я пью вторую чашку кофе.

Шел? Она поглощена своей едой.

— Я так ем не каждый день, — говорит она, единственный момент, когда она застенчива. Тыкает вилкой в яйца. — Имею в виду, я бы с удовольствием, но тогда мне бы пришлось выкатываться из «Залива сновидений». Знаешь, время от времени нужно баловать себя.

Знаю. Судя по тому, как мне трудно отвести взгляд от нее, даже с полфунтом картофеля на ее вилке, я понимаю искушение побаловать себя слишком велико.

— Так что? Капустные смузи и чесночные таблетки по утрам большую часть дней?

— Фу, — она морщит нос. Еще одна хорошая вещь. Незадолго до конца нашего брака Сюзанна продолжала говорить о том, как нам нужна в доме настоящая коза, чтобы она могла пить молоко прямо сразу из-под ее соска. Разумеется, козе нельзя было давать ничего, кроме крекеров. — Нет, я вроде как девушка Raisin Bran⁸. Но когда детство проходит в дороге, времени и денег мало, и с завтраком не особо развернешься. В основном мы довольствовались пакетом Pop-Tarts⁹ и диетической колой.

— Ты ела Pop-Tarts и диетическую кока-колу? — изумляется Амелия, словно это величайшее, что она когда-либо слышала, и обращает мое внимание на кучу размятых кусочков блинов, результат ее баловства. Прочищая горло, тем самым давая ей понять, что хорошо бы вспомнить о манерах за столом, я возвращаюсь к разговору.

— В дороге? Твои родители что, военные?

Она краснеет тем оттенком красного, который хорошо сочетается с ее волосами.

— Они, э-э-э, иногда у них на лице бывает такая же нелепая раскраска, как и у военных, да.

— Прости?

Она смотрит на колени и что-то бормочет.

— А, я не расслышал?

— Мои родители - клоуны, — она поднимает взгляд, все ещё красная от кончика подбородка до волос.

Моя первая мысль - они парочка лузеров, сделавших неверный выбор в жизни, но затем я задумываюсь. Взрослая женщина, путешествующая туда-сюда и ставящая пьесы с детьми? Такой тип кочевого образа жизни был бы привычен для ребёнка...

— Цирковые клоуны, если точнее. Твои глаза как бы озаряются ужасным пониманием, — она начинает копать в своей тарелке, думаю, пытаясь избежать моих глаз.

Твою ж мать. Пару дней назад это была бы золотая шутка. Болтливая, однако ж, привлекательная женщина, говорившая мне, как воспитывать моего собственного ребенка, отпрыск клоунов? Сколько тонких, но раздражающих шуточек про клоуна можно придумать? Семейные каникулы в машине клоуна? Рональд Макдональд как первая юношеская любовь? Варианты бесконечны.

Но эта женщина, в отличие от ее стереотипного альфа-коллеги-учителя хипстера, не заслуживает насмешек.

— Должно быть, это было... весело, — наконец, говорю я. Она фыркает. Думаю, она ждет, моего выпада. — Черт, я бы все отдал, чтобы расти вот так.

— Ну, не знаю, пытаюсь найти друзей для ночевки в трейлере «Эйрстрим», это было, ой, как непросто. Вообще-то, просто в принципе завести *друга*. Один друг в каждом городе. — Вздыхая, она смотрит на Амелию, которая тайком скармливает бекон собакам. — Я бы все отдала, чтобы расти в доме с двором.

— Я так рос, но думаю это переоценено.

Она посылает мне «ну да, конечно» взгляд.

— Кроме шуток. После дня в офисе папа приходил домой, развязывал галстук, наливал виски со льдом и звонил секретарше. Мама в ответ на это чистила кухню. Третий раз на неделе, — Боже, это было похоже на «Безумцев», но с худшим ретро ковровым покрытием.

— Это ужасно, — она жует блин в знак солидарности. — Мои родители всегда любили друг друга. Я всегда была признательна им за это.

— Всегда признательна?

Она улыбается, а затем вздрагивает.

— Я имею в виду, иногда они посылали меня в магазин за мороженым. Мне всегда приходилось идти, даже если магазин был в полутора милях от отеля. Это давало им какое-то время.

Ладно, возможно, детство ребенка цирковых клоунов оставляет желать лучшего.

— Скажи мне кое что, только честно, — складываю пальцы домиком и посылаю ей «расчетливый взгляд брокера». — Ты когда-нибудь носила красный нос?

— Ой, да постоянно. Меня в нем крестили, — говорит она с очень серьезным выражением лица.

Амелия хихикает. У нас есть зрители.

— Что случилось, когда тебе надоедало дома?

— Говорила им, что сбегу к бухгалтерам.

— Любимый спорт?

— Жонглирование.

— Домашний питомец в детстве?

— Джимбо.

— Слон?

— Анаконда.

— Странноватое имя для удава.

— Ну, мы назвали его так после того, как он съел слона.

Теперь Амелия смеется так сильно, что практически падает со своего места. Пока Шел приводит ее в чувство плотком горячего шоколада, я чертыхаюсь про себя, что не могу развернуться *на полную мощь*. Шел Ричардсон забавная, без вопросов.

Только когда она дружески подмигивает мне, это совсем не забавно. Нет, дело чертовски серьезное.

7

Шел

— Привет, арахис!— говорит папа, появляясь на экране моего компьютера. Он

усмешается, как и обычно. Имею в виду, на нем все еще клоунский грим, так что улыбка, вроде как, нарисованная. Но настоящая тоже на лице. Словно у него два улыбающихся рта.

Дайте мне убрать эту ужасную картинку из головы и мы продолжим.

Кстати, просто чтоб все прояснить, «арахис» — это мое прозвище. И да, это в честь *Circ Peanuts*¹⁰. Мои родители считают, что шоу должно продолжаться, продолжаться и продолжаться во веки веков.

— Место выглядит великолепно, — говорю я, оглядывая окрестности. Похоже, он и мама, наконец, поместили своих восемь попугаев в клетки. Я люблю этих маленьких пухленьких птичек, но у них есть склонность гадить везде. Вот-вот, вижу их сейчас, они машут крыльями, следуя команде папы.

— Поздоровайтесь с Шел, дети!

Они все свистят в унисон. Оу, такие милашки. Потом обезьяна Джимми, поедая банан прыгает на плечо отцу. Похоже, вся банда в сборе.

— Как там мой ребенок? — спрашивает мама, садясь рядом с папой, держа в руках тарелку с брауни. О, она печет! Это настолько нормально, что... ой.

— Это не запрещённая выпечка, так ведь, мам? — спрашиваю я.

Она шикает мне и хихикает, как школьница. Точно. Это травка.

— Похоже, ты там довольно неплохо устроилась! — говорит папа, показывая мне кулак с поднятым большим пальцем. Ну, учитывая, что они живут в *Airstream* с птицами, обезьянами, и, до недавнего времени, миниатюрным альбиносом аллигатором (покойся с миром Этель), моя тесная квартира-студия роскошна.

У мамы и папы есть брауни с травкой, а я довольствуюсь буррито из *Chipotle*. Арчи танцует вокруг ног, надеясь стащить мясо. Конечно, я угощу его. Я ведь не монстр.

— Я посмотрела свой календарь и знаешь, что поняла? — Мама вытаскивает постер «Горячие клоуны 2017». Вспомните те сексуальные календари с пожарными, которые продают возбужденным богатеньким женщинам, но добавьте парики и нос. Затем, после того как вернетесь с кричащего края бездны безумия, выпейте что-то покрепче.

Прямо сейчас мы на месяце с клоуном, который оттягивает свои растягивающиеся штаны, с намеком резиновым молотком указывая на то, что внутри.

— Э-э-э, что, мам?

— Твой шестилетний срок почти вышел! — визжит она от радости, едва не стуча ногами.

Мой желудок падает, когда я вспоминаю обещание, данное себе в тот день, когда выехала из ворот Северо-Западного, шапочка выпускника все еще была набекрень. Если к тому времени, когда мне исполнится двадцать девять, я не смогу найти настоящую работу учителя, я вернусь в старый трейлер. Лучше дома места нет. Конечно, это больше чем «лучше дома места нет». Ха. Ха. Я смешная.

Серьезно, я не ожидала, что буду стоять на грани обрыва, глядя вниз в пустоту с сахарной ватой и надувными зверюшками. Очень мягкая пустота, да. Любой может получить работу учителя, верно? Наверняка кто-то в этой стране хочет нанять штатного преподавателя по театральному искусству, так?

Так?

Неа.

— Мы почти приготовили для тебя твою комнату, — лучезарно улыбается папа и делает большой глоток *Mountain Dew*. Он пьёт эту дрянь целыми галлонами. С тех пор, как я

рассказала им о своем плане двигаться назад, если дело не пойдёт, мои предки, казалось, пребывали в восторге от всего этого. Хотелось бы мне разделять их энтузиазм.

— Ты имеешь в виду, мой уголок трейлера, верно? — слабо говорю я. Мою комнату. Ха. Смешно.

— Мы даже повесили занавеску, чтоб у тебя было уединение. Только будет жаль, что у нас с отцом не будет дикого, громкого секса, где я пожелаю, — непринуждённо говорит мама. А затем всхлипывает. — Так здорово, что ты будешь жить дома, милая

Я люблю своих родителей, правда люблю, но мысль о возвращении к Ричардсонам со всеми пластиковыми рогами, поддельными носами, и потенциальными укусами обезьяны просто заставляет меня чувствовать себя дурно. Арчи скулит и смотрит на меня своими огромными диснеевскими глазами. Интересно, как он поладит с Джимми? По крайней мере, там больше нет Этель, чтобы проглотить его целиком.

Бедная Этель. Анаконда Джимбо на самом деле съедает все в поле зрения.

— Мы считаем дни до этого момента! — говорит папа, когда мы заканчиваем разговор по Skype. И я бреду, ложась на кровать лицом вниз и задаваясь вопросом, как именно я докатилась до вот такого в моей жизни.

Все дети прекрасны, и все дети безумны. Все это становится более чем очевидно во время прослушивания для школьной пьесы. После напряжённого понедельника, насыщенного макробиотическими коктейлями и восстановлением коронных чакр каждого ребенка, я два часа без перерыва наблюдаю за прослушиванием для «Оливера», начиная от восхитительно неуравновешенного к немного причудливому.

Уилл, сидящий рядом со мной без пиджака и в рубашке с закатанными рукавами, совсем не помогает сосредоточиться. Когда я отправила ему электронное письмо с просьбой помочь с прослушиванием, была уверен, что получу ответ: «Будучи хозяином вселенной, боюсь, буду слишком занят, тягая железо в своем кабинете, в то время как миллионы долларов, как по волшебству, падают на мой банковский счет. Кроме того, здесь есть моя фотография отличного качества без рубашки. Пускай слюни издалека».

Возможно, я потратила слишком много времени на то, чтобы представить эту последнюю часть.

Но он здесь, и не опоздал, сидит, оценивая каждого ребенка так, словно они проходят прослушивание для бродвейского «Грустные белые люди: Музыкальный». Последние четыре были своего рода странными, и ему трудно оставаться абсолютно спокойным.

Первый ребенок, Далила, вышла и спела «Uprising» Muse, в комплекте с фрагментами собственноручно написанного рэпа, в котором она осудила глобальное потепление и рассказала о «My Little Pony».

Второй, Джефферсон Иммануил Кант (все его имя, ага) продекламировал «Манифест Коммунистической партии»¹¹.

Номером три был Рубикон, который показал сценку «Тебе нравятся Хью Льюис и группа Ньюс?» из «Американского психопата», в комплекте с дождевиком, топором и множеством взрывающихся пакетов кетчупа для крови. Я написала специальную пометку рядом с его именем, попросить его родителей провести специальное очищение: «Пожалуйста, получше присматривайте за своим ребенком».

И, наконец, Кристин спела «Завтра» из «Энни». На эльфийском языке.

В течение всего этого я хихикала и постоянно порывалась вскочить, хлопнуть в ладоши

и даже подпеть, так как я тоже знаю эльфийский. День в обнимку со всеми фильмами «Властелин колец» научат вас ценным жизненным навыкам. Однако Уилл продолжает поправлять галстук, делая это стоически. Мужественно.

Должна сказать, в Кристин есть что-то особенно душевное. Кроме того, щель между передними зубами делает все ее «ш» восхитительными, что приведет в восторг аудиторию. Когда она спрыгивает со сцены, я поворачиваюсь к Уиллу, сияя.

— Думаю, у нас есть Оливер, — говорю я.

Но у него иное мнение. Брови хмурятся, идеальные губы опускаются, и теперь он вылитая хмурая модель Calvin Klein. Ой, мне действительно нравится расстраивать этого мужчину. Вид просто фантастический.

— Ты несерьезно.

— Это мое серьезное лицо, да, да.

— У нее нет правильного озорного взгляда! Послушай, я сделал диаграмму, — говорит он, вынимая настоящую таблицу из кожаной папки на коленях. Господи боже, у него есть круговая диаграмма. — По моим оценкам, Оливер нуждается в максимальной беззащитности, которая бы компенсировала смазливость. Если у вас есть смазливость, выходящая за рамки беззащитности, аудитория не сможет ощутить эмоциональную связь. О таких рода вещей были проведены исследования.

— Хваленые исследования, высосанные из пальца? — выхватываю папку из его рук и выхожу из аудитории на вечерний воздух.

Святое дерьмо, у этого парня есть все. Он даже сделал исследование того, какие вокальные диапазоны подходят для роли героя и роли злодея. Этот человек одновременно удивителен и явно нуждается в том, чтобы переспать с кем-то.

Я ищу добровольцев, имею в виду. Ну, вы понимаете. Ведя себя, как его менеджер и тому подобное.

— Тебе не нужно так волноваться из-за этого, — говорю я, смеясь, когда Уилл выбегает за мной. Он установил свои фазерные пушки на оглушение, адмирал¹². Под фазерными пушками, я имею в виду его глаза. Под оглушением, имею в виду оба смысла, и хороший и плохой. В данном случае даже плохо будет хорошо. Извините, я отвлеклась.

— Нам нужно научить этих детей тому, как их будут оценивать в реальном мире, — Уилл скрещивает руки на груди, красиво демонстрируя свои (стальные, совершенные) мышцы.

— Нет, мы должны научить этих детей, как проявлять творческий подход и получить немного дьявольского веселья, — горячо отвечаю я.

На что Уилл фыркает. Каким-то образом этому мужчине удаётся фыркать сексуально. Это несправедливо.

— Говоришь, как моя бывшая жена, — бормочет он. Затем, быстро добавляет: — Я не говорю, что ты - это она. Просто она постоянно говорит о том, что дети должны быть свободными, но это обычно приводит к отсутствию контроля и неврастению.

Сейчас я получаю целый смешанный фруктовый салат эмоций. Канталупа раздражает - и это не лучшая разновидность канталупы, эта водянисто-зеленая. Тыфу. Есть несколько ягодок ежевичных интриг, что с бывшей женой. Но незрелая вишня сверху - это его мысли о том, что детей нужно учить. Что делает меня сердитой и голодной, потому что не стоило мне проводить эту фруктовую метафору так близко ко времени обеда.

— Послушай, ты не ошибаешься. Не совсем. Многие люди здесь, — бормочу я, тыча

большим пальцем в сторону внутреннего двора перед нами, — кажется, думают, что любая дисциплина разрушит хрупкие маленькие души детей. Это полная хрень.

На что Уилл выдаёт удивлённый смешок. Полагаю, «хрень» здесь, в «Заливе сновидений» не одобренное слово. *Эх, к черту все. Познакомься с настоящей мной, Уилл Монро.*

— Но искусство - это не то же самое, что финансы или медицина. Знаю, звучит банально, говорить такое, но это касается эмоций. Душевного. — Когда я говорю следующую часть, у меня появляется ощущение, словно пузырьки булькают внутри... я всегда так делаю. — Готов к слезливой истории?

— От тебя? — глаза Уилла наполняются тем, что я могу назвать блеск. — Всегда.

Нет, нет, я не краснею. Просто здесь слегка жарковато.

— Когда я была в Оклахоме, моя школа ставила спектакль «Спящая красавица», и девушка, которую мы выбрали на главную роль, была глухой. Я получила массу критики от родителей, даже от директора школы, которые говорили, что девушка не отвечает требованиям. Они сказали, что она была слишком застенчивой, и что роль должна достаться кому-то, кто действительно может это сделать. Но я знала, у этой девушки было нужное качество, поэтому упрямо стояла на своём. Мы немного изменили ее роль, и все получилось! Выяснилось, что она была довольно неплохой танцовщицей - чего никто не знал - поэтому мы сделали практически балет-пантомиму. Все были без ума от постановки, и, когда все закончилось, эта девочка подбежала ко мне и стала очень быстро объясняться жестами. Я вынуждена была попросить ее маму перевести для меня, и она сказала, что никогда раньше не думала, что может быть принцессой, но теперь знала, что, если захочет, может стать ей, — блин, эта часть всегда доводит меня до слез, так что мне нужно потратить минутку, чтобы прийти в себя. Уилл внимательно слушает, и я продолжаю: — Как бы то ни было. Вот почему дети занимаются театром. Им нужно почувствовать себя сильными, прежде чем они смогут выйти в мир и быть сильными.

Проходит целая минута молчания. Теперь Уилл хмурится, взгляд пронзает меня. Не в сексуальности смысле, опять же. Он словно пытается понять, как я функционирую на техническом уровне.

— Вот так. У тебя есть пла...

Я собираюсь попросить у него платок, когда он приподнимает меня вверх и целует. Его рот покрывает мой, никакой робости. Это мастерский поцелуй, он снова и снова заявляет права на мой рот. Мои руки обвивают его шею, тогда как мне следует оттолкнуть его с «Мистер Монро, вы не джентльмен!» Скарлетт О'Хары. Но я этого не делаю. Вместо этого ; притягиваю его ближе, чувствуя, как щетина царапает мои щёки. На вкус он как мятный леденец с небес или что-то еще божественное и мятное. Когда мы, наконец, отрываемся - что тело делать совсем не хочет, но мозг настаивает - я, наконец-то, могу выдохнуть. Уилл опускает меня обратно на землю, и я будто просыпаясь ото сна, возвращаясь к своей работе и в школу и... к тому, что я все еще делаю свою работу в школе.

В то время как целуюсь с родителем.

Целуюсь - отличное слово.

Хорошо, мозг. Давай вернёмся к работе.

— Это было... — Уилл затихает. Голос глубокий, грубоватый и сексуальный.

Я отвечаю:

— Свадко.

Думаю, я искала слово «сладко», но мы этого никогда не узнаем.

— Очень, — соглашается он. Отходит, хотя каждая клеточка моего тела прямо сейчас говорит мне броситься обратно на этого высокого, выводящего из себя, великолепного мужчину. Но только я готова отбросить осторожность и лифчик на ветер, как кто-то восхитительный, подпрыгивая, подходит к нам, толстовка с мышинными ушами все ещё на ней.

— А уже наступило время для моего прослушивания? — Амелия широко улыбается мне. Не думаю, что она была бы такой спокойной, если бы увидела, как я слилась в страстном поцелуе с ее отцом, поэтому думаю, мы в безопасности.

— Прослушивание, — услужливо отвечаю я. — Ты. Я имею в виду, да. Кажется, твой папа собирается выпить кофе. — Мы заранее договорились, что из-за конфликта интересов Уилл не будет участвовать в кастинге Амелии. С другой стороны, я только что безумно целовалась с ним, так что мои интересы сегодня конфликтуют повсюду.

— Кофе, соевый. Хорошо для пищеварения, — говорит он дочери, когда она радостно скачет внутрь. Уже сейчас я слышу, как она разогревается, напевая «la la la» и «do re mi» и «Bootylicious».

Ага, я снова позволила ей слушать свой iPod. Подайте на меня в суд.

— Послушай, прежде чем ты получишь свою сою, — говорю я, чувствуя гордость за себя, что не дрожу, — это больше не может повториться. Хочу сказать, не то, чтобы это было неуклюже, или ты плохо целовался. — Дерьмо. Не это я имела в виду. — Ты безумно целуешься. В смысле безумно хорошо, не как безумный маньяк-убийца с топором. Твой язык не топор. У меня никогда раньше не было топора во рту.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Прости. Увлёкся моментом, — говорит Уилл с тем холодным, беззаботным выражением лица, которое бывает, когда вы зарабатываете определенную сумму наличных. — Не волнуйся об этом.

— Потому что я бы очень сильно беспокоилась об этом. Я имею в виду, было бы здорово, если бы твоя дочь не училась здесь, и школа, и Меркурий в ретрограде, знаешь? — Мой безупречный ход мыслей говорит сам за себя.

— Как я уже сказал, — небрежно пожимает плечам, — виноват. Этого больше не повторится.

Но, когда Уилл неспешно уходит за чашкой кофе, а Амелия прыгает на сцену, готовая к своему маленькому выступлению, я мысленно ругаю себя, пока мои глаза не начинают слезиться. Потому что мое тело все еще дрожит от этого поцелуя, и, черт возьми, но мне понравилось.

8

Уилл

Обычно начало дня - мой золотой час. Когда солнце поднимается над Тихим океаном, а автомобили внизу на Ocean Avenue только начинают скапливаться на дорогах, я оказываюсь в самом дзен. Самое время принимать убойные решения, выбирать лучшие акции и обхаживать самых сложных клиентов.

Однако сегодня обхаживание не стоит на повестке дня. Я сижу, сжимая свой мячик для

снятия напряжения в форме Гарфилда, который Амелия подарила мне на Рождество, сделав его самым совершенным мячиком на земле. Я сжимаю большую оранжевую штуку, потому что не могу выбросить из головы губы Шелл. Не могу перестать думать о том, как сделать их своими.

В романтическом смысле, а не в жутком.

Я умею вести переговоры; все это знают, именно этого ждут от меня мои боссы. Если я с легкостью могу ориентироваться в ловушках рынка, то смогу убедить эту женщину, что ударить по тормозам, когда дело касается нас - независимо от того, что на данный момент это «нас» туманное - самая большая ошибка в ее жизни.

Я не хотел целовать Шел, особенно в школе Амелии. Но ее рассказ об этом ребенке из Оклахомы, заставил меня почувствовать себя тонущим человеком, который видел ветвь, висящую над рекой, за которую он может ухватиться. Действительно великолепную, энергичную, страстную ветвь, которую он хочет исследовать своим...

Пора мне с этим завязывать. А то становится немного жутковато.

Шел есть дело до всего, что она делает. Она не ищет способ манипулировать системой, как подстроить все так, чтобы извлечь выгоду. Она одна из тех людей, которые просыпаются утром, чувствуя, что все можно изменить. Это невозможно наивно. Любой здравомыслящий взрослый знает, он должен оставить эти мысли в своей идеализированной молодости.

Шел, похоже, плевать на все это. Никогда в жизни не видел более соблазнительного качества. Признаюсь, я поцеловал ее импульсивно. Но потом случилось то, чего я действительно не ожидал: это было чертовски потрясающе. То, как она растаяла прямо в моих руках, как прижалась ко мне, желая большего. Маленький вздох удивления, когда мы остановились, который тут же заставил меня стать твёрдым. Было немного трудновато идти за кофе.

Как я и сказал. Есть способ обойти это затруднительное положение. Для меня, всегда есть.

Потирая глаза, я возвращаю Гарфилда на его обычное место рядом с фотографией Амелии под номером 587. Глядя на лицо своего ребенка, я начинаю волноваться о ней больше, чем о ее великолепной учительнице. С чашкой что-это-за-хрень-такая я прокрался на прослушивание. У Амелии было столько энергии, что хватило бы подпитать весь центр Лос-Анджелеса, но даже я мог сказать, что она была немного расфокусирована. Она опережала музыку во время пения, и улыбалась, читая строки, даже драматические, где Оливер должен убежать от владельца фабрики, кричащего о подъеме пролетариата.

Уверен, они не из Диккенса, но ведь после окончания университета прошло время.

Но когда мой ангел не получит главную роль - и я знаю, что так и будет, потому что Шел уже закрепила ее за эльфийской девочкой - она будет опустошена, да? Может, это и к лучшему. Тогда мне не придётся слушать о том, какая Шел замечательная, насколько Шел хороша, и я мог бы начать недолюбливать Шел за то, что разрушила мечты моей маленькой девочки.

Все, что угодно, чтобы забыть этот гребаный поцелуй.

Звонит телефон, Ники с ресепшн. Поднимаю трубку.

— Привет. Новый звонок?

— Мне так жаль, — шепчет Ники. — Она уже идёт.

Судя по тому, как говорит Ники, мне даже не надо спрашивать, кто это «она». Я встаю, тут моя дверь распахивается, и в кабинет заходит моя бывшая жена. Утреннее солнце создает

эффект ореола вокруг длинных светлых волос. Она все еще такая же высокая и стройная, как в тот день, когда мы познакомились, может быть, немного более загорелая. Она срывает темные очки, открывая глаза, такие же голубые, как океан снаружи, все еще искрящийся жизнью. Видя ее такой можно и забыть, почему это мы разъехались.

Затем, не говоря ни слова, она идет, и садиться в углу комнаты, лицом к стене. И выпускает длинное песнопение.

Ну вот, теперь я все вспомнил.

— Сьюз. Есть причина, по которой это не могло подождать до конца дня?— Интересно, что произойдет, если Берт войдет и увидит это. Учитывая, что у Берта сейчас жена номер три, он, вероятно, сочувственно кивнёт.

— Ой, да ничего серьёзного, Уилл. Просто наша дочь попала в сети хитреца!

Каждый мускул в моем теле напрягается, поскольку думаю, это она таким способом говорит мне объявить чёртову Amber Alert¹³, когда понимаю, что на языке Сюзанны это, вероятно, будет означать «у нашей дочери есть собственное мнение и характер».

— Типа как хитрая лиса? Ты все продолжала упоминать одну из последнего поиска прозрения, на который ты ездила, — Белые пески, Нью-Мехико. Сюзанна употребляла пейотль и общалась с тем своим духовным наставником, который похож на Боно, и у ящерицы родился малыш. Я помню все, словно это было на прошлой неделе. Когда в действительности это было... два месяца назад.

Боже, Сюзанна кутила совсем недавно. Если бы мой адвокат была здесь, она бы велела мне делать заметки.

— Она рассказывает мне об этом новом учителе драмы в «Заливе сновидений». Говорит, эта женщина - величайшая из когда-либо существовавших людей. — Все еще не глядя на меня, Сюзанна обвинительно поднимает палец вверх. — Ее слова. Она так же добавила «офигенная» для акцента. Потом сказала мне, что участвовала в прослушивании для школьной пьесы.— Сюзанна говорит так, словно Амелия нюхнула кокса, а затем отправилась на прогулку в полицейской машине.

— Я знаком с Шел. Она очень поддерживает Амелию, — сажусь обратно за стол, потому что я многое терплю от своей бывшей, но эта методика духовного избегания - дерьмо. Загружая компьютер, возвращаюсь к работе. — Это проблема, Сьюз? Что наша дочь получает поощрение?

— Поощрение за неправильные вещи, — Сюзанна, наконец, встаёт и садится напротив меня. Кладёт сумку из конопли на облачённые в сандалии ноги, и опускает загорелые безупречные руки по бокам кресла.

— Мы знаем, что у Амелии нет необходимой предрасположенности к театру.

— Мы не знаем ничего подобного. То, что ты только что сказала и сделала, словно мы оба согласились на это, вероятно, произошло в каком-то измерении, которое доступно только через ту машину из фильма «Контакт», — если это звучит странно эксцентрично, это потому, что у нас уже была точно такая же дискуссия.

— Я хочу, чтобы Амелия блистала. Развивая свой потенциал, — пока говорит, Сюзанна делает какой-то таинственный жест руками. Похоже на рефери, подающего кучу сигналов, когда игра приближается к перерыву, за исключением того, что ни один из них не имеет смысла. — Призвание Амелии - не театр. Мой любимый монах сказал мне об этом.

Верно. Сюзанна знает достаточно монахов, чтобы у неё был любимчик. Откуда? Не спрашивайте меня, я в это время работал.

— Сьюз, позволь мне перейти сразу к делу, — я гляжу на свою бывшую жену, убеждаясь, что смотрю ей прямо в глаза, — Амелия обожает играть. Может, ей год или два будет нравиться это занятие, а потом она его бросит. Может быть, она станет звездой и поразит всех нас. Дело в том, что она взволнована и счастлива, и я не собираюсь отговаривать ее от этого. У тебя может быть иное мнение. Просто я с ним не согласен.

Глубокий вдох, выдох. Смотрите-ка, как все хорошо получается после стольких лет ее попыток заставить меня заниматься водной йогой.

Сюзанна поджимает губы, но не спорит. Она любит нашу малышку. Знаю, что любит. Но показывает это, как-то абстрактно контролируя каждый ее шаг. Это как худший вариант чрезмерной родительской опеки в сочетании с воспитанием ребенка с буквально круглосуточно работающими родителями.

— Что ж, полагаю эта «Шел», как ты ее называешь, позаботиться о внутреннем росте Амелии.

— Почему ты поставила воздушные кавычки вокруг Шел?

— Однажды она может решить, что это не ее имя. Она также может обнаружить, что она иная, так что она может быть другим видом. На днях я встретила морского конька, оказавшегося в ловушке человеческого тела...

— Я с удовольствием продолжил бы этот разговор, но, к сожалению, у меня встреча, — встреча с кричащими голосами в моей голове. Я поднимаюсь, и Сюзанна тоже поднимается, подтягивая сумочку к плечу. — Давай поговорим сегодня вечером, хорошо? Крепко обними Амелию за меня.

— О, и последнее. Мне нужно твое одобрение для чего-то очень незначительного.

Я наострил уши, ну как делают койоты. Это обязательно будет каким угодно, но уж точно не незначительным.

— Я хочу организовать очищение соками организма Амелии. Оно длится всего лишь неделю, и, думаю, ее тело засорено слишком большим количеством переработанного сахара. Мне нужно, чтобы ты помог мне на выходных, когда она у тебя. Убедись, что она выпивает четыре стакана сока в день вместе с двумя стаканами воды. Таким образом, все токсины вытекут из нее в большой стремительной реке.

— Дерьма? Потому что, судя по всему, так и будет, — беру со стола Гарфилда и пару раз хорошенько сжимаю. *Помоги мне пройти через это, приятель.*

— Амелии это нужно, Уилл.

— Она сама тебе это сказала?

Сюзанна снова поджимает губы. Вот и ответ.

— Она не хочет, но я сказала, что иногда родителям лучше знать.

— А иногда - нет. Ты не будешь морить мою дочь голодом, — я вынимаю телефон и ищу номер адвоката. — Пожалуйста, ради твоего же блага, не делай Шейлу ещё счастливей, чем она была все эти месяцы.

Сюзанн знает, что тут давить не стоит. Вздыхает и снова надевает очки.

— Хорошо. Если ты хочешь, чтоб твоя дочь была засорена, это твоё право.

Чертовски верно. Я хочу, чтоб она была засорена чём-то классным, вот что я хочу.

Что за херню я несую?

— По крайней мере, не забудь забрать Амелию сегодня вечером. Ты можешь отвезти ее в юрту, — непринужденно говорит Сюзанна, словно слово «юрта» - это то, что каждая разведенная пара включает в свой разговорный словарь. — Мой урок Рейки будет сложным.

— Я буду там, — говорю ей.

И я буду.

Приехав, я иду прямо к дверям зала, потому что хочу быть там, чтобы обнять Амелию. Никаких сомнений, она будет разочарована.

Двери открываются, и выбегает куча детей. Вскоре я вижу мышинные ушки и готовлюсь к тому, что малышка будет пытаться не подавать виду. Разочарование делает вас сильным. Всегда есть следующая игра. Я пытаюсь выбрать, с чего бы начать, когда Амелия, словно ракета, бросается в мои объятия.

— Угадай, что? Угадай, что? — она практически вырывает мне волосы, но кому есть дело до моего скальпа? Моя девочка счастлива. Меня все устраивает.

Черт возьми, она что, получила главную роль? Возможно, это как в конце одного из тех фильмов, где такой плебей, типа меня, не может сказать, что у его ребенка есть настоящий талант. Как в «Пурпурном дожде», только без секса и причесок 80-х.

— Я получила роль, — говорит Амелия, делая драматичную паузу, — одного из карманников!

— Это... потрясающе! — говорю я, напрягая мозги, чтобы вспомнить «Оливера Твиста». Давайте попробуем, десятый класс, третий урок, я сидел рядом с Луизой Джонсон, и она всегда оставляла две верхние пуговицы блузки расстегнутыми... нет. Диккенса больше нет. Остается только грудь. — Значит, ты будешь ...

— В хоре, но это нормально. Я придумаю свой собственный костюм и все такое! — моя дочь, наконец, слезает с меня и решительно направляется к машине. — Я должна сделать микс! Буду слушать его каждый день, чтобы войти в роль! — кричит она.

Ребенок готов по полной использовать наименьшую из возможностей. Простите, мой ребенок лучший. Спасибо, что прояснили ситуацию для остальной части планеты.

— Они все были очень взволнованы, — говорит позади меня знакомый сексуальный голос. Шел хихикает, наблюдая, как дети несутся к машинам, готовые рассказать родителям. — Обычно присутствует ревность по поводу того, кто получил главную роль, но они все так хорошо воспитаны.

Она небрежно накручивает волосы на палец, и в этот момент я попал. Я могу проиграть этот бой, но собираюсь сделать свой лучший проклятый выстрел. Женщина сексуальна, смешна, умна, душевна и хороша в своей работе? Как, черт возьми, ее уже не урвала какая-нибудь элитная школа? Или элитный мужчина?

Опять же, я что, правда, хочу жаловаться на последнюю часть?

— Я тут подумал, мы могли бы собраться и начать планировать, — говорю я, привлекая ее внимание. Слежу за тем, чтобы мой взгляд танцевал с ее. Я почти подмигиваю ей, когда говорю: — Только вдвоем.

— Отличная идея. Нам надо двигаться вперед, — она улыбается, ужасно деловитая. Господи, эта женщина или дразнит меня, или не знает, чего я хочу, и, в любом случае, это охрененно заводит.

— Как насчет Embargo? Новое место на западной стороне. Мы могли бы встретиться завтра, может в семь? — она посмотрит информацию о ресторане, увидит, что это за место, и сразу поймёт, что на самом деле мы делаем. Это способ намекнуть, не будучи очевидным. Тише едешь, дальше будешь, — сказала черепаха. И в этом случае черепаха пытается обольстить особенно дерзкого зайца.

Знаю, все не так, как в той басне, и есть элемент межвидовой странности, но я не отказываюсь от этой аналогии. Нет, я так не сделаю.

— Звучит отлично! — Шел записывает информацию в свой телефонный календарь и идет со мной обратно к припаркованным машинам. Амелия дергает дверную ручку, пытаюсь проникнуть внутрь и начать создавать свой потрясающий микс. — Увидимся завтра, — Шел кричит мне, маша рукой Амелии, пока идет к своей машине.

Ухмыляясь, я сажусь за руль. Мой план совершенен. Завтра она появится, готовая к продолжению.

Она определенно в деле.

9

Шел

Святое дерьмо, я в толстовке с Вольтроном в шикарном винном баре. Как, черт возьми, это произошло?

Мне удалось найти идеальное место для парковки прямо перед местом встречи... помогло и то, что у меня верный маленький Smart Car, который, как я понимаю, выглядит почти так же, как и первый клоунский автомобиль моих родителей. Это немного убило мою радость, но я назвала его ТАРДИС¹⁴ и почувствовала себя лучше. Он маленький снаружи, просторный внутри! И цвета лайма, так что не ТАРДИС, но я хочу сказать...

Хорошо. Винный бар. Я должна была более внимательно изучить адрес, когда ввела его в GPS. У меня почему-то была глупая идея, что это кофейня, и я оделась соответственно. Кроссовки, серые штаны для йоги, и, как уже сказала, толстовка с Вольтроном. Это моя самая милая толстовка с Вольтроном - у робота есть меч и все такое.

Вероятно, лишь может быть, я забыла, как вести себя в обществе.

Люди, входящие и выходящие из бара, выглядят так, словно в любой момент могут сорваться и махнуть на Капри. В них нет ни грамма жира. Может я даже не смогу войти в дверь. Возможно, у них есть сканер сетчатки, который определяет, богаты вы или нет.

И как сканирование сетчатки может определить подобное?

Покраснев, я беру блокнот и сумочку и быстро захожу в бар. Прохожу мимо нескольких футуристических ламп, вроде тех, которые напоминают катушку Тесла, но более причудливых. Атмосфера этого места – «Бегущий по лезвию» встречает миллиардера. Бармены одеты в черный шелк, а окружающее освещение мягкое. Бокалы мерцают в свете, и люди рассматривают меня сквозь свой дорогой Мальбек. Хотела бы я вместо этого надеть кожаный пиджак. Да, на нем розовые сердечки из «Розовые Леди 2014» с блестящей краской, но, черт возьми, это была лучшая постановка «Бриолина» в Сиэтле.

И тут я останавливаюсь, поворачиваюсь, и иду прямо к двери. Черт бы побрал «Гуччи», их коктейли с азотом или что все пьют здесь, мне с ними не по пути. Я напишу Уиллу из машины и скажу, что умерла. Проблем не возникнет.

— Шел! Ты куда? — а вот и он, точно по расписанию. Я позволяю себе медленно повернуться, задаваясь вопросом, могу ли я подойти к нему и изобразить убедительный фальшивый акцентом. *Шел, кито это? Я, есть французский шпион, мсье.*

Поддельный акцент застревает в горле и отказывается выходить, потому что Уилл крадет мою способность говорить. Его волосы привлекательно взъерошены, будто он только

что из душа. Он в темно-синем спортивном пиджаке поверх синей рубашки, подчеркивающей загар и демонстрирующей накачанное тело. Виден лишь кусочек, и он настолько идеально сложен, что я почти начинаю пускать слюни на Вольтрона.

Вольтрон не возражает. Вольтрон узнает горячего мужчину, когда тот стоит напротив.

— Я, ах, не думаю, что вписываюсь, — посмотрим правде в глаза, я никогда не вписывалась, но обычно я, по крайней мере, выгляжу хорошо. Уилл, наконец, осматривает меня, оценивая мой хвостик, свежeweымытое, без макияжа лицо, штаны для йоги.

Господи боже, мои штаны йоги. Могла бы одеть хоть черные. По крайней мере, в тусклом свете, я могла бы выдать их за Armani.

— Давай просто возьмем тебе выпить, — наконец, произносит Уилл.

— Не думаю, что могу оставаться здесь. Полагаю, в эту дверь вам позволят войти лишь, если в вашей зарплате больше четырех нулей.

— Тогда я сгожусь за нас обоих, — спокойно говорит он. Ах, мистер Транжира. Немного краснею от смущения.

— Я выгляжу неуместно.

— Ты выглядишь достаточно уместно. Алкоголь поможет тебе расслабиться. Все лучшие врачи подтвердят тебе эту теорию, — говорит он, поднимая брови, пока ведёт меня вперёд. Это словно идти по сказке, лос-анджелесской сказке, где заколдованный лес из кирпичных стен и спокойная бонго музыка, и волшебник - невероятно привлекательный мужчина с кучей наличных и шепоткой высокомерия.

Да, да, слышу, как вы из зала кричите мне что-то о совершенстве, но я ничего не понимаю.

Наконец мы садимся за стол с маленькой открытой ямой для огня. Мне надо помнить об этом и случайно не свалиться лицом в угли, хотя прямо сейчас это, возможно, будет благословением. Официант с хипстерской козлиной бородкой и в шелковой свободной рубашке принимает наш заказ - он берет виски со льдом, я выпью все вино, что у них есть. И вот остаёмся мы, он и его модная одежда, я, моя сумочка и блокнот Hello Kitty. Я не вытаскиваю Hello Kitty из сумочки, но чувствую, как блокнот смотрит на меня из сумочки и осуждает.

— Господи, я ведь думала, что это кофейня, — говорю я в качестве объяснения. Пребывает вино, и я делаю аккуратный большой глоток. — Прости. Не хотела сбежать и оставлять тебя тут в ожидании. Дело в том, что это место действительно шикарное, с мягким освещением, романтической музыкой, изысканным персоналом и твоим стильным нарядом, и это последнее место, которое я бы выбрала для неофициальной встречи по поводу школьной пьесы и, святое дерьмо, это ведь свидание, да?

Все это вылетает из меня как безумный, разноцветный водопад. Уилл терпеливо смотрит на меня, стальным взглядом человека, который понимает, что застрял и виноват в этом сам.

Я на свидании с родителем ученика. Нет, нет, этого сейчас не происходит. *Давай, вставай, Шел.* Независимо от того, насколько он горяч, или насколько великолепен, и изумителен был тот поцелуй, или насколько совершенны его губы, или насколько он горяч, подожди, ты это уже говорила. *Дерьмо.* Придумай что-нибудь новенькое.

До того, как у меня появляется шанс сбежать или непреднамеренно поджечь что-нибудь, что было вариантом номер два, Уилл делает нечто совсем неожиданное.

Он смеется. Не лающим смехом или психо-убийственным, такие бы все испортили бы.

Он своего рода восхищенный, и совершенно удивленный, смех, который кто-то выдаёт, когда происходит что-то хорошее.

Он почти заставляет меня чувствовать себя так, словно я совсем не облажалась. Почти.

— Да, это свидание, — он смотрит на меня через стол, и камин отбрасывает опасные тени на его лицо. Опасные в хорошем смысле. — По крайней мере, возможно.

— Э? — рада, что издала этот звук вместо того, чтобы взвизгнуть и высунуть язык. Надо было мне отреагировать на слово «свидание» так, словно оно шокировало мою безумно утончённую, изысканную натуру. Вместо всего этого я растаяла прямо на месте.

— Я верю в переговоры. Если тебе это подходит, — говорит он, кладя руку на мой блокнот, — мы допиваем свои напитки, обсуждаем пьесу и отправляемся домой. Никаких повторений, никаких новых переговоров. — Сейчас он выдает полуулыбку, глаза оживают с вызовом. — Но если ты согласишься ненадолго позабыть об этом, вечер станет свиданием. Никаких условий, никаких обещаний ничего, кроме одного-двух бокалов. И мы увидим, куда нас заведёт ночь.

Боже, у него такой самоуверенный голос. Он знает, что точно не проиграет.

— Предположим, я выберу вариант А? — меня не волнует, насколько великолепен этот парень... в смысле, ну только если чуть-чуть... но ему не удастся победить так сразу. Я делаю глоток вина, чувствуя себя немного шикарной, даже в толстовке с Вольтроном.

Уилл усмехается, выглядя очаровательно похожим на волка. Очень мило.

— Ты могла бы, но это будет менее авантюрный вариант. Что не очень-то похоже на тебя, я прав? — спрашивает он.

Неа. Однажды я связала гремучую змею, чтобы она не надоедала нашей лучшей свинке-танцовщице чечетки. Я родилась авантюристкой.

— Ты не настолько хорошо меня знаешь, — говорю я, пытаюсь быть благоразумной. Думаю, по крайней мере, пытаюсь делать что-то в этом роде.

— Когда я проверял в последний раз, узнать друг друга - причина для свидания.

Хорошо, хорошо, туше, сэр.

— И никаких дел? — Уилл все не отвечает. — Эй!

— Прости, собирался пошутить на тему клоунов, но остановился, — он откидывается назад, уверенный, неуязвимый и действительно приятно пахнущий. Аромат удачи и густого соснового леса. — Что скажешь, Шел?

После минутного размышления я беру блокнот со стола и кладу обратно в сумку. Улыбка Уилла становится ещё шире. В конце концов, это всего лишь один напиток. Что такого ужасного, кроме потери работы, вероятного смущения перед человеком, с которым мне придется проводить много времени и, возможно, случайного поджога стола, может случиться?

Все это довольно плохо, да. Но что ещё хуже? Хуже будет уйти, потому что этот мужчина в равной степени замечательный и приводящий в бешенство.

Я делаю ещё один глоток вина, и, наконец, говорю:

— Скажу, что нам стоит заглянуть в меню. Мы могли бы остаться ненадолго.

Думаю, это достаточно смело для Уилла. На самом деле, я бы сказала, что это чертовски заводит.

— Ты уехала из города посреди ночи, учитывая, что на следующее утро у тебя экзамен? — Теперь мы с Уиллом сидим намного ближе, уютно устроившись в уголке. Мое вино

подмигивает мне в бокале или, по крайней мере, то, что от него осталось. Подмигивает. Хех. Вино с глазами.

Я немного пьяна, *тсс*.

— Заметь, АСТ¹⁵. у меня был бы идеальный результат, если бы не вечеринка в честь дня рождения Мелиссы Энн в Глендейле, — я вскидываю кулак в потолок. — Проклинаю вас, родители, за то, что поручили мне управлять машиной с пузырьками. — Черт, я всегда могу сказать, что изучала торговлю. На самом деле, так и есть, если судить по моему заявлению в Северо-Западный. И они проглотили это.

— Разве ты не скучала по друзьям? — Уилл снял пиджак, и эта рубашка *превосходно* облегает его тело, показывая все границы и твердые линии.

Ммм. Твердая. Ммм, линия. Вино. Без разницы.

— Если бы мне было по кому скучать, то конечно. Но свинья Монго Джерри и банановый слизень Персик были всеми друзьями, которые были мне нужны. — Часы, которые я потратила, изливая свою маленькую подростковую душу слизняку, не стоит записывать в книги по истории. Мы должны позволить этой части умереть.

— И никаких парней, оставшихся в пыли трейлера? — Уилл двигает мой бокал обратно ко мне, задевая кончиками пальцев мои, когда я беру бокал. От этого прикосновения по позвоночнику пробегает теплая, восхитительная дрожь. Я скрещиваю ноги, когда тепло растекается между ними. Разум затуманен, а этот мужчина идеально заботлив. Сегодня вечером будет тяжело уйти домой в одиночестве.

— На самом деле, в школе я не часто ходила на свидания. Стоит парню узнать, что ты можешь жонглировать лучше него, все, игра окончена.

— Парни чертовы идиоты. Мне нравится женщина, которая отлично владеет руками, — говорит Уилл.

Ммм, так много шуток об обращении с шарами и так мало времени.

— А ты? Оставил после себя кучу девушек в предобморочном состоянии?

— Сотни, — он наклоняется ближе, шепча мне в ухо. — Я никогда не лгу.

— Такой скромник.

— Нет, ни настолько. Просто опытный, — говорит он, голос становится все глубже и богаче. Божечки, я готова упасть со своего места, и не потому что мы оба несём чушь. Медленно, очень медленно, рука Уилла опускается на мое бедро. Я не могу сдержать мягкий вздох, вырывающийся из моего рта. И он, кажется, рад услышать его. — Шучу, конечно. Ну, про опыт. Скорее, их было трое.

— Так ты практически монах, — протягиваю я. Уилл пожимает плечами, легко и непринуждённо.

— Я был запасным в футбольной команде в маленьком городке США, я бы мог уложить в постель кого угодно. Но слишком много учился и, к тому же, мне нравятся женщины, бросающие вызов, — говорит он.

Пальцы нерешительно двигаются вдоль моего бедра, проверяя, как далеко я позволю ему зайти. Черт, но я готова позволить ему зайти очень, очень далеко. За секунду до того, как он достигнет, э-э-э, конечной точки, я кладу руку на его. Останавливая. Уилл напрягается... не в этом смысле. Ну, может и в этом, я не сижу у него на коленях, так что точно сказать не могу. Он издаёт низкий шум, практически рычание. То, как он сжимает мое бедро и улыбка, играющая на его губах, заставляют меня думать, что ему нравится охота.

— Так ты хочешь посмотреть, сможешь ли уложить милую маленькую рыжую из школы

своей дочери? — пытаюсь говорить легко, но боюсь, что в этих словах есть доля правды.

Уилл убирает руку. Дерьмо, я зациклилась на этом.

— Думаю, ты используешь неправильные слова, — невозмутимо говорит он.

Ах вот оно что. Любитель покомандовать. Вероятно, мне надо угадать, по крайней мере, семь из пятнадцати слов из его «я бы соблазнил» словаря.

— «Милая» неверное слово?

— Определенно. Страстная. Дерзкая. Красивая, — его взгляд опускается к моей груди — когда стало немного тепло, я сняла Вольтрона. — Фантастически одаренная. Мы могли бы начать с этого.

— Где все это закончится?— спрашиваю я, у меня перехватывает дыхание. Никогда еще не пицала так сексуально.

— Зависит от следующего шага, — говорит Уилл, притягивая меня к себе и целуя. Это не неожиданное движение, как в прошлый раз. Теперь, я осознаю все, когда он наклоняется, на мгновение прикасаясь своими губами к моим. Слово проверяет, все ли в порядке. Так не должно быть, потому что он все еще родитель, и я все еще сомнительный профессионал.

— Да, — выдыхаю я, и он захватывает мой рот. Я стону у его губ, когда он прослеживает рукой вдоль края моей майки, проводя пальцами по выпуклости груди. Соски твердеют при малейшем прикосновении. К черту сегодня школу и все остальное. Прошло много месяцев со времени моих последних отношений, и я не из тех, кто ходит по барам в поисках интрижки. Мое тело готово к этому.

— Мы выпили лишнего, — мягко говорит он, губы все ещё порхают по моим. Сначала я боюсь, что он собирается предположить, что я не в себе из-за алкоголя, и нам надо притормозить. Поэтому мое тело давит на внутреннюю педаль газа, несясь с рёвом по Дороге Ярости секса. Что бы это ни значило. Мне нужно прекратить смотреть фильм «Безумный Макс» перед сном.

К счастью, он продолжает:

— Нам не стоит садиться за руль.

— Хорошо, что есть такси, — говорю я, беря телефон и даже не роняя его. Очко мне, тем более, что я практически выпускаю мобильник, когда его рука ласкает мое бедро всего в нескольких дюймах от опасной зоны.

Прямо сейчас в моей голове должен играть Кенни Логгинс. Я вот-вот пересплю кое с кем.

10

Уилл

Я не думаю о том, что делаю. Ни тогда, когда Шел прижимается ко мне в машине, мои руки скользят по ее охрененно идеальной груди. Она ахает и хнычет от этого маленького контакта, и я твёрдый от этого звука. Не задумываюсь, когда мы выбираемся из машины и идём вверх по лестнице в мою квартиру, я иду за ней, очень близко, и смотрю на ее попку в этих штанах для йоги. Изобретатель этих мерзавцев — герой всего человечества.

Не думаю ни о чем, когда неуклюже открываю дверь, но думаю о том, чтобы не включать свет. Свет с улицы проникает сквозь окна, но в остальном я хочу ее здесь, вот так, в темноте.

У Шел перехватывает дыхание, когда я поднимаю ее, и она обнимает меня ногами, когда я кладу ее на диван. Она смотрит на меня, губы раскрыты. Снова целую ее, прислушиваясь к стону, когда мой язык толкается ей в рот.

— Я хочу тебя вот так, — говорю я, скользя рукой к ее майке. — В темноте, чтоб ты меня умоляла. — Она замирает, когда я потираю сосок сквозь тонкую ткань лифчика. Выгибает спину, и рыжие волосы рассыпаются по дивану. Твою мать, мне приходится приложить все усилия, чтоб не кончить прямо сейчас.

Она садится, чтобы помочь мне снять майку, и я начинаю расстегивать лифчик, пока целую ее. Она феноменальна на вкус: красное вино и клубничный блеск для губ. Лифчик соскальзывает с плеч, обнажая грудь. Соски твердые и совершенные, пока я провожу по одному языком, касаясь груди губами. Постанывая, она садится на меня, обнимая ногами талию. Моя эрекция прижимается к ней, моля об освобождении. Боже, она начинает двигать бедрами. И потирается об меня.

Черт возьми, мне сейчас же нужна эта женщина.

— Подожди, — шепчу я, пока она возится с моим пиджаком. Снимаю его, и ее руки начинают работать над пуговицами рубашки. Ее губы раскрыты от нужды - она покраснела и выпрашивает мой член. — Ожидание будет стоит того, — рычу я, опуская ее на диван.

Одним быстрым движением стягиваю с нее штаны. Она лежит там, одетая лишь в трусики, и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не разорвать их. Встаю перед ней на колени, вынимаю презерватив из кармана и разрываю фольгу. Шел смеется, тяжело дыша.

— А ты подготовился, — восхищенно говорит она.

— Времена бойскаутов, — говорю ей, пока она расстегивает мой ремень и брюки. Замечу, *такие* знаки отличия мы не получали. В то время как она освобождает мой член и начинает поглаживать, горячая маленькая ручка бежит вверх и вниз по моему стволу, я кладу руку ей между ног. Твою ж мать, ее трусики промокли. Она готова и она хочет этого.

Шел ахает, когда я дергаю их вниз, проводя пальцами по голому бедру. Затем потираю припухший клитор, наслаждаясь тем, как она выкрикивает мое имя и дрожит под моей рукой. Всхлипывая, она приподнимает бедра, заставляя меня пойти дальше. Я так и делаю, медленно дразня ее, пока она извивается подо мной.

— Пожалуйста, — шепчет она. — Уилл, трахни меня.

— Когда буду готов, — говорю я, скользя одним пальцем глубоко в ее киску. Затем, для верности, добавляю второй. Постанывая от удовольствия, Шел начинает объезжать мои пальцы, насаживаясь на них. Черт, она такая мокрая и тугая. Киска сжимает мои пальцы, движения требуют, чтоб я взял ее полностью. Прежде чем сдать, прижимаю большой палец к клитору, потирая все сильнее и сильнее, пока она не закидывает голову назад и не кричит:

— Боже, я сейчас кончу. Ох, черт, — стонет она, прижимаясь ко мне. Иисус, думаю, я вот-вот потеряю голову от того, как ее киска сжимается вокруг моих пальцев.

Я отдергиваю руку, когда Шел садится, прижимая колени к груди. Она поднимает на меня глаза, умоляющие и полные самодовольства. Она знает, я хочу этого так же отчаянно, как и она, может быть, даже сильнее.

— Ты кончишь, когда я буду внутри тебя, жёстко трахая тебя, — говорю я, наконец, вытаскивая презерватив. Шел тянется и берет его, потирая мой член. Бл*дь да, она гладит его до основания и сжимает, прежде чем двинуться обратно. Я низко стону, когда она продолжает, наклонившись вперед, чтобы дотронуться губами до самого кончика. Боже, я

мог бы кончить прямо сейчас, но знаю, ее киска будет лучше. Я должен быть внутри нее.

Шел встаёт на колени, все ещё проходясь рукой вверх-вниз по моему члену. Я прижимаюсь ближе, приподнимая ее, пока снова целую.

— Ты нужен мне внутри, — шепчет она против моих губ. В руке презерватив и она ловко раскатывает его по моему стволу, затем снова седлает меня. Мой член трется о ее вход. Она тянется вниз и, поддразнивая, проводит им по своим складочкам. Похныкивая, она почти скользит им внутрь. Почти. Но это моя работа.

Я застаю ее врасплох, укладывая обратно на диван. Начинаю погружаться в нее, пока она ловит ртом воздух, но затем наполовину выхожу обратно. Усмехаясь, слушая ее хныканье, проделываю это снова и снова. Провожу членом вверх и вниз по ее киске, задерживаясь на клиторе. На какое-то мгновение, прежде чем войти в нее, я снова останавливаюсь. Она замирает, глаза широко раскрыты и умоляют.

— Попроси меня, — говорю ей, зубы стиснуты, руки дрожат. Это все, на что я способен, чтобы сдержаться и не позволить себе взять эту женщину так жёстко и так долго, как хочу. Я хочу знать, как сильно она жаждет меня, что она хочет меня так сильно, что не может жить без моего члена глубоко внутри нее.

Шел отвечает, кусая мое плечо достаточно для того, чтобы мои нервы взорвались от удовольствия. Ворча, я прижимаю ее к себе и отвожу волосы, целую шею и прокладывая дорожку из поцелуев к плечу. Ее кожа пылает против моей, и она задыхается, когда я двигаюсь на нее сверху, мой член такой твёрдый и готовый, что я больше не вынесу.

— Пожалуйста, — шепчет она, обнимая меня за шею. — Пожалуйста, трахни меня. Заставь меня кончить.

Затем ее рот прижимается ко мне, и, когда она целует меня, я в последний раз провожу головкой члена по ее клитору. Затем медленно погружаюсь в нее, прислушиваясь к ее стону, пока мой член заполняет ее. Господи, я никогда раньше не встречал такую тугую женщину. Она толкается ко мне, тяжело дыша от нужды, когда я вхожу до конца, пока не оказываюсь так глубоко, как хочу. Когда мы соединяемся вот так, я выпускаю стон.

Охренеть, давно мне не было так хорошо. Может, мне вообще никогда не было так хорошо.

Медленно, я отстраняюсь и смакую ощущение того, как сжимается ее киска, пытаюсь удержать меня. Затем толкаюсь снова и снова, наслаждаясь тем, как она выкрикивает мое имя, пока ее бедра двигаются с моими в едином ритме. Я хотел делать все еще медленнее, заставляя ее умирать от желания и умолять меня, но я не могу себя контролировать. Толкаюсь сильнее, глубже и быстрее, прислушиваясь к прекрасным моментам наших вздохов. Она сжимает мои волосы в кулак и прячет лицо в моей шее, крича, когда я врезаюсь в нее. Снова и снова, как молитву и освобождение, повторяя мое имя. Я прижимаюсь к ней ближе, чувствуя ее буфера, когда они подпрыгивают в едином ритме. Мои шары напрягаются, и зрение начинает затуманиваться. Я на грани, но хочу услышать, как она будет стонать мое имя, когда кончит. Хочу посмотреть, как сильно могу заставить ее кричать.

Поднимаю ее колени выше, прижимая к ее груди. Шел вскрикивает, когда начинаю вколачиваться в нее, а я просовываю руку между нашими соединенными телами и, в последний раз, касаюсь ее пульсирующего клитора. От моего прикосновения все ее тело начинает дрожать, и она откидывает голову назад.

— Черт, я сейчас кончу, — хнычет она.

Да. Вот так. Да. Это правильно. Продолжаю дразнить ее, кружа по клитору, пока толкаюсь все сильнее и быстрее. Хочу, чтобы она знала, что я здесь. Хочу, чтобы она помнила. Когда она снова выкрикивает мое имя, умоляя освободить ее, я ощущаю давление, нарастающее в моем собственном теле. Ее киска плотно сжимается на моем члене, и я знаю, что пропал.

Шел содрогается и визжит - действительно визжит - когда оргазм накрывает ее. Глаза плотно закрыты, рот широко раскрыт, когда она падает через край. Это все, что мне нужно, и затем мой член дергается, когда я вхожу в нее.

— Черт, — рычу я, теряясь в ней, выкрикивающей мое имя, и горячем хлопанье наших тел, кончающих вместе. Затем, как только оргазм затихает, а части мира воссоединяются, позволяю себе лечь на нее сверху. Шел, все еще всхлипывая, целует мою грудь, шею, челюсть. Веки дрожат, и она облегченно вздыхает.

— Так что? Встреча удалась? — говорю я, все еще пытаясь отдышаться. Она хихикает и игриво ухмыляется.

— Получи награду — говорит она, целуя меня, когда я выскользываю из нее. Когда я ложусь на диван, и она прижимается ко мне, я думаю о том, как важно продолжать учиться в школе. Обучение действительно освобождает.

11

Шел

Я просыпаюсь под аромат кофе и ощущение сказочных дизайнерских простыней под моей обнаженной кожей. Похоже на то время, когда я мечтала о страстной ночи с Колин Фертом, каким он был в девяносто пятом, только на этот раз, А) декора намного меньше, чем у Остин¹⁶, и Б) это на самом деле реальность. Прекрасная, наполненная кофе-и-сексом реальность. Будильник на моем телефоне рядом со мной жужжит, терпеливо напоминая, черт побери, что пора вставать.

На стуле лежит халат. Боже мой, это как если бы домашние эльфы были на шесть футов выше и красивее. Если бы это было так, я бы переспала с Добби.

Что ж, вероятно, нет.

Квартира двухуровневая, и я направляюсь вниз в гостиную, освещенную солнечным светом. Слышу шипение кофе, и звуки открывающихся и закрывающихся дверей шкафчиков на кухне. Прохожу мимо дивана, где вчера у нас с Уиллом были первые плотские объятия. Никто больше не называет это плотским объятием. Давайте-ка вернем это выражение.

Уилл на кухне, на нем белоснежная рубашка и идеально сидящие черные брюки. Пиджак висит на стуле. Он уже встал и оделся, великолепный ублюдок. Услышав, как я вхожу, он поворачивается, держа в руках тарелку свежих круассанов, и мое сердце пускается вскачь. Живот присоединяется к разговору, громко поздравляя этого мужчину с тем, что он такой внимательный любовничек.

Мой живот говорит такие вещи, как *любовничек* и *сказочный*, даагой... Как французская кинозвезда 30-х годов.

— Доброе утро, — говорит Уилл, улыбка появляется на губах, когда он смотрит на меня сверху вниз. Сдается мне, он раздевает меня глазами. Думаю, я хочу выскользнуть из халата и немного помочь его воображению. Иду к нему медленной походкой... неторопливо и

вальяжно. Затем забираю из его рук чашку свежесваренного кофе, выбираю мягкий, слоеный круассан и прижимаюсь губами к его губам. Он продолжает, накрывая мой рот. Боже, у меня такое чувство, что я готова позволить завтраку упасть на пол и оставаться там, пока я исследую каждый великолепный дюйм этого мужчины...

И тут я вспоминаю, что сегодня учебный день. А еще у меня есть собака, которую надо выгулять. И я почти голая.

— Я должна идти! — говорю я, хотя мои губы все еще на нем, и его язык хозяйничает у меня во рту, так что это звучит как «Хм-м-м-м-м-р-р-р-р-р». Уилл поступает разумно, освобождая мои губы. Бегу вверх по лестнице, по пути глотая кофе и откусывая гигантские кусочки круассана. Проклятье, мне придется взять такси, чтобы доехать до машины, поехать к себе, позаботиться о собаке, переодеться... мне просто нужно будет запрыгнуть в рабочую одежду посреди улицы. Уверена, никто не будет возражать. Почистить зубы, расчесать волосы? Эх, посмотрим, сколько у нас времени.

Твою мать! И почему вчера я совершила такую глупую ошибку? Мне никогда не следовало оставаться на ночь.

— Нужна помощь с поиском одежды? — подняв одну бровь, Уилл прислоняется к дверному проему, и его (мускулистые) руки скрещены на его (твёрдой) груди.

Ах, теперь я вспоминаю. Это не ошибка. Я выскальзываю из халата и быстро натягиваю одежду, пока он очень внимательно наблюдает за мной. Когда вы растете в шоу-бизнесе - ну, вроде как, в шоу-бизнесе - вы привыкаете находиться обнаженным вокруг людей. Обычно люди не такие горячие, как этот, так что это приятный бонус.

— Команда Вольфрона на выход, — говорю я, наконец, натягивая толстовку и перекатываясь через кровать, стиль ниндзя, чтобы схватить сумочку. — Смотри, как я парю, — трусь об него в дверном проеме, что вряд ли причиняет неудобства. — Прости, что убегаю вот так.

— Подумать только, а я-то встал рано, чтобы забрать эти круассаны, — цокает он, качая головой. — Чертова трагедия.

— Оу, так ты их купил? Ты не мужественно испек их, пока молот кофе голыми руками? — хлопаю ресницами, вызывая еще одну дьявольскую ухмылку. Она ему идет. Опять же, на нем вероятно и боди из спандекса выглядит так же хорошо. Может это уверенность в себе. Или его черты лица. Или мой особый фетиш.

— Мне пришлось бороться с медведем за эти бобы, если это имеет значение, — говорит он, притягивая меня к себе для быстрого поцелуя. Я чувствую, что таю, особенно когда его рука тянется вниз по передней части моей толстовки. Мой сосок напрягается лишь от давления, поэтому я должна удалиться, до того, как ситуация, ах, выйдет из-под контроля. Он подмигивает. — Нельзя винить парня за попытку.

Ни за что, сэр.

— Не сочти за странность, но нет ли у тебя свитера, который я могу одолжить? — спрашиваю Эмери, подбегая к ней в учительской. Она висит вверх тормашками на одном из цирковых полотен, и, когда видит меня, почти падает на пол. Отлично. Убейте свою подругу, выпейте кофе, идите преподавать: идеальное начало дня.

— Милая, у тебя был пожар? Все сгорело? — спрашивает она, подталкивая меня к шкафчику. Слава богу, Эмери барахольщица, хранящая половину гардероба в школе. С ярко-красным кардиганом, я, по крайней мере, выгляжу бодренько. Хорошо, что я учитель по

театру, и могу использовать штаны для йоги, чтобы показать какое-то движение или нечто похожее на фрукты.

— Теперь ты должна рассказать мне, — говорит она, покачивая бровями. — С кем это ты прошла по алее позора?

— Проехалась, — стону я. Сегодня утром были ужасные пробки. Я едва добралась до машины, прежде чем мне пришлось мчаться в школу. К счастью, мой сосед время от времени заглядывает к Арчи, так что там все нормально. Затем я вздыхаю, потому что, разве можно винить меня? — Он был великолепен.

— Кто-нибудь, кого я знаю? Кэндис сказала, у нее есть брат.

Кэндис - наша подруга из класса по вязанию. Ее брат - самопровозглашенный котенок Шерпа, просто чтоб вы поняли, о чем речь.

— Это, э-э-э, ступай в мой класс, — я затаскиваю Эмери в тренажерный зал, где мы начинаем раскладывать коврики. — Только между нами, — шепчу я. Эмери закатывает глаза, это ее вариант клятвы. — Уилл Монро.

— Уилл... — ее глаза почти вылезают из орбит. — Ой, ты этого не сделала. Матерь божья. Ты сумасшедшая. Было хорошо?

— Очень, — выдаю ошалелую улыбку. Как у лисы. Лисы, плывущей на облаке эндорфинов, в то время как она садится у бассейна в бикини. Странная картинка, но мы над ней поработаем.

— Это ведь не серьезно, да? — Эмери задает вопрос так, как обычно спрашивают друзей, *действительно* ли ты собираешь одеть эти туфли, или ты *действительно* убегаешь в Барселону с этим ветреным игроком. Забота, завернутая в улыбки, завернутые в бекон.

Хотела бы я, чтоб это был бекон.

— Нисколечки, — пфф, конечно же, мне плевать на три лучших оргазма в моей жизни, случившихся почти одновременно. Я легко могу соскочить.

— Окей, — она кусает губы, а это значит, Эмери очень обеспокоена. — Я просто знаю, что его бывшая жена сумасшедшая. Даже по стандартам любительницы всего натурального, она предпочитает безглютеновый пирог. Она пыталась посадить Амелию на чистку соком. Даже звонила в офис, чтобы заставить их отказаться от твердой детской пищи.

Боже правый.

— Значит, мне нужно следить за варкой кроликов на плите? Или, знаешь, заменителем кроликов?¹⁷

— Точно. Плюс, он вроде как кобель, да?

Да? Точно? Не знаю... я показалась в дорогом баре в одежде с героем мультфильма. Меня лучше не спрашивать.

— Я люблю собак. У меня есть собака, — хорошо, это так, к слову. Когда звучит гонг, и дети начинают забегать внутрь, сбрасывая обувь и вешая свои рюкзаки, Эмери сжимает мою руку.

— Мужчины после развода всегда просто хотят пошалить. Тем не менее, для тебя это неплохо, — она подмигивает и выходит, в то время как я расставляю детей по кругу и игнорирую быстро бьющийся пульс, внезапно ставшими ледяными ладони и полное отсутствие контроля.

Винный бар, приятный разговор, круассаны и кофе, все это похоже на поведение игрока, не так ли? Уилл был уверен в себе - галочка. Очень самоуверен - две галочки. На самом деле, он совсем не нервничал, и не вел себя так, словно все это для него в новинку.

Черт побери, что, если я третья в «Заливе сновидений», к кому он подкатывал? Может быть, другие слишком смущены и слишком боятся потерять работу, чтобы говорить об этом? Или, может, я единственная, кто вообще был настолько глуп, чтобы пойти с ним.

Твою мать. Все так же, как тогда с Дарреном.

— Кто такой Даррен? — спрашивает один из детишек. Они окружили меня и смотрят широко раскрытыми глазами. Пожалуйста, скажите, что я не ругалась перед детьми.

— Даррен - мой воображаемый друг, — смущенно говорю я, обнимая призрака рядом со мной. — Поздоровайтесь!

Пока дети хихикают и машут, я понимаю, почему раньше была так резка с Уиллом, и почему раздражение так оперативно превратилось в возбуждение. Все потому, что я уже встречала Уилла Монро раньше, когда у него было другое лицо. Я не имею в виду это в стиле «Без лица», где он Джон Траволта или что-то подобное. Мой старый парень, мои единственные серьезные отношения, Даррен, он был отцом-одиночкой.

Его бывшая была мегерой.

Он казался идеальным и понимающим, и делал для меня кофе.

Затем, одним прекрасным весенним вечером, он отвел меня в наш второй любимый суши бар и сообщил, что он и его бывшая жена хотели еще одного ребенка. Они так хотели другого ребенка, что трахнулись, и теперь она была беременна, и он планировал на какое-то время прервать нашу *случайную связь*, чтобы помочь ей во время беременности. Затем, после нескольких месяцев жизни дома с его все еще очень даже бывшей и новорожденным, он был бы готов к нам, чтобы продолжить нашу случайную, легкую забаву.

Вот два факта обо мне: первый - я ношу сирену в сумочке. Своего рода пережиток моих цирковых дней. Просто я чувствую себя лучше, когда у меня под рукой есть гудок или клаксон. После того, как Даррен выложил всю эту прекрасную историю, я порылась в сумочке, вытащила гудок и подержала его в дюйме от его уха.

В конце концов, он восстановил большую часть своего слуха.

И второе, у меня ужасный вкус в мужчинах. Если вы меня заинтересовали или, если от вас мои трусики становятся влажными, а соски видны под футболкой, это, вероятно, связано с тем, что у вас есть феромон мерзавца. Меня тянет к нему, как Арчи к запаху шаров другой собаки. На самом деле, это, вероятно, похожее явление.

Теперь я пошла и покувыркалась с мужчиной, который одним, сказанным директору словом, может разрушить мою карьеру.

Что, черт возьми, я сделала с собой на этот раз?

— Я просто рада, что ты даешь этому занятию еще один шанс, — говорит Эмери, когда вечером мы заходим в кафе Urth, в руках - шарики и иглы. Это, конечно же, шары пряжи и вязальные спицы. Мы самые скучные дамочки около тридцати в Лос-Анджелесе.

Наша социальная группа вязания на своем месте прямо у окна, выходящего на улицу. Место пахнет дорогими кофейными зернами и зеленым чаем. Вся компания здесь, все выглядят очень опрятно и чисто. Когда Эмери рассказала мне о вязальной группе, я была взволнована. Наконец-то, нашли люди, с которыми можно сделать чехол на чайник в форме слона и обсудить, какая книга Роберта Джордана наша любимая. Ответом является - каждая из них, пока он не умер, и Брэндон Сандерсон не взял на себя всю ответственность. Естественно.

Но вместо того, чтобы найти скучных знакомых, я оказалась среди кучи мамочек,

любительниц йоги и студенток. Мне всегда кажется, что я не в себе, потому что мне плевать, как безжалостна водная йога для рук или целлюлита, и у меня нет мнения о том, была ли Тэйлор Свифт лучше до или после того, как покинула кантри-музыку.

Дамы - две по имени Шелли, трое по имени Элисон, все разглядывают нас, когда мы садимся. Эмери однажды сказала, еле слышно, что они умоляли ее остаться, чтобы позволить им немного разнообразить компанию и заставить их почувствовать себя очень толерантными. Единственная причина, по которой она продолжает ходить – ей нравится их смущать.

— Привет, Шелли, — говорит она одной из Элисон, садясь и вынимая спицы.

— О, это так смешно! Я - Элисон, — говорит Элисон номер три или номер два. Она поворачивается к остальным, словно только что услышала веселую шутку. — Разве это не смешно? Забавно, она словно не может отличить нас друг от друга.

— Я действительно не могу, — категорично говорит Эмери, начиная вязать левую руку на своём свитере. На нем будет Дева Мария Гваделупская, поедающая дыню. Никто из кучки Элисон и Шелли не понимает этого, но они снова и снова повторяют друг другу, как же это смешно.

Когда я сажусь, жужжит телефон, и я вынимаю его. За сегодняшний день уже второе смс от Уилла, которое должно заставить меня захотеть танцевать на столе, но на данный момент мне хочется свернуться калачиком под одним из них и качаться вперед-назад.

Хороший день?

Я могла бы попытаться найти много безнравственных умыслов в этом сообщении. Это почти такое же развратное, как и первое, когда он написал: *Надеюсь, ты в безопасности добралась до школы;*)

Он подмигнул мне. Очевидно, ведь он - маньяк с топором.

Каждый раз, когда я получала одно из них, мне хотелось написать ответ. Может быть, что-то кокетливое, например: *безопасность, одно из подходящих слов (рада, что мы использовали презерватив, если ты не уловил смысл)* или *ПОЧЕМУ ТЫ ХОЧЕШЬ ОБИДЕТЬ МЕНЯ* или *Спасибо;*)

Выбирайте сами.

Что мне делать? Сказать, что я хочу случайных отношений? Что мне нравятся интрижки? Что единственный мужчина, которого, как я когда-то думала, люблю, считал меня временным явлением, поэтому я думаю о себе именно в таком ключе? Я как одежда для отдыха. Я похожа на случайно выбранный дорожный костюм, который мужчина мог носить в командировке в 40-х годах, с легким клетчатым рисунком. Знаете, костюм, который был в нескольких местах, может быть, в Восточном Экспрессе...

— Ах, боже мой, ты пропустила свой шов, — говорит одна из Шелли, кудахча в мою сторону. Я смотрю на всю их компашку: две брюнетки с прилизанными волосами и три блондинки с едва ли отросшими корнями. Они носят штаны для йоги и кардиганы, как и я. Они одного возраста со мной или около того. Но никто из них не перепихнулся с разведённым ловеласом. Никто из них не упустил возможность получить постоянную должность в школе. Ни одна из них не должна возвращаться к Airstream с двумя клоунами и смертоносной анакондой, и, уверена, она просто выжидает, пока не сможет сожрать нас всех.

Ни у кого из них нет чертовых проблем.

Я могла бы открыться им, рассказать обо всех своих страхах и сомнениях. Может быть,

я могла бы положиться на это славное сестринство, которое мы должны образовывать вместе.

Но когда я открываю рот, все, что выходит оттуда:

— Послушайте, мне *нравится* случайный секс!

Одна из Элисон хватается за свой жемчуг. Эмери посылает мне то, что лучше всего можно описать как жалкий взгляд. Другие женщины кривятся, что указывает на молчаливое неодобрение. Одна наносит дополнительный слой блеска для губ с гранатом, просто чтобы сделать что-то, не чувствуя себя при этом неловко.

— Что ж, как мило с твоей стороны, дорогая, — говорит Шелли номер один.

Да пошло оно все. Я убираю спицы и пряжу, щеки горят, когда я вешаю сумку через плечо и выхожу из кафе, бормоча извинения.

— Подожди! Я сегодня твой водитель, помнишь? — кричит Эмери, и я машу ей в ответ, извиняясь и вызывая такси. Прямо сейчас я не могу даже сидеть рядом с Эмери. Не могу продолжать понимать и ощущать, какая я неудачница перед одним из наиболее разумных людей в моей жизни. Мне нужно что-то, чтобы отвлечься от того, как сильно я все сегодня испоганила. Как хорошо, или отлично, или как там ещё я завалила Уилла Монро.

Мне необходимо сладкое объятие пирога.

12

Уилл

Девятнадцать. Двадцать. Двадцать один. Руки горят, когда я приближаюсь к заключительному жиму, но боль хороша. Боль заставляет сосредоточиться, говорил мне отец. Что ж, папа, если ты и чему-то научил моих братьев и меня, так это тому, что нужно А) надевать защиту, когда спишь с чужой женой, и Б) жизнь - боль.

Никогда не пользовался первым правилом, но второе последние годы было чертовски правильным.

Наконец, я опускаю штангу, морщась и шипя, когда руки напоминают мне, как сильно прямо сейчас они хотят пнуть мою же задницу. Ну, ребята, вы не можете ничего пнуть. Для этого нужны ноги, а сегодня не день ног.

Когда я гуляю по залу, мимо женщин, которым не хватает фунтов десять веса и они бегают, чтобы все так и оставалось, я думаю о Шел. Думаю о том, что она не ответила ни на одно из моих смс. О том, что я думаю об этом чертовски слишком много.

Если вы мужчина, необходимо следовать одному золотому правилу: не больше двух сообщений в день, особенно если она не ответила. Три - магическое число, которое заставляет вас выглядеть, в лучшем случае, отчаянным и, в крайнем случае, сталкером.

К слову о сталкере, вижу, как один из засранцев с работы направляется ко мне, полотенце накинуто на плечи, в руке бутылка воды. У него такой серьезный вид, словно он пришёл на серьёзную тренировку. Слишком похожий на маску, и я думаю, парень это знает. Он один из тех, кому нет ещё тридцати, кого я называю «ходи и смейся» стая Берта. Вы знаете этот тип: пять или шесть молодых парней в костюмах, тащатся за боссом как утята у Армани¹⁸, смеясь над тем, что говорит более старая, более богатая утка. Имя этого парня... дерьмо, Кевин или еще как-то так, я забыл. В этой стае три Кевина.

— Монро. Выглядишь так, словно как следует поработал над собой, — говорит

парнишка, словно он не утверждает что-то настолько очевидное. Он протягивает руку для одного из этих «хей, братишка» рукопожатий, которое не происходит. Он знает, я не играю в его игры, и скрывает досаду. И скрывает неудачно.

— Помогает сохранить хватку, — говорю я «как там его» Кевину, прежде чем пройти мимо.

— Поздравляю с поездкой в Токио, — говорит мальчуган, когда я прохожу. Слышу, как он бормочет что-то гораздо менее приятное себе под нос и улыбается. Хорошо. Такое негодование вызовет у него голод. Который поможет ему в будущем.

Ага, поездка в Токио, величайшее событие. Две недели, и компании нужны самые лучшие и блестящие. Обычно я бы радовался победе, но все еще существует проблема с Амелией, Сюзанной и Шел. Командировка будет сразу после того, как Сюзанна свыклась с мыслью о совместной опеке над Амелией. И репетиции Амелии близятся к концу, и она вот-вот будет парить по сцене. И Шел... Ну, я джентльмен, поэтому я не стану так банально шутить про то, к какому концу приближается Шел. Просто, как дурак, намекну.

Почему она мне не ответила?

Да пошло оно. Приняв душ и переодевшись, я возвращаюсь в машину и направляюсь вниз по Пико к ресторану Apple Pan. Шел любительница выпечки, а у Apple Pan лучший яблочный пирог в городе. В следующий раз, когда я привезу ее к себе - и следующий раз будет, да - хорошо бы я был не с пустыми руками.

Паркую машину и захожу в ресторан. Apple Pan сделан странным образом; Кухня прямо посреди комнаты, с барной стойкой, окружающей ее со всех сторон и стульями вокруг бара. Вы вынуждены подпирать стену, ожидая, пока кто-нибудь закончит есть и встанет, чтобы вы могли занять место. Стою и жду, пока один человек, наконец, не встает, рыгает и уходит. Затем бросаюсь вперед и занимаю место, доказывая, что оно мое.

Рядом со мной сидит женщина, у которой, судя по потому, как она засовывает пирог себе в рот, кажется, по-настоящему дерьмовый день. Рыжие волосы закрывают лицо, и она подпирает щеку рукой, когда кусает то, что похоже на ее второй кусочек. Мне становится жаль эту женщину, особенно когда я понимаю, что она чертовски хорошенькая, а ее волосы - знакомого оттенка рыжего, и да, черт возьми, это Шел.

— Как дела? — наблюдаю, как она реагирует на меня, и это можно описать как значительный прыжок на месте.

— Все супер. Я не ем пирог. Хочу сказать, я, — она вздыхает, отталкивая тарелку. — Я ем весь пирог.

— Прозвучит безумно, но я собирался взять один себе, — машу парню, чтобы принял мой заказ, и смотрю, как Шел опускает голову на руки. — Полагаю, пирог не праздничный?

— Моя собака нагадила на пол, я ходила в школу в одежде, в которой занималась сексом, все самые примитивные женщины в мире видят, что я неудачница, и хуже того, они правы. «Залив сновидений» не наймет меня снова после того, как я занималась сексом с одним из родителей, и я возвращаюсь в цирк, — она поднимает голову, глаза мерцают от слез. — Между прочим, всякий раз, когда я слышу, как люди говорят о детской мечте сбежать и присоединиться к цирку, у меня в почках появляется новый камень.

Пребывает пирог в аккуратной розовой коробочке. Я плачу за него, а затем подталкиваю коробку к ней. Шел рассматривает ее, словно это бомба, завернутая в кондитерскую упаковку.

— Не думаю, что ты наелась, — блин, однако ж, судя по виду, эта женщина на грани. Черт побери, наверное, именно поэтому она не отвечала на мои смс. Она боится за свою работу, о которой я даже не подумал. — Знаешь, я не из тех, кто звонит, чтобы проинформировать школьный совет каждый раз, когда получаю великолепный минет от одной из их учительниц.

Шел фыркает.

— Так ты сообщаешь только о посредственных?

— В образовании должна быть какая-то отчётность, — это заставляет ее немного улыбнуться. Поднимая коробку с пирогом, обнимаю ее за талию и поднимаю со стула. — Нам надо поговорить.

Когда мы садимся в машину, я передаю ей коробку и пластиковую вилку.

— Ешь и говори. Постарайся делать это не одновременно.

— Новая обивка? — спрашивает она, беря кусочек пирога. Никогда не думал, что смотреть на то, как женщина поедает целый яблочный пирог, может быть так чертовски возбуждающе, но в эти дни я узнаю о себе много нового.

— К делу, — барабаню пальцами по рулю, черт, я что, переживаю о том, что будет дальше? — Ты расстроена из-за прошлой ночи?

То, как она вскидывает голову, и потрясенный взгляд в ее глазах мгновенно успокаивают меня.

— Прошлая ночь была потрясающей. В смысле развлечение, — добавляет она, быстро замахиваясь на корочку. — Именно об этом я и говорю. Интрижка.

Вообще-то эта должна быть моя реплика, и, празднуя, я бы стукнул кулаком по крыше, облегченно вздохнул и, может, даже сделал бы круг победы на коленях вокруг парковки. Для разведённого профессионала случайный секс — то, что доктор прописал. Тем не менее, уже некоторое время я слишком много волновался, так что мне нравится, как все идёт. Опять же, эта женщина не уверена, будет ли у нее работа через несколько месяцев. Так что, все усложнять было бы плохо, по крайней мере, в ее глазах.

— Тогда интрижка. Тебе не стоит беспокоиться на мой счёт. Школа не уволит тебя лишь потому, что ты изумительна в постели.

— Изумительна, да? — она улыбается, заметно расслабляясь. — Я стараюсь поощрять более обширный словарный запас в своих классах. Превосходна — хорошее слово.

— Превосходно обескураживающая женщина? Достаточно хорошо? — ухмыляясь, спрашиваю я. Она театрально хлопает ресницами.

— Сдается мне, ты погубил мою девичью честь, — говорит она. Прядь волос падает ей на глаза, и я отвожу ее в сторону. Провожу пальцами по щеке, прослеживая линию полной чувственной нижней губы. Черт возьми, я не могу возбуждаться за рулем своей машины. Кнопка рулевого управления давит на эрекцию.

— Всегда рад запятнать ее снова, — говорю я. Шел наблюдает за мной, затем берет коробку с пирогом и ставит ее на заднее сиденье. Приближается ко мне, почти переползая через коробку передач.

— А что теперь? — спрашивает она, глаза ищут мои, губы ждут. Она так же пытается смахнуть крошки с футболки, явно надеясь, что я не замечу. В одну минуту эта женщина крикливая, а в следующую ранимая, и явно не воспринимает себя всерьез. До этого момента в моей жизни были спокойные, невозмутимые блондинки. И я понимаю, что их мне хватило на всю чертову жизнь. А она, это нечто реальное, и, между прочим, горячее. Не могу делать

вид, что это не играет роль.

Сокращаю расстояние, крепко целуя ее, когда она стонет. Черт, этот звук - электричество. Шел двигается, теперь практически сидя на водительском сиденье. Мой разум опьянен ощущением ее трения о мою эрекцию, ощущением ее груди, идеально подходящей моим рукам. У неё слегка перехватывает дыхание, когда сквозь тонкий материал ее футболки я сжимаю сосок. Черт, я мог бы кончить, просто слушая ее.

Тем не менее, мой мозг ещё соображает, и я понимаю, что мы должны быть менее заметными. Так что, насколько чертовски трудно не было бы оторваться от ее груди, перестать целовать шею, я беру себя в руки.

— На заднем сиденье больше места, — рычу я.

— Там пирог.

— Пофиг. Он может посмотреть.

С быстрым и безупречным прыжком Шел оказывается на заднем сиденье. Когда я покупал эту машину, я и не думал о том, насколько просторна задняя часть, но теперь мне хочется вернуться в Studio City и пожать руку дилеру за предусмотрительность. Шел на спине, задыхаясь от потребности, когда я стягиваю вниз ее штаны для йоги. Господи, я твёрдый, но у меня нет презерватива. Надо мне везде ходить с этими ублюдками, но даже если бы у меня был один, я бы не хотел использовать его прямо сейчас.

У нее был тяжелый день. Кто-то должен заставить ее почувствовать себя лучше. Просто повезло, что этот кто-то - я.

Когда я стягиваю с неё трусики, Шел начинает причитать. Она смотрит на меня, глаза полуприкрыты от желания.

— Вот так детка. Хочу увидеть, как ты кончаешь, — шепчу я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее шею. Поднимая футболку, чтобы обнаружить кружевной лифчик - я как-то не заметил его раньше - я всасываю сосок через ткань. Шел стонет, кусая кулак, чтобы оставаться как можно более тихой. Кто знает, может на улице кто-то рядом.

Пусть слушают и завидуют - вот мой девиз.

Когда я провожу пальцем вверх и вниз по губам ее киски, она уже мокрая. Медленно вхожу в нее одним пальцем, чувствуя, как она сжимается. Начиная ритмично двигаться пальцем внутрь и наружу, я прижимаю ладонь к ее клитору, прикладывая все больше давления. Шел перестает кусать кулак и вместо этого выгибает спину, хныча мое имя, пока я поцелуями и укусами прокладываю дорожку к ее животу.

Я собираюсь заставить эту женщину кончить, выкрикивая мое имя. Думать об этом почти так же приятно, как находиться внутри нее.

Когда я чувствую, что она напрягается под моей рукой, собираясь отправиться через край и распасться на кусочки от оргазма, я останавливаюсь. Хочу, чтобы она умоляла меня об этом и снова заявляю права на ее рот. Ее язык слегка ударяет по моему, и я ворчу, нежно прикусывая ее нижнюю губу. Шел настойчиво поднимает бедра, пытаюсь заставить меня приложить последнее маленькое усилие, сделать последний шаг. Я непоколебим. Еще рано.

— Трахни меня своим ртом, — шепчет она, целуя линию моего подбородка. Прекрасная идея.

Медленно помогаю ей сесть, в конечном итоге располагаясь прямо между ее ног. Окна здесь затонированны и начинают немного запотевать. Господи, это похоже на мечту любого возбужденного подростка, ублажать девушку на заднем сиденье роскошного автомобиля. Если бы я, когда учился в школе, мог увидеть это, я был бы доволен тем, куда двигается мое

будущее.

Шел снимает футболку, но не лифчик. Полагаю, не хочет вести себя слишком бесстыдно на публике. Медленно, я пробегаюсь языком между ее грудей, а затем кружу над соском, всасываю и кусаю еще раз. Шел пробегается пальцами по моим волосам, когда я перехожу от одной груди к другой, теряясь в них. Как у женщины могут быть такие идеальные сиськи? Целуя, кусая и посасывая их, я спускаю трусики вниз, чтобы она была почти полностью обнажена. Затем осыпаю поцелуями низ живота, глядя наверх, чтобы увидеть, как она смотрит на меня, раздвинув губы, в глазах сияет первобытная нужда. Да. Вот что я хочу увидеть: ее отчаянная нужда во мне, желание, чтобы я отправил ее через край.

Я опускаюсь все ниже и ниже, пока не оказываюсь в идеальном месте, пока Шел не задыхается и не краснеет и не ждёт.

И затем я приступаю.

13

Шел

Этот мужчина станет моей оргазмической гибелью, и меня это устраивает. Уилл целует меня внизу, его руки проходятся вверх-вниз по внутренней стороне моих бедер. Киска болит, клитор пульсирует, но он все медлит. И смотрит на меня, практически вынуждая меня умолять его продолжить.

Я бы так и сделала, вот только почти забыла, как говорить. Уилл улыбается, словно знает, что я с трудом соображаю. Словно наслаждается этим. Откидываюсь назад на сиденье и сдаюсь.

— Пожалуйста. Заставь меня кончить, — шепчу я.

Он даже не отвечает, потому что ему это не и нужно. Целует мое бедро, опускаясь вниз и прокладывая путь вниз по моему бедру, занимаясь полезным и приятным делом. Наконец-то...

Да. Пожалуйста. Щетина приятно трется о мою кожу, горячее дыхание на моей киске. Он бьет языком по клитору, заставляя меня вскрикнуть. И все еще удерживает меня, руки на моих ногах, в то время как язык продолжает кружить по клитору. Ощущения пульсируют сквозь меня; Почти уверена, что потеряю сознание просто от желания, желания, чтобы он заставил меня кончить. Он снова облизывает меня, на этот раз по прямой вдоль влагища, прежде чем засунуть свой язык глубоко в меня.

Блин, ощущения лучше, чем я представляла.

Он несколько раз входит и выходит, а потом, наконец, движется снова вверх, чтобы подразнить клитор. Затем он вводит в меня палец, входя-выходя, и продолжая облизывать. Еще один палец, и я откидываю голову назад. Я балансирую на грани оргазма, грозящего вот-вот разрушить меня. Когда он втягивает клитор в рот, моя киска сжимается вокруг его пальцев. Все мое тело двигается, бедра извиваются в ответ на его заботу. Боже, я никогда раньше не была настолько мокрой, и моя кожа, похоже, гудит от энергии. Я смотрю вниз, наблюдая, как он входит в меня пальцами и языком. Этот вид практически уничтожает меня. Он все продолжает, пальцы и затем язык, и я могла бы часами лежать вот так. У меня такое чувство, что я могу прожить всю жизнь на краю оргазма.

Будет немного неловко преподавать, но я была бы безумно счастлива.

Чувствую, как наполняюсь, все мои мышцы напрягаются и кричат об освобождении. В это мгновение Уилл останавливается, снова глядя на меня. Наши глаза встречаются его взгляд обжигающий и волнующий. Он полностью овладевает мной, и это так хорошо, что я хочу кричать.

— Ты невероятна, — шепчет он, горячо дыша мне в бедро. Затем снова лижет мой клитор, язык вырисовывает искусные круги. Пальцы снова вонзаются в меня, и я начинаю сильно дрожать. Мое тело больше не принадлежит мне. Я потеряла себя, и мне это нравится.

— Пожалуйста. Заставь меня кончить. Умоляю, — кричу я.

Он толкается быстрее, и ритмично всасывает мой клитор. Каждая мышца моего тела напрягается, ноги застывают. Я чувствую, как падаю, улетаю в пропасть. Язык Уилла неумолим, и я кричу, дыхание становится прерывистым, и я начинаю задыхаться.

И тогда я кончаю, мир вокруг меня рушится и уносится во вспышке белого горячего света. Я понимаю, что кричу его имя, руки прижаты к крыше машины, чтобы не упасть. Тогда Уилл садится, прижимая меня к себе. Целует меня, и я чувствую свой вкус. Пробую на вкус его очевидную гордость, и почему бы ему не гордиться? Часть меня задавалась вопросом, была ли прошлая ночь такой хорошей из-за того, что во мне было немного вина, но вот оно, доказательство того, что Уилл Монро сам по себе более чем секси.

Или это или яблочный пирог – адский афродизиак.

А может и то и другое?

— Теперь тебе лучше? — шепчет Уилл мне на ухо, отводя волосы в сторону, пока целует шею. Я практически мурлычу, прижимаясь к нему.

— Невероятно. Но чувствую, мне надо вернуть услугу, — шепчу я, обхватив поразительную выпуклость в его штанах. Он стонет, когда я сжимаю его, размышляя о том, как собираюсь...

И тут раздается стук в окно, и мы оба замираем. Пока я скольжу на пол в машине, делая вид, что я - брошенный плащ - а что, обучение театральному искусству действительно пригодилось - Уилл немного приоткрывает окно. Более чем уверена, пар уплывает на вечерний воздух.

— Мы, ах, уезжаем, — говорит Уилл. Тот, кто снаружи, что-то еле слышно отвечает и уходит. Он смотрит на меня, когда я быстро натягиваю трусики, и мы оба начинаем смеяться.

— Хочу признаться, — говорю ему. — Думаю, я лежу на коробке с пирогом.

— Похоже, нам на ужин нужно что-то еще, — он помогает мне найти мои штаны и возвращается на место водителя. — Суши?

Никогда не думала, что рол с угрями может быть настолько вкусным. Нет, я не говорю эвфемизмами, мы находимся в очень красивом суши-баре в Санта-Монике. Уилл словно из тех богатеев, ради которого пробки исчезают как по волшебству: поездка по 405-му в это время дня должна была бы стать кошмаром. Есть вообще в мире что-то, не подвластное ему?

Имею в виду, мужчина может сделать так, что поглощение суши будет выглядеть эротично. И это тоже не эвфемизм.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — говорит Уилл, опуская кусок сашими в соевый соус. Надеюсь, следующие слова будут сочетанием: *мы снова должны заняться сексом* и *я оставил место для десерта*. Если мы проделаем все это одновременно, тем лучше.

— И что? — прислоняюсь щекой к руке, чувствуя себя такой умиротворенной, когда

беру палочки для еды, чтобы подцепить рол с тунцом. Прямо сейчас жизнь прекрасна. Абсолютно безмятежна. Знаю, надо бы с подозрением отнестись к этим эмоциям, но я, похоже, никогда не учусь.

Именно поэтому, когда Уилл говорит:

— Я должен поехать на пару недель в Токио, — ну, тогда мой разум начинает блуждать в тумане. Сначала я думаю, что он выбрал суши как тематический способ попросить меня поехать с ним. Я бы согласилась на это с большим энтузиазмом, чем должна.

— А. По работе?

Нет, блин, для нелегальной контрабанды, Шел? Чем ты думаешь, он там занимается?

— У компании есть идеи по расширению. Похоже, они думают, что я подходящий паренек для этой работы, — говорит он. Я тоже думаю, он подходящий для работы паренек, если эта работа включает стягивание с меня штанов зубами. Естественно, его боссы думали не об этом. Их потеря.

Ладно, вернемся к реальности. Не хочу выглядеть эмоционально зависимой или навязчивой – с чего бы, когда у меня только что был потрясающий оргазм на заднем сиденье его автомобиля? Имею в виду, как я и говорила, случайная связь – это хорошо. Именно этого я и хочу.

Именно это я и собираюсь повторять себе снова и снова.

— Амелия будет скучать по тебе, — говорю я, заставляя себя не добавить, что *я тоже*, или *моя вагина тоже*, потому что это может быть немного слишком поспешно.

— Знаю, да. И знаю, что буду скучать по ней, — говорит он, глядя мне прямо в глаза. С мягким потолочным освещением, идеально подчёркивающим скулы, его красота немного отвлекает, но у меня создается впечатление, что он имеет в виду, что будет скучать по мне. Или я уж слишком усиленно ищу скрытый смысл в его словах.

— Да, — говорю я, потому что слово многое добавляет к этому разговору. Беря свои палочки, я концентрируюсь на захвате кусочка имбиря, чтобы отбить послевкусие.

— Знаю, ты сказала, что хочешь, чтоб все было ненавязчиво и случайно, — Уилл наливает ещё чуть-чуть sake, для которого у меня всегда есть настроение.

— Случайность, это про меня, ага. Если ты посмотришь, как я одеваюсь, это слово подходит ко всем аспектам моей жизни, — говорю я, стараясь не слишком-то смущать себя. Как обычно, это борьба, в которой я проигрываю.

Уилл пожимает плечами.

— Достаточно честно. Хотя я задавался вопросом, а есть ли у тебя какая-то формальная одежда.

В течение секунды я думаю, что это совершенно не в тему, пока не вспоминаю, что скоро будет мероприятие. В «Заливе сновидений» проходит благотворительный гала-концерт. Они хотят расширить восточное крыло, возможно, привнести больше фэн-шуй в деревянные конструкции или что там они еще хотят сделать. Я согласилась поставить с детьми небольшую музыкальную пьесу, что-то из предстоящего шоу, которое мы можем использовать, чтобы показать благотворителям, насколько хороша наша школа.

Черт возьми, если я смогу сделать так, что школа будет выглядеть хорошо, они могли бы нанять меня на постоянную работу. У меня как раз есть подходящее для этого случая маленькое черное платье.

Теперь Уилл говорит... он говорит то, что я думаю?

— Ты просишь меня об обычном свидании? — делаю глоток sake, и оно чуть стекает по

моему подбородку. Иди ко мне.

— Обычно, конечно, — он улыбается, и у него снова появляется этот порочный взгляд. Но это тот взгляд, который говорит о том, что он хочет взять меня всю такую красивую на шикарное мероприятие, а не просто трахнуть в машине. Или квартире. Или на полу ресторана. Это не предложение, нет, просто я не могу перестать думать об этом.

Есть часть меня, которая все еще тревожно напоминает о Даррене и о замечательных, ужасных неприятностях с прошлыми парнями. Но если мы с Уиллом знаем правила игры, не должно быть никаких проблем.

За исключением посещения гала с родителем ученицы и риска разоблачения наших горячих сексуальных сценок. Полагаю, это может удостоиться некоторого внимания.

Но если нам повезет, все пожилые благодетели наклюкаются и не заметят, как мы с Уиллом выйдем на танцпол под знойные звуки «Время моей жизни». И да, я сейчас фантазирую.

— Если мы будем осторожны, может быть весело, — подмигивая, говорю я. Случайное подмигивание, конечно же. Уиллу, похоже, это нравится, потому что я чувствую, как его пальцы касаются верхней части моего бедра. Он не двигается дальше, ведь мы в общественном месте. Но обещание, определённо, присутствует.

Если бы я только смогла убедить себя, что легкомысленное, случайное веселье именно то, что я действительно ищу, я могла бы стать счастливее, чего не было уже довольно давно.

14

Шел

— Помните, во время припева вам нужно продолжать размахивать знаками протеста, — говорю я ребятам, когда репетиция продолжается. Мой аккомпаниатор за пианино выглядит так, словно с нее достаточно наших глупостей, сидя с очками набекрень и быстро глотая вторую банку диетического Ред Булл. Не могу винить ее, мы здесь уже два часа, и солнце уже начинает садиться.

Но нам необходима эта дополнительная сцена, которую я вынуждена была добавить к «Оливеру», и нам нужно, чтобы она была идеальной. Школьный совет хотел получить больше информации о муках шиншилл из-за торговли мехом. В результате Оливеру и Ловкому Плуту нужно прерваться, перестать голодать на улицах и спеть песню о самом первом знакомом Плута, уличной шинсилле по имени Адриана, которую зверски эксплуатировали торговцы роскошным мехом.

Если для вас это звучит безумно, я даже не могу объяснить, как можно написать такое. Попробуйте рифмовать шиншиллу с чем-то кроме ванили.

По крайней мере, Амелия хорошо проводит время. В этой сценке она задействована в нескольких ролях: в качестве участницы протеста, а еще показывает самый милейший символ: девочка и шинсилла держатся за руки, улыбаясь с радугой растянутой над ними.

Я проверяю телефон и обнаруживаю, что настало время отпустить детишек с репетиции. Это означает, что все родители подъедут, чтобы забрать своих маленьких ангелочков, а значит, я могу нарваться на Уилла. Я планирую вести себя легко и естественно, и уж точно не раздевать глазами перед его собственной дочерью. Прошло два дня после нашей пирог-секс-суши экскурсии и мы обменивались дружескими сообщениями.

Может быть, это даже было немного рискованно, с точки зрения смайликов.

Тем не менее, мы с Уиллом не обсуждали четкие планы на вечер, который состоится уже совсем скоро. Надеюсь, мы пойдем, как будем вести себя там. Сейчас в моей фантазии мы приезжаем на разных машинах, не глядя друг другу в глаза поверх слоев с крабами, занимаемся страстным сексом в учительской, а затем возвращаемся, словно ничего не случилось. Так же, в моей фантазии, где-то по пути я теряю трусики, и мы вынуждены поздно ночью прошмыгнуть сюда и вернуть их. Любовь к шпионажу затмевает мой разум.

Как бы то ни было, репетиция окончена, и дети прыгают со сцены, чтобы сдать реквизит и чучела шиншиллы. Мы выходим вместе, пока аккомпаниатор уходит с ворчанием, и я запираю двери. Стайки загорелых и бодрых матерей с восхитительно плоскими животами ждут своих детишек. Я оглядываюсь и... неа. Никакого Уилла. Может, он появится через секунду, а сейчас просто отправился на быструю дневную пробежку. Может, его футболка все еще будет влажной от пота, цепляясь к его грудным мышцам и прессу, обращая внимание на его рельефное тело как...

— Мам! — Амелия останавливается рядом со мной, переминаясь с ноги на ногу в восхитительном, неловком танце. Я переключаю внимание на светловолосую амазонку с идеально загорелыми руками и кожей, настолько здоровой, что она практически светится.

Так-так. Вот оно. Значит, это бывшая жена Уилла. Теперь я знаю, что любой здравомыслящий и умный взрослый понимает, что браки распадаются по всем видам причин. Исходя из этого, я не особенно здравомыслящая или умная, и эта женщина — та самая богиня, ради которой люди идут на войну. Так что, если вы спросите меня, эй, Шел, как ты себя чувствуешь сейчас, стоя в коротких и грязных тренировочных штанах? Мой ответ — не очень, Боб. Не хорошо.

Я называю воздух Боб, ну, потому что должна же я его как-то называть.

— Амелия, нам нужно немедленно вернуться домой. Может пойти дождь, — говорит женщина, глядя вверх. Сюзанна, теперь я вспоминаю, как ее зовут. Амелия издает небольшой вздох, необычный для такого полного энергии ребенка, и бежит к матери.

— Мы должны сделать юрту водонепроницаемой, — обращается Амелия ко мне через плечо.

Я моргаю, потому что, когда слышу слово *юрта*, у меня перед глазами лишь такие просторные палатки, в которых раньше жили монголы. Женщина передо мной одета в нежно-розовые кашемировые штаны для йоги, которые, вероятно, стоят баксов пятьсот. Думаю, даже она не может быть настолько помешанной на здоровом образе жизни.

— Но не раньше, чем мы прикроем сад Дзен, — напоминает Сюзанна дочери таким же нелепым тоном, который вы могли бы ожидать, если попросили бы ребенка выбросить мусор.

Я ошиблась. Да она долбанутая на всю голову.

— Привет. Я учитель Амелии, — говорю я, улыбаясь, когда иду к женщине. Она занята, печатая что-то на своем айфоне, но думаю, можно было бы проявить и больше дружелюбия. Имею в виду, мы оба спали с ее бывшим мужем. Объединенные общим пенисом, вот кто мы. Во всяком случае, я должна быть в хороших отношениях со всеми родителями детей.

— Шаль, — сухо говорит Сюзанна, уставившись в экран.

— Ой. Ну да, здесь прохладно по вечерам и шаль бы не помешала, — говорю я.

— Это ваше имя, не так ли? — наконец Сюзанна опускает солнечные очки до кончика носа, чтобы лучше рассмотреть меня. Эти крошки от Вэрби Паркер, вероятно, стоят как моя

недельная зарплата.

— Ммм, почти. Шел, — я протягиваю руку, чтобы поздороваться, и она посылает немного шокированный взгляд. Знаю, прикасаться к людям, зарабатывающим меньше пятидесяти штук в год, шок для окружающих здесь. Разволновавшись, я убираю руку.

— Извините, просто рукопожатие - это патриархальная модель. Я учу Амелию соединиться с чужими с помощью ауры. Лучший способ поздороваться, так не считаете? — Сюзанна улыбается дочери, и я признаю, что от улыбки действительно веет теплом.

Амелия оборачивает ручки вокруг маминой талии. Ой. Что ж, у всех нас есть странные причуды и привычки. Я смягчаюсь по отношению к Сюзанне.

— Конечно, я поняла! Просто хотела сказать вам, что Амелия просто удивительная, — подмигиваю малышке, выдающей сияющую улыбку. Имею в виду, все, что касается Амелии в значительной степени сияющее. Меня удивляет, когда Сюзанна хмурится.

— Ценю ее попытки. Мы лишь хотим, чтоб она прилагала усилия там, где у неё есть способности, верно? — Сюзанна крепче обнимает Амелию, и небольшое количество света покидает глаза ребенка. Ладно, я знаю, традиционная игра здесь — умиротворенные состоятельные родители, особенно когда вы увлечены их бывшими, но некоторые вещи нельзя спускать.

— Думаю, у Амелии действительно есть потенциал. Она одна из самых усердных учениц, что я видела, — вот тебе. Наслаждайся своим матриархальным смузи или что ты там пьёшь.

Сюзанна моргает. Не думаю, что она знает, как реагировать. Черт, я переиграла сама себя.

— Дайте угадаю, — Сюзанна сочувственно наклоняет голову. — Вы едите красное мясо, так ведь?

Виновна по всем пунктам.

— В двух кварталах от моей квартиры есть «Ин-и-аут»¹⁹. Грешно было бы не воспользоваться этим.

Женщина вздыхает, роясь в огромной сумочке, которая, кажется, соткана из множества разновидностей местных трав, и вытаскивает стеклянную бутылку, заполненную коричневато-зеленоватым удобрением. Она передает его мне, пока я смотрю на содержимое пузырька и комочки. На самом деле больше похоже на морскую водоросль.

— Куркума с водорослями, зелеными морскими водорослями, корнем имбиря, ананасом и индонезийскими грибами, — Сюзанна выглядит гордой. — Это моя особая смесь, — говорит она, словно это секрет на вечеринке «Тапперваре»²⁰.

— Вкусно звучит. Вы этим занимаетесь?

Она отмахивается.

— Нет, я думаю, что рынки - такая шутка. Я верю в то, что можно давать, ничего не ожидая взамен.

Хорошая мысль, если б только мы не стояли на стоянке безумно дорогой школы ее дочери, оплаченной алиментами ее мужа, ради которых он усердно работает. Тем не менее, я считаю, что нужно быть вежливой.

Амелия морщит нос, глядя на бутылку, и кривит губки.

— Гадость! — обращаясь ко мне. Я понимаю тебя, малышка.

Сюзанна с любовью проводит рукой по волосам дочери, что заставляет меня улыбнуться.

А затем она выдаёт:

— Вы могли бы подумать о двухнедельной очистке куркумой. Она бы сотворила чудеса с вашей кожей и помогла бы с вздутием живота. Я могу сказать, что у вас вздутие.

Мои эмоции похожи на йо-йо, и эта женщина походит на обезумевшего школьного задиру, который слишком много гуляет с собакой. Это имело смысл в моей голове. Поджимая губы, произношу:

— Спасибо. Я подумаю об этом, когда не буду работать двенадцать часов в день, шесть дней в неделю.

— Конечно. Работа заставляет женщин сильно торопиться. Разрушает механизм богини, — она говорит это все, глядя на свой телефон.

Мне приходится останавливать себя, чтобы не достать одну неприлично большую колотушку как в «Луни Тюнз»²¹ и не шандарахнуть ее. И да, у меня есть одна в багажнике машины. У меня много вещей, много темных тайн.

— Увидимся позже, Амелия. Ты сегодня отлично потрудилась, — я улыбаюсь ребёнку, пока она уходит с матерью, бросая на меня последний, печальный взгляд. У меня дрожат руки, когда я достаю телефон и быстро пишу смс Уиллу. Не волноваться, сдержанно и с чувством собственного достоинства.

ТВОЯ БЫВШАЯ - МОНСТР.

Хорошо, хорошо, ещё разок обычным шрифтом:

Твоя бывшая жена - монстр.

Ммм, может все ещё слишком враждебно. Попробуем-ка пошутить:

Встретила твою бывшую. Сказала бы, что она похожа на Стервеллу Де Виль, но думаю, она против меха.

Краснея, все стираю. В конце концов, какое я имею право вовлекать во все это Уилла? Не его вина, что он был женат на этой самовлюблённой вегетарианке с домашней куркумой. Может, мы просто обсудим это. Хорошая идея, Шел.

Встретила твою бывшую. Она немного грубовата. Она в курсе?

В ту же секунду, как я печатаю, мое тело бросает в дрожь. Вспышки воспоминаний о Даррене, как он твердил мне, что он и его бывшая закончили отношения. Полностью. И совсем не спали вместе. Затем, как гром среди ясного неба, он станцевал с ней голое танго и выскочил еще один ребёнок, и я просто... Не знаю, смогу ли я сделать это снова.

Дети.

Это следующее, что я, совершенно не задумываясь, печатаю. Я пытаюсь удалить эти чертовы слова, но потом, к моему ужасу, мой дурацкий палец бьет по глупой кнопке отправки. Со звуком «вуууш» смс отправляется. И выглядит примерно так:

Встретила твоих детей. О нас?

Твою ма-а-ать. Через полсекунды получаю ответ.

...ты пытаешься мне что-то сказать?

Я не беременна или что там ещё, печатаю я, воображая, как лежу посреди улицы и позволяю «Приусу» переехать меня. *Встретила твою бывшую. Она забрала Амелию. Сюзанна - тот ещё фрукт.*

Ну вот, а теперь у меня такое чувство, что мне стоит спрыгнуть с обрыва и спасти нас обоих от общения со мной. Когда я получаю ещё одно смс, даже боюсь смотреть что там. Может, я могу случайно уничтожить свой телефон своим же смешным большим молотком. Вполне возможно.

Так и есть. Проходит минута, затем, *Это личный разговор, не для переписки. Мы можем поговорить завтра, когда я заберу тебя.*

Вечер. Точно. Праздник. Правильно. Нет ничего лучше медленного танца под лучший ансамбль, коктейлей с шампанским и разговора о случайном сексе с бывшей-хиппи. Это как в «Красотке», только все это не похоже на «Красотку».

Я пишу ответ, что это отлично и иду к своей машине, внутренности скручиваются в узел. Я должна постоянно твердить себе, что Уилл - не Даррен. Он не вернется к Сюзанне. В конце концов, они развелись. Подписано, запечатано, отправлено и все такое прочее.

Просто мне хотелось бы чувствовать больше уверенности по этому поводу.

15

Шел

— Как я выгляжу? — я поворачиваюсь перед ноутбуком, кружась в своем шикарном, новом, совершенно-точно-не-из-Росс-вы-бы-так-и-не-подумали-ха-ха платье. Эмери, находясь в своем классе, наблюдает за мной по скайпу, чтобы помочь мне перестать нервничать. Она тоже идет на вечер, но так как ее не забирает горячий папочка, с которым она кувыркается, она просто пойдет туда из школы.

Эмери делает намного лучшие выборы в жизни, чем я.

— Хорошо выглядишь. У тебя подходящая грудь для верха, расшитого бисером, — говорит она, указывая рукой на свои великолепные сиськи, чтобы проиллюстрировать. Я не слишком одарена в области груди, это правда, но я немного подчеркиваю ее кристальными бусинками. На мне красивое голубое платье длиной до колен, с искусным узором на лифе и тоненькими лямками. Сегодня я чувствую себя принцессой Средиземья. Что почти заставляет меня захотеть надеть свои эльфийские ушки, которые у меня есть, но у меня такое чувство, что это слишком даже для толпы в «Заливе сновидений».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Когда он тебя забирает? — Эмери жуёт морковь и хумус.

— С минуты на минуту. Думаю, мы поговорим о его бывшей.

— Господи, с чего бы? — Эмери закатывает глаза. В этот момент мой телефон гудит, Уилл. Внизу. Мой живот начинает крутить, делая все, чтобы убедить меня, что остаться дома - лучшая идея. Дома с Арчи и Netflix и моим разрушающим отчаянием, увеличивающимся с каждым годом.

Но имею в виду, вы знаете. Netflix.

Черт с ним. Я хватаю клатч, прощаюсь с Эмери и спускаюсь вниз. Здравуюсь с двумя пожилыми мужчинами, которые всегда сидят в приемной, споря друг с другом о том, у кого в семидесятых лучше работал желудок, и выхожу на улицу. Уилл заставил свою машину залезть на тротуар. В этой части города она словно чудесная колесница с кожаными сиденьями, и я с благодарностью сажусь в нее.

У меня на уме было несколько умных вещей, которые я собиралась сказать, но они улетучиваются, стоит мне посмотреть на Уилла. Чудо, что я не начинаю пускать слюни, потому что сегодня он приложил дополнительные усилия. Он всегда выглядит хорошо, думаю, я частенько ударяюсь в лирику по этому поводу. Но он в костюме, который, вероятно, стоит как половина моей годовой зарплаты, и его одеколон заставляет меня

думать, что он умылся в горном ручье, а затем повалился в куче наличности и измельченной траве. Его темные волосы - идеальное сочетание взъерошенности и аккуратности, и он гладко выбрит. Как бы мне не нравилось прикосновение его щетины, бритве заставляет вас понять, что этой челюстью можно резать стекло.

— Ты. Травы, — громко выпаливаю я, разум захвачен тем, о чем я сейчас думала и представляла.

— Обычно женщины просят подарить им цветы, но посмотрим, что можем сделать, — он наклоняется, целует меня, и все мое тело загорается. Не буквально, потому что, тогда он был бы радиоактивным, ну вы понимаете, о чем я. Когда мы отъезжаем и вливаемся в поток, он бормочет: — Ты великолепно выглядишь.

Лесть обеспечит вам необходимый путь к успеху, сэр. Лесть обеспечит вам дикий, необузданный секс у кирпичной стены. Не то чтобы я хотела подать тебе идею...

— Итак, — отличное начало, Шел.

— Итак. Думаю, нам стоит поговорить до того, как приедем на вечеринку, — тихо говорит он. Угу, хорошая идея. Я так сильно сжимаю клатч, что парочка пайеток выпивается в ладонь, но я спокойна. Абсолютно спокойна.

— Не хотела вчера доставать тебя.

— Думаю, мне нужно объяснить по поводу моей бывшей, — говорит он, когда мы въезжаем на автостраду. Обнимая себя, в ожидании продолжения, я наблюдаю за задними фарами автомобилей впереди нас. — Сейчас все сложно.

Блин, мои худшие страхи становятся реальностью. У них будет ребёнок. Двое. И они усыновит трёх бассет-хаундов. Если я на такой скорости выпрыгну из машины, я умру? Может, стоит попробовать?

— Но, — говорит он.

Но. Это волшебное слово но.

— Между нами действительно все кончено, Шел. Хочу еще раз подчеркнуть это, — Уилл прочищает горло, проверяя зеркало заднего вида. У меня такое чувство, что это не самый приятный для него разговор, и разве можно винить в этом парня? — Мы расстались уже больше года, а брак закончился задолго до этого. Когда Амелии было пять, я проводил больше ночей на диване в своем кабинете, чем в нашей постели. Единственная причина, по которой мы откладывали развод, это дочь. Но я понял, что ей будет еще труднее расти в доме, где родители не выносят друг друга. Так что мы расстались, — он смотрит на меня, взгляд одновременно теплый и вопросительный. Он хочет увидеть, как я реагирую. — У меня такое чувство, что ты нервничаешь из-за Сюзанны.

Оу, нервничаю из-за роскошной блондинки в кашемировых штанах? Да ты шутишь.

— У меня был неудачный опыт, — просто говорю я. Поиграв с браслетом, бормочу: — Меня обманул парень, который не закончил со своей бывшей. Или, по крайней мере, не оставил ее.

Уилл напрягает челюсть.

— Я не тот парень. То, что между нами? — он осторожно искоса смотрит на меня. — Мне это нравится. Так что я хотел, чтоб ты была в курсе.

Мое тело сейчас гиперчувствительное - это абсолютная правда. Мои ноги и руки расслаблены, потому что каждое слово, которое он говорит, именно то, что мне нужно услышать. До тех пор, пока Сюзанна вне игры, я могу принять все, что приходит. Даже если дело не выгорит, я просто не смогу вынести, если мне снова солгут. Думаю, я бы сорвалась.

И сделала это так, как сделало бы любое дитя клоунов, маниакально смеясь и нападая на обидчика с бутылкой сельтерской воды.

Народ, вы не захотите видеть меня безумной.

— О чем ты сейчас думаешь? — спрашивает он, глубокий голос наполнен любопытством.

— Сельтерская вода, — честно отвечаю я. Некоторое время мы продолжаем двигаться в тишине.

— Ты странная, — секунду он раздумывает. — Это сексуально.

Если бы каждый раз, когда слышу подобное, я получала бы пять центов, то уже была бы богатой. Но я все равно признательна за эти слова и скольжу рукой по его руке. Он подмигивает мне, и я чувствую, как тепло проходит сквозь меня, устремляясь к моим конечностям. Я расслаблена. Я в безопасности.

Время повеселиться.

Я не понимала, сколько родителей и благодетелей из «Залива сновидений» были либо знаменитостями, либо спали со знаменитостями. Если бы я знала, что здесь будут три звезды, пять звездочек рангом ниже, несколько продюсеров и Мит Лоуф, я бы подготовилась. То есть, имею в виду, сегодня вечером я бы принесла свою тетрадь для автографов и визжала бы от радости сегодня позже ночью в своей комнате. Ситуация такова, что мне неудобно просить у людей оставить автограф на телефоне или на спине, поэтому я стою в уголке и вздыхаю над упущенной возможностью.

Хотя Мит Лоуф оставил автограф на моей салфетке после того, как я нежно, льстиво и с придыханием спела «I'd Do Anything for Love» как раз тогда, когда он проходил мимо. Да, мне определенно повезло.

Мои дети отлично справляются, распевая для родителей, которые аплодируют и воркуют с обожанием. Тем не менее, затем на сцену поднимается Джей Зи - он, видимо, дядя кого-то здесь - и показывает импровизированное выступление, и я вынуждена признать, что моих очаровательных проказников обскакали. Эй, каково это, жить в подобно мире? Все женщины загорелые и спокойные, у всех мужчин ровные и белые зубы. Это же Божья страна, ребятки.

— Вижу, глазеешь на знаменитостей, — говорит Уилл, появляясь рядом со мной с бокалом красного вина и тарелкой, наполненной деликатесами. На ней какие-то кусочки с настоящей говядиной Кобе и сыром моцарелла, наряду с хрустящими рыбными тако. Еда настолько восхитительная, чудесная и настоящая, что на секунду я думаю, будто у меня галлюцинации.

— Откуда ты это стащил? — спрашиваю я, практически ныряя лицом в тарелку.

— Когда им надо собрать деньги, «Залив сновидений» понимает, что нужно быть более терпимым к другим стилям жизни, — Уилл подмигивает мне и цепляет кусочек фрикадельки для себя. Я стараюсь есть осторожно, чтобы не измазать лицо соусом. А то мне придется начисто вылизать его. Или попросить Уилла заняться этим. Это было бы и вульгарно и, вместе с тем, эротично, а еще могло бы привести к некоторым сомнительным поступкам.

Словно этот вечер сам по себе уже не сомнительный поступок. Когда я закончила, довольно быстро, надо сказать, Уилл протягивает мне руку. Черт, дорогая говядина хороша.

— Думаю, они играют нашу песню, — говорит он. Один из родителей, поп-панк-рокер,

бывший богом альт-рока еще в девяностых, вышел на сцену и поет о том, что деревья являются нашими друзьями, и о том, что деревьями должны управлять гигантские корпорации. Я начинаю смеяться, и, к счастью, Уилл присоединяется. — Серьезно, однако. Давай потанцуем.

— Никто не танцует. Все слишком поражены праведностью музыки.

— Разве тебе не нравится быть на виду? Думал, ты хороша в этом, — шепчет он.

— Ах да, ребенок клоунов. Как я уже говорила, моя детская мечта заключалась в том, чтобы сбежать и жить с семьей бухгалтера. — Протягиваю ему руку. — Однако иногда выделяться - не плохо. Именно это я и говорю детям.

— Им повезло, что у них есть такой учитель, как ты, — Уилл удерживает нас в стороне, немного подалеке от всех, так, чтобы каждый не задавался вопросом, почему временный учитель трется об одного из родителей. Тем не менее, здесь много места, и Уилл двигается исключительно хорошо. На самом деле, нет здесь никакого трения. Это элегантный, медленный танец, хотя его рука и скользит по моей спине, чтобы просто - всего лишь - приблизиться к тому, чтобы схватить меня в, скажем так, более интимной манере. благородно и все еще с оттенком небольшой похоти, просто идеально.

Если бы прямо сейчас на бал заявила Золушка, она бы, вероятно, даже не взглянула на мое платье, но позавидовала бы парню со мной. Что бы там не говорили, Прекрасный Принц отчасти зануда. Уилл Монро - нет.

— Я должна тебе кое что сказать, — шепчу ему на ухо. Смотрю через его плечо и обнаруживаю, что никто не смотрит на нас.

— И что?

Сделай голубой вдох, Шел. Ты можешь сделать это.

— Я буду скучать по тебе, когда ты уедешь в Токио.

Вот оно. Сказала. Уилл продолжает двигаться, но не отвечает. Окей, возможно я смогу забрать слова обратно. А может, могу притвориться, что упала в обморок. Может мне ударить его прямо в голень, потому что он заставлял меня думать, что все, черт побери, в порядке. Или мне просто стоит перестать паниковать и дождаться его ответа.

— Интересно. Потому что я тоже буду по тебе скучать, — его губы едва касаются моей щеки, когда он отстраняется, и каждый дюйм меня горит огнем. Он смотрит мне в глаза. Слава богу, я надела каблуки, поэтому ему не надо наклоняться.

Поскольку альт-рокер поет о мире в наше время и бесплатных, любезно предоставленных леденцах для каждого ребенка, я смотрю в глаза Уилла и думаю, что, возможно, я перестала быть случайностью и интрижкой. Может быть, просто вдруг, у меня будет причина задержаться в этом городе, даже если с «Заливом сновидений» ничего не выгорит.

16

Уилл

Я точно опоздаю на этот чертов самолёт. Подъезжая к «Заливу сновидений» все, о чем я могу думать, это как в короткие сроки доставить свою задницу в аэропорт ЛА. Через несколько часов рейс в Токио, и если меня на нем не будет, мне придётся добираться до Японии вплавь. Берт будет недоволен, если его рок-звезда не успеет вовремя на рейс. Такие

причудливые поступки не на пользу вашей репутации.

Но я никуда не уйду, пока не отнесу эти пончики с беконом. Мужчина должен заботиться о женщине в своей жизни, джентльмены. Не позволяйте никому говорить вам обратное. Особенно когда эта женщина любит бекон, тогда вам тем более надо беречь ее. Я выхожу из машины и, удерживая белую коробку, бегу к залу.

Клянусь, она подумает, я хочу ее откормить или что-то в этом роде, — думаю я, распахивая дверь. Опять же, она практически каждый день бегаёт по каньону. Она вполне может справиться с парой кусочков углеводов.

Мои глаза рассматривают все покрашенные фоны на сцене, и я восхищаюсь результатом. На прошлой неделе я помогал Шел покрасить все это. Правильно, весь день я работаю в напряженном ритме в небоскребе только для того, чтобы поехать в школу дочери и раскрасить голубой краской двухмерный детский приют. Я мужчина многих талантов. Но ради Амелии я рад сделать что угодно. И для Шел, я счастлив сделать что угодно для неё, так что вышло довольно неплохо.

Хотя один раз нам пришлось смывать краску с ее спины. Это было сексуально.

Внутри никого – Шел, вероятно, взяла детей на прогулку, о которой рассказывала мне сегодня. Я поднимаюсь по лестнице и кладу коробку с пончиками на стол рядом со сценой. Когда Шел вернётся и начнет готовиться к репетиции с детьми, она найдет этих крошек. Если только дети не сделают это первыми, и, в этом случае, надеюсь, она сразится с ними. Пончики, сделанные вручную не дешевое удовольствие.

Я наполовину надеюсь, что дверь распахнется, и они ввалятся в зал, но у меня такое чувство, что дети не оценили бы, если бы я стал лапать их учительницу по дороге в машину. Или оценили бы, как маленькие извращенцы.

Проходя мимо двери, я отмечаю, что это место выглядит просто великолепно. Фоновая картинка корейского квартала, полицейская машина, которую они соорудили из картона – Шел настоящая волшебница. Она хороша в том, что делает. Компетентность сексуальна, ребятки.

Вероятно к лучшему, что я не вижу ее на обратном пути к машине, и я просто отправляюсь в аэропорт. Господи, я едва ли справляюсь. Шел – отвлечение, и в прошлом я не особо-то хотел подобного. Но с Амелией, нуждающейся во мне больше, и Шел, нуждающейся во мне еще больше (на что я никогда не стану жаловаться), отвлечений в наши дни в изобилии.

Однако, пробираясь сквозь толпы людей в терминале, я схожу с ума не поэтому поводу. Всего виски из дьюти-фри в мире не достаточно, чтобы компенсировать это. Хотя перелет бизнес-классом в Токио – отличное место и время, чтобы воспользоваться упомянутым скотчем.

Я могу представить Шел на сиденье рядом, вероятно возящейся с кнопкой, чтобы полностью разложить кресло. Боже, должно быть, путешествовать с ней удивительно. И, наверное, неплохо было бы присоединиться к клубу Высокой мили.

Надо перестать возбуждаться в самолёте. Это отвлекает.

Мы в воздухе, когда я решаю подключиться к Wi-Fi. Я пишу Шел, просто чтобы прощупать почву.

Я в самолёте. Надеюсь, ты прогонишь шоу сегодня вечером.

Вот. Как бы между прочим и не слишком напористо. Только я собираюсь разорвать бесплатный пакетик арахиса с васаби, когда получаю ответ.

Что, что? Не слышу тебя из-за этих ОБАЛДЕННЫХ ДОНАТСОВ С БЕКОНОМ.

И вдогонку пять смайликов с пончиками. Ухмыляясь, пишу ответ.

Смс для твоих глаз, донатсы для твоего ротика. И причём тут твои ушки?

Секунду спустя:

Кто-то в совершенстве изучил анатомию, работая сверхурочно;)

У меня больше знаний об анатомии, чем она может себе даже представить. Я расскажу ей и, уверен, она оценит.

Знаешь, что ты можешь привезти мне? Хотя, ты должен привезти его тепленьким, пишет она. Улыбаясь, я жду, пока она продолжит: *Теряки. Они закрыли мой любимый ресторан на Олив-стрит, и теперь я не знаю, как жить дальше.*

Я стараюсь не смеяться слишком громко. Мы ещё какое-то время переписываемся, пока для нее не приходит время ехать домой, и у меня, ну, гребаные NBC планирования, чтобы наверстать упущенное. Остальная часть полета в Токио проходит спокойно. Приземлившись, я, видимо секунд на десять, оказываюсь в гладком черном лимузине и, вскоре после этого, в Хилтоне, глядя вниз на улицы города с высоты тридцати этажей. Гостиничный номер - чистейший и по деловому элегантный, с мягким серым ковровым покрытием, стеной из окон, белым постельным бельем и низкой черной мебелью.

Именно тот тип номера и тип поездки, которыми наслаждались бы засранцы-миллиардеры. Когда Сюзанна еще присутствовала в моей жизни, я бы поехал в эту поездку с огромной чертовой усмешкой на лице и двумя сумками виски из дьюти-фри на борту. Частично, как способ избавиться от проблем дома, отчасти потому, что хотел быть одним из тех засранцев. Может быть, я все ещё могу им стать, если бы мне было до этого дело.

Но теперь Амелия живет в юрте на горе, что мне до сих пор не нравится. Даже двухнедельное отсутствие вдали от нее создаст проблемы в битве за опеку. Шел, тем временем, вероятно, танцует с Арчи по своей захлавленной квартире. Я пару раз был в этом месте, и оно именно такое, где, как вы бы подумали, станет жить женщина, воспитанная клоунами. Ни одному человеку нельзя иметь столько шёлковых и шифоновых шарфов. Я не знаю, что она делает со всеми ними.

Сначала я пишу дочке, но ответа нет. Судя по времени, она, вероятно, только встаёт в школу. Затем пишу Шел, опять тишина, вероятно по этой же причине. Хотя может она сейчас бежит по каньону, ухмыляясь, когда продвигается вперед. Я могу видеть ее: наушники в ушах, штаны для йоги обтягивают безупречную попку. И собака, собака мешает моему воображению.

Фу, Арчи. Иди выпей с Бруно по стаканчику или займитесь чём-нибудь.

Две женщины моей жизни, вероятно, все ещё спят, а я чувствую себя как никогда бодрым. Это чувство одиночества, и я его ненавижу. Но встречи и конференции, а также все остальное дерьмо, которое займёт все мое время здесь, не начнётся до завтра. Прямо сейчас, в этом гигантском гостиничном номере, есть только я и никого больше. Нет Амелии, заказывающей слишком много мороженого из службы доставки. Нет Шел, которую надо уложить в кровать.

Это будут самые длинные чертовы две недели за всю мою жизнь.

И в лучшие времена встретить родителей, которые неожиданно приехали посмотреть, как ты живешь, достаточно неловко. А встретить их, когда твоя новая социально-ориентированная постановка «Оливера» вот-вот состоится, и твой возможно-бойфренд находится в другой стране, и они притащили с собой обезьяну... что ж, это совсем другое.

Хотя, обезьяна забавно смеется. Это скандинавский карлик? Или родезийский? Как бы то ни было, он размером примерно с мою ладонь и любит обниматься, пока лопает арахис, так что, на мой взгляд, он миленький. Хотя Арчи от него досталось.

Ну, правда, Арчи просто счастлив позволить любому животному на планете сбить себя с ног и вытрясти всю душу. Думаю, он этим наслаждается. Черт, я все еще не понимаю, как это вообще было физически возможно.

— Знаешь, что мне нравится в этом месте? — говорит папа, когда делает два шага из моей спальни и оказывается уже в гостиной. — Здесь так много места! — Он говорит это, внимательно осматриваясь в поисках маленького свободного местечка, на которое можно было бы наступить.

Послушайте, у меня много шарфов.

Не помню, зачем они у меня, почему я их купила и что планировала с ними делать. Точно так же, как не помню, когда купила это пятифутовое чучело жирафа в углу. Но он - отличная вешалка для шляп. И поскольку у меня есть семь шляп...

Может, мне и правда стоит съездить в секунд-хенд.

— Ну, когда вы живете в трейлере в бесплодных местах Дакоты, любое место с крышей и без колес производит именно такой эффект, — говорю я, давая Чакли ещё один арахис, который он жуёт, забравшись мне на голову.

Ай. Блин, надеюсь, он не наделает снова в штанишки.

— Разве это не правда, — говорит мама, выходя из ванной. Смотрю на нее, и у меня кровь стынет в жилах, когда понимаю, что она не смыла макияж Арлекина. Мой папа играет роль клоуна Бозо: с белым лицом, большими красными губами, разноцветным костюмом и таким взглядом, от которого у детей бывают долгие ночные кошмары. У мамы же, с другой стороны, более классический черно-белый вид: клоун с чистым белым лицом и единственной черной слезой, скатывающейся по щеке. И именно этот грим сейчас на ней. По какой-то причине.

— Мам. А есть какая-то причина, по которой нам было необходимо приглашать на ужин Колумбину? — как бы, между прочим, спрашиваю я. Колумбина - один из персонажей мамы, которую она обычно играет на вечеринках по случаю дней рождений богатеньких детишек. Хорошо, что они богаты, им ведь нужно будет оплатить счета от психотерапевта.

— Подумала, что это привлечет внимание! Тогда, может быть, некоторые родители остановятся поболтать с нами, мы понравимся их детям и бум! — она поднимает руки, очень гордясь собой. — Нас с твоим отцом закажут для вечеринки.

— Вау, отличная идея! — лицо отца загорается, когда он подбегает к туалету. — Дебби, мы взяли мой рыжий парик, Да?

Я не оказываюсь у папы на пути, потому что выпадаю в коридор. Как я уже говорила, эта квартира маловата для нас троих, и особенно для нашего безумия.

— Ребята, можем мы просто пойти поесть без косых взглядов окружающих? Пожалуйста? — мои родители останавливаются. Мама выглядит грустной. В смысле, хотя на ее лице и нарисованы слезинки, она выглядит еще печальнее.

— Думал, тебе нравилось, когда Бонко и Колумбина ходили на ужин, — говорит папа, засовывая руки в карманы, вид который прям-таки кричит - грустный клоун-папа. Мне действительно нравилось, когда Бонко и Колумбина - *боже, эти имена* - отправлялись на ужин. Но мне было пять, и мы были в пиццерии «СиСи» в Салеме, штат Орегон, и настроение было совершенно другим. Мы получили бесплатное мороженое с фруктами после того, как папа сделал животных из воздушных шаров для шеф-повара. В центре Лос-Анджелеса такого не случится.

— Пожалуйста, мам? Мы можем раздать визитки.

Она вздыхает, но, по крайней мере, направляется в ванную.

— Твоя проблема, Шел, в том, что ты слишком много печёшься о том, что думают окружающие, — говорит она. Целует меня в щеку, которая, вероятно, сейчас покрыта макияжем.

Надо заметить, она не ошибается. Когда во время учебы в колледже я ходила в гости на ужин в дома других людей, я видела одинаковые дома среднего класса с такими же газонами, однотипными воротами и такими же семейными фотографиями на стенах. Слушала рассказы о дядях, которые продавали страховки, или дочерях, которые собирались заниматься юриспруденцией, и я была очарована. Никогда не могла понять, почему люди хотят знать, на что похоже детство, полное клоунов. Я уже жила так. Почему кому-то было до этого дело?

Но я люблю своих родителей, и они стараются, как могут.

— Вот что я тебе скажу. Почему бы тебе не принести красный нос, и, если мы увидим детишек, мы наденем его? — предлагаю я. Их лица сияют, и они идут, чтобы подготовиться, пока я кладу Чакли обратно в его маленькую клетку. Арчи сидит внизу, в ожидании, виляя маленькая задницей. То ли он пытается сесть, то ли потискать обезьяну, не могу сказать.

— Веди себя, как хороший сторожевой пёс, — чешу Арчи за ухом и выхожу, натягивая куртку.

Смотрю на телефон, нет ли сообщений, но там пусто. Вздохнув, я стараюсь не волноваться, когда одеваю сумочку на плечо. Обычно в это время Уилл посылает мне быстрое текстовое сообщение. В Японии у него очень насыщенное расписание, а это означает, что у нас есть около пяти минут в день, когда мы можем поздороваться друг с другом. Но мы все же находим способ. На самом деле, два дня назад мы ели суши. Он должен был принести свои в гостиничный номер, а мой вариант завтрака с суши - яйцами с беконом, завернутые в рис, на удивление получилось вкусно. Но было очень весело смотреть друг на друга по скайпу и говорить, пока мы обедали /завтракали. Это было похоже на обычное свидание, и я не понимала, как сильно скучаю по его лицу. Как сильно скучаю по смеху и по удовольствию, которое получаю, когда заставляю его смеяться.

С другой стороны, по крайней мере то, что Уилл находится в Токио, означает, что ему не придется встречаться с моими родителями. Я люблю маму и папу, но они серьезно помешаны на своем маленьком цирковом мирке. Для кого-то, с кем я в полуофициальных отношениях, реальность клоунской жизни может оказаться достаточно, чтобы разрушить наш маленький скрытый мир. Например, одно дело - заниматься с кем-то отличным сексом. Совсем другое - осознать, что ваши потенциальные будущие дети могут в конечном итоге захотеть профессионально жонглировать.

Мама и папа выходят, без грима и готовые идти. Папа достает красный нос, сжимает один раз до скрипа и возвращает в мамину сумочку. Они посылают друг другу взгляд: тот,

который говорит, что у них, по прошествии стольких лет, все еще есть то самое - что бы это ни означало. Хотела бы и я когда-нибудь найти подобное. Если я смогу сделать это без краски на лице, будет намного приятней.

До того как мне удаётся спросить, все ли готовы идти, раздаётся стук в дверь. Черт, это может быть любительница птичек сверху. У миссис Хименес две дюжины попугаев, которых она учит петь в унисон, и иногда она пытается заставить меня пойти с Арчи на вечер бродвейских мелодий. Вообще-то я один раз ходила туда. Она сделала мне попкорн.

Но давайте будем реалистами, сегодня вечером у меня нет времени для «Привет, Долли» - вместо этого должно быть «Пока, пташка». Я открываю дверь, чтобы сообщить ей это, и вижу, что миссис Хименес превратилась в подтянутого мужчину ростом шесть футов. Эта коварная колдунья превратилась в моего возможно-потенциального бойфренда.

Уилл стоит передо мной, выглядя восхитительно помятым в шикарном сером костюме. Тот вид, который подразумевает, что большую часть своего полёта вы проспали в бизнес-классе. В руке у него белый бумажный пакет. Пахнет вкусно, и у меня начинает урчать живот. Хорошо, что я собираюсь пойти ужинать.

Со своими родителями. Которые тоже здесь. С клоунскими носами. А миссис Хименес может превращаться в других людей. И целых двенадцать секунд уходит на то, чтобы понять, что я совершенно неверно истолковала эту последнюю часть.

Все, что я додумываюсь сказать этому мужчине напротив с едой и уверенной улыбкой:

— Это терияки?

Да еще и с придыханием.

Уилл скользит рукой вокруг моей талии, прижимая меня к себе. Теперь я думаю о сексе на диване и японской кухне, и, позвольте заметить, эти картинки не объединены. Говорю вам это, чтобы пощадить вас. Но я не могу.

— Я обещал кое-что вернуть, да? — шепчет он мне в шею, и я становлюсь сверхчувствительной. Ощущаю его щетину на подбородке, и мои губы собираются схватить его...

— Эй! Кто это?— папа сигналил в гудок, и я почти забираюсь на Уилла, как кошка на дерево. Слава богу, мне удается себя контролировать, потому что уверена, иначе мы бы оба покатались с лестницы. У папы появляется его самый защищающий взгляд отца, и он принимает лучшую позицию боевого клоуна. А именно, рука на резиновом конце очень большого гудка, и он не боится использовать его снова.

— Уилл Монро, — он не столбенеет, а лишь протягивает руку моему отцу для рукопожатия. — Парень из службы доставки, — поднимает бумажный пакет, и его озорное, шутливое выражение лица, кажется, сразу покоряет папу. Он опускает гудок. Наконец-то мы все в безопасности.

— Пахнет хорошо, — говорит папа, когда мы впускаем Уилла в квартиру. Под «впускаем», я имею в виду, позволяем ему втиснуться внутрь. Теперь, когда нас четверо, ещё и обезьяна с собакой, находиться здесь невозможно. Одному из нас придется уйти. Я просто не хочу, чтобы это был Уилл. Или, если он уедет, я хочу, чтобы мы пошли с ним.

Угу, иногда не помешает думать головой, Шел. Это ж надо додуматься, пригласить большого, сильного мужчину на обед.

Хотя это означает, что ему придется провести определённое время с моими родителями, и, как я уже сказала ранее в глубине своего разума, не уверена, что это такая уж хорошая идея. Хочу сказать, вещи типа клаксона по-своему очаровательны, но если они

вытащат большие резиновые туфли...

И знаете, у них ведь есть с собой, по крайней мере, одна пара. Лежит где-то, припрятанная.

— Я сказал Шел, что привезу ей из Японии теряки, — улыбается Уилл, пока мой папа разглядывает его с этим слегка вопросительным взглядом, характерным для мужчин, у которых складывается впечатление, что их дочь кувыркается с этим парнем. — Сказал же, что привезу его тёплым, — шепчет он мне на ухо. Боже, да он просто волшебник.

— Как ты это провернул? — изумившись, спрашиваю я.

— Взял его в двух кварталах отсюда в «Литл Токио», — улыбается он и подмигивает, — судя по всему, им не нравится, когда на борт проносят еду. Как я недавно узнал.

— Но ты вспомнил, — да не собираюсь я падать в обморок из-за куриного теряки. Если это теряки с говядиной, что ж, сделка отменяется. У меня уже кружится голова. — Не знала, что ты вернулся.

— Сделка закрылась раньше, чем мы ожидали. Было кое-что, о чем нужно позаботиться дома, — мое сердце и либидо пускаются в пляс. — Например, Амелия.

Конечно, его дочь. Успокойся, Шел. Не смущай себя.

— Плюс, мне нужно было доставить кое что, — его глаза медленно следуют по моему телу вверх и вниз, ведь здесь мои предки. Но, господи боже, в одном коротком взгляде можно уловить много, очень много желаний.

Говори, Шел. Скажи что-нибудь, только не «трахни меня под обезьяньей клеткой» или «хмммммм».

— Мы, э-э-э, отправляемся на ужин, — вот так просто. *Не волнуйся, Шел.* — Хочешь к нам присоединиться? — Теперь он собирается сказать «нет», потому что уже хорошо разглядел папу. Или понимает, что его ожидаемая ночь секса после теряки отменена, так в чем смысл даже находиться здесь? Или ему станет неловко, когда он осмотрится в моей тесной квартире, увидит обезьянку, качающуюся в клетке, и придет к выводу, что все это слишком странно. Это все слишком странно. Ты не можешь привезти Амелию сюда. На самом деле, он, должно быть, сейчас расстается со мной.

И тут он говорит:

— С удовольствием. И у нас будет возможность поговорить. Мистер Ричардсон? — говорит он, указывая на папу и как бы спрашивая: *нормально, если я буду называть вас вот так.*

Папе это нравится, потому что он отмахивается.

— Пожалуйста. Зови меня Стив. Или Бонко, — глаза папы загораются. Он любит персонаж Бонко, думаю, иногда даже слишком сильно.

Мама внимательно рассматривает Уилла, и я прям-таки ощущаю, что это конец. Он подумает, что все это странно, и он скорчит гримасу, и на этом все. Я чувствую, что...

— Мне нравится Бонко. Говорит об определенном вкусе, — Уилл жмет руку моему отцу, и теперь, когда кто-то присоединился к его безумию, отец в восторге.

— Знаете, у моего ребенка скоро день рождения. Как думаете, какое развлечение подойдет группе одиннадцатилетних детей? — Уилл спрашивает моих родителей, когда мы все протискиваемся в дверь. Пять баксов, что ответ будет - клоуны, и я надеюсь, что этим советом он не воспользуется.

Но он поинтересовался их бизнесом, и не посчитал Бонко странным. А значит, для них он король.

И когда мы идем в ресторан, я понимаю, что чувствую легкое головокружение. Уилл не просто приехал в мою квартиру на секс-фестиваль с теряки. Он хочет поужинать с моими родителями. Он хочет, просто провести время со мной, и в течение двух часов обсуждать животных на воздушном шаре.

Не думаю, что это интрижка, и полагаю, мне это определенно нравится.

— Итак, — говорит Уилл, когда мы садимся в его машину, сиденья согреваются и двигатель урчит. Между нами остатки еды, очень вкусный морской окунь, завернутый в форме лебедя из фольги. — Ты не шутила о своих родителях.

— Я никогда не вру, сэр, — говорю я, добавляя драматического акцента для эффекта. Представьте себе, что русский шпион встречается правильную английскую графиню. Я даже не знаю, как это звучит. — Все, что я делаю, это пью, чтобы забыться.

Когда ужин начался, именно к этому я и приготовилась: пей, пока не перестанешь чувствовать. Знаете, сколько джина и тоники нужно, чтобы я стала «тепленькой»? Ответ - игнорировать джин с тоником и перейти прямо к виски. С виски все вкуснее.

Но вечер продолжался, вино лилось, Уилл не возражал обсудить тонкости различных ручных гудков, и тогда началось нечто удивительное. Я начала смеяться. Начала чувствовать себя менее сумасшедшей, чем обычно. Уилл был хорош с моими предками. Черт, больше, чем хорош - он сделал все, чтобы понравиться им. Слушал ли он сумасшедшие семейные истории о воссоединении клоунов в Пенсаколе или помогал маме выяснить, как лучше всего инвестировать в трейлер для выхода на пенсию, он всегда был в игре. Именно это, по-видимому, делает меня невероятно возбужденной, потому что сейчас я сижу рядом с ним, желая еще одного раунда автомобильного секса. Может быть, мы сможем заехать за угол в какое-то уединенное место...

— У меня есть предложение, — наконец говорит он, вручая мне лебедя. — Ко мне. Я скучал по тебе, — его рука покидает лебедя и двигается на юг, нежно поднимая юбку, чтобы скользнуть вдоль бедра. Все мое тело содрогается от удовольствия, когда его пальцы скользят по шелку моих трусиков. Уилл наклоняется, дыхание согревает мою шею, когда он шепчет: — Две недели слишком долгий срок.

— Прошло всего девять дней, — шепчу я, посылая ему, как я надеюсь, поддразнивающую, а не сосредоточенную на подсчетах, улыбку. Уилл целует мой затылок и, под сладким натиском потока гормонов, цифры исчезают из головы.

— Точность, — говорит он, его пальцы скользят вверх по моему бедру в нужное место, — очень привлекательное качество для женщины.

Прямо сейчас, я начинаю стонать от нужды. Господи, нам нужно вернуться к нему, потому что мне необходимо отпраздновать его возвращение. Что может быть лучше, чем праздничный секс до изнеможения?

Если бы все разделяли мою точку зрения, мы бы постоянно искали чтобы ещё можно отпраздновать. Идеальная колоноскопия? Вернул библиотечную книгу вовремя? Вот тебе открыточка «Холмарк» и секс. Позвольте заметить, если бы за это отвечала я, мир был бы намного лучше.

Удивительно, как Уиллу удаётся открыть дверь, когда я практически висну на нем. Мои ноги уже обёрнуты вокруг его талии, и он идеально удерживает меня, одновременно, наконец-то, заводя нас в его квартиру. Пинком закрывая за собой дверь, он вносит меня в

гостиную, прижимая к стене и эрекции, давайте не будем забывать об этой восхитительной детали.

— Подожди, — мне удаётся соскользнуть, пробегаясь руками вниз по его телу, когда я опускаюсь на колени. Даже практически в полумраке мои пальцы нащупывают пряжку его ремня, и он резко делает вдох, когда я начинаю расстегивать брюки. Медленно стягивая боксёры, освобождаю его член, который А) огромный и В) очень готов для меня.

— Что ты делаешь? — задыхаясь, рычит он, когда я беру его член в руку и быстро сжимаю.

— Сможешь догадаться? — шепчу я и облизываю его. Медленно, очень медленно, провожу языком по его длине, наслаждаясь тем, каким шелковистым и твёрдым он ощущается. Уилл откидывает голову назад и стонет, когда я целую кончик, прежде чем медленно взять его в рот. Неторопливо смакую его, пробуя соль и твёрдость. Провожу рукой вниз к основанию его члена, ритмично сжимая, когда моя голова начинает двигаться назад и вперед.

— Вот так, да. Идеально, — стонет он, прижимая руки к стене. — Не останавливайся. Шел. Ни за что, нахрен, не останавливайся.

Рада угодить, я кружу языком вокруг него. Боже, он такой толстый, и напряжение в его теле, когда я продолжаю, только делает меня счастливее. Мне нравится знать, что я свожу его с ума, делая его дыхание более глубоким и прерывистым. Он сжимает мои волосы в кулак, заставляя меня двигаться быстрее. Но я ведь не спешу, поэтому делаю все медленно. Мне нравится слушать его стоны - на самом деле, думаю, я люблю слушать их.

— Шел, — шепчет он, снова и снова повторяя мое имя. Я провожу руками вверх и вниз по его мускулистым ногам. Снова беру его член, сжимая основание, прежде чем скользнуть им так глубоко в рот, как только могу. Он входит почти слишком далеко, но я все же не тороплюсь вытащить его изо рта. Мне нравится, как его дыхание сбивается, как он звучит на грани, когда я всасываю кончик, снова и снова кружа по нему языком.

— Я больше не могу, — стонет он, нежно вытаскивая член из моего рта. Хочу продолжить, но он поднимает меня на ноги. — Хочу кончить глубоко внутри тебя, — шепчет он мне в горло. Поднимая меня, он снова сжимает мои ноги вокруг своей талии. Сквозь влажный шелк трусиков я ощущаю его эрекцию. Он хочет войти в меня, и я так же сильно хочу его. Я хочу почувствовать, как он, глубоко вколачиваясь, растягивает меня.

Уилл несёт меня вверх по лестнице до его спальни. Я сажусь на кровать и мастерски расстегиваю платье, отбрасывая его в сторону. Я раскрыта и жажду его, когда Уилл опускается на меня. Руки скользят по моей спине, чтобы ловко расстегнуть лифчик, и мои соски твердеют от холодного воздуха. Лунный свет, льющийся сквозь окно, падает на него, когда он садится, снимая пиджак. Мои пальцы нащупывают его пуговицы, и, когда он стягивает рубашку, глаза путешествуют вверх и вниз по его идеальному твердому телу. Не теряя времени, он нащупывает прикроватный столик, находит презерватив и вынимает его из фольги.

Спустя мгновение, надевает его и снова опускается на меня. Опять хватает меня за талию, и я поднимаю бедра, чтобы встретиться с ним. Я начинаю хныкать, когда он дразнит меня, скользя головкой члена вверх и вниз по моей киске. Задыхаясь, я снова пытаюсь обернуть ноги вокруг него, чтобы притянуть ближе и заставить войти глубоко в меня. Он успокаивает меня, просовывая руку между нами, чтобы снова прикоснуться ко мне. Играет с моим клитором, и я знаю, наслаждается тем, как я сейчас скулю от нужды.

— Ещё рано, детка, — шепчет он, вводя один, затем два пальца глубоко в меня. Я прижимаюсь к нему бедрами, крепко сжимаясь вокруг его пальцев. Уже сейчас я чувствую, как выхожу из-под контроля. Боже, я хочу, чтобы он сейчас же оказался внутри.

— Пожалуйста, — снова и снова шепчу я, целуя его подбородок, когда он поднимается надо мной на локтях. Подтягивая ногу вверх, я чувствую, как он размещает головку члена у моего входа. Затем, наконец, толкается внутрь. Боже, он не торопится, входя дюйм за дюймом. Лицо напряжено от концентрации и нужды, глаза пылают в лунном свете. Я влажная и жаждущая, так отчаянно нуждаюсь в том, чтобы почувствовать его. Даже после девяти дней врозь, мне достаточно трудно приспособиться к его размеру. Я кусаю губы и выгибаю спину, когда он погружается глубже, пока не овладевает мной полностью.

Он начинает двигаться, бедра врезаются в мои. Черт, я хочу, чтоб он двигался быстрее, и своими движениями пытаюсь заставить его ускориться. Но он прижимает ко мне руку, успокаивая меня. Он не хочет торопиться, славный подонок. Уилл просовывает руку между нашими телами и начинает потирать мой клитор, одновременно толкаясь в меня. О, боже, это конец. Откидывая голову назад, я снова и снова повторяю его имя.

— Трахни меня, — шепчу я, начиная извиваться от переизбытка ощущений. Мой оргазм близко, и я хочу его.

— Так и планирую, — рычит он, облизывая мой сосок, а затем прикусывает его. Постанывая, крепче сжимаю его руку, волосы, все, за что могу ухватиться. Уилл начинает двигаться быстрее, вколачиваясь до основания. Моя киска сжимается вокруг него так туго, как только возможно. Он отвечает рыком, и его бедра движутся быстрее, его тело покоряет мое.

— Хочу, чтоб ты кончила, — снова наклоняясь, рычит он мне на ухо. — Кончи для меня. — Он снова двигается неторопливо, его медлительность мучительна и восхитительна. — Ты хочешь почувствовать это именно так.

— Да, — шепчу я снова и снова. Вращаю бедрами, встречая его движение. Его рука скользит по моему телу, округлости груди и изгибу бедер. Он двигается жестко, быстро и глубоко. Когда его ритм набирает скорость, кровать под нами скрипит. Я крепче обнимаю его ногами, постанывая, когда он тянется вниз, и трет мой клитор один, два раза. Снова берет мою грудь в рот, вбирая столько, сколько может.

Мои мышцы начинают сжиматься, и дыхание становится все резче и быстрее. Мир вокруг меня исчезает в тумане оргазмического света. Чёрт, я так близка. Он врезается в меня как можно глубже, чтобы я могла знать, что я принадлежу ему. Я чувствую это в его взгляде, диком и собственническом, который говорит, что он хочет, чтобы я знала, что он внутри меня, чтобы всегда помнила, что я была его. Еще один последний раз его рука скользит по моей влажной коже к моему клитору. Последний раз он потирает его, и я чувствую, что давление внутри меня нарастает, пронзая все тело.

— Вот оно. Не останавливайся, — я задыхаюсь, извиваясь под ним. И тут мир взрывается светом, и я кончаю так сильно, что мое тело трясется. Силой оргазма я поднимаюсь с кровати, садясь на полпути и встречая его рот. Я кричу ему в губы и чувствую, как он дергается, когда сильно кончает внутри меня. Уилл отводит голову в сторону, лицо напрягается. Когда он падает на меня сверху, я медленно начинаю приходить в себя. Мы дышим вместе, наши тела прижимаются друг к другу. Я играю с волнистыми волосами на его затылке, теперь мокрыми от пота. Уилл снова проводит рукой по моему телу, со знанием дела исследуя мои округлости.

— Эй, — шепчу я ему на ухо. — С возвращением.

— Хорошо быть дома, — смотрит прямо мне в глаза, когда говорит это, и у меня появляется обнадеживающее ощущение, что он говорит о нас.

18

Уилл

Я просыпаюсь, спина Шел прижимается к моей груди, моя рука обнимает ее. Господи, лишь ощущения моей обнаженной кожи напротив ее достаточно, чтобы сделать меня твёрдым. Моргая со сна, я усиливаю хватку и зарываюсь лицом ей в волосы. Она пахнет как секс и гель для тела с манго, никогда не думал, что это сочетание придётся мне по душе. Целую ее обнаженное плечо, и член поднимается выше, когда я слышу, как она шевелится, просыпаясь. Простыни шуршат, когда она поворачивается ко мне, на лице появляется медленная улыбка. Черт, я готов к ещё одному раунду. Словно трех прошлой ночью было не достаточно.

— Как ты сегодня себя чувствуешь? — шепчет она напротив моих губ.

Вдобавок к неслыханному возбуждению, я чувствую себя живым. Чертовски приятное ощущение.

— Давай-ка я тебе покажу, — шепчу я, направляя ее горячую маленькую ручку на член. Она усмехается и целует меня сильнее. Я собираюсь скользнуть рукой ей между ног и разогреть ее, когда раздаётся стук вниз. Словно кто-то стучит дверцами шкафа, чтобы увидеть, сколько шума они могут сделать.

Черт, кто-то вломился в квартиру. Глаза Шел расширяются, когда я выпрыгиваю из постели. Моей эрекции придется немного подождать, пока я запрыгну в одежду, возьму бейсбольную битку возле шкафа и спущусь вниз. Если у ублюдка есть пистолет, я не многое смогу сделать.

Двигаясь медленно, я иду вниз по лестнице и заглядываю за угол на кухне. Где нахожу...

Сюзанну. На кухне. Со стопкой тарелок. Это самая худшая придуманная игра в «Клуэдо», и самая тупая.

— Что за хрень? Что ты здесь делаешь? — ставлю битку вниз и подхожу поздороваться с бывшей, у которой сейчас на лице появился сердитое сосредоточенное выражение. Она кладет тарелки вниз, добавляя пару кружек кофе.

— Послушай, мне сейчас вот совсем не нужна эта плохая энергия, — она говорит это так, словно я тот, кто ведет себя неразумно.

— Сюз, ты вломилась ко мне. Плохая энергия вполне ожидаема, — беру кружки из ее рук и ставлю их на место. Она надувает губы, скрещивая руки на груди.

— Я не вломилась. У меня есть ключ.

— У Амелии есть ключ, — поправляю ее, складывая обратно и тарелки. Моя голова пульсирует, мозг кипит. Как я могу перейти от состояния возбуждения и счастья к вот такому и всего за десять секунд? Этот развод не может пройти достаточно быстро.

Я оглядываюсь в поисках Амелии... и не вижу ее.

Сегодня суббота. Что значит, она не в школе. И значит...

— Сюзанна. Где Амелия? — произношу я невозмутимо и чётко, так что она знает, это не праздный вопрос.

Она снова поднимает руки, словно я спросил какую-то ерунду.

— Она в порядке. За ней приглядывают в юрте.

Мои виски пульсируют, и я знаю, что сейчас важно сохранять спокойствие, но трахните меня, это почти невозможно.

— Ты же знаешь, я ненавижу оставлять ее с незнакомыми людьми. Более того, мы договорились, что этого больше не повторится.

— Д'Андри не чужой, — она выглядит действительно обиженной этим, — думаешь, я оставила бы нашего ребенка с каким-то странным человеком?

Каждый человек в этой коммуне из юрт кажется мне неменяемым, так что я решаю на отвечать. Кроме того, Д'Артаньян, или как там его, взрослый мужик, присматривающий за моей десятилетней дочкой, и у меня появляются мысли по этому поводу. Большие гребаные мысли.

— Что ты здесь делаешь? — я, наконец, закрываю дверцу шкафа. Сюзанна раздражена, играя с краем блузки, вышитым бисером. Верный признак того, что она облажалась и знает об этом.

— Кое-что украли, — бормочет она.

Отлично, теперь ясно. Облокачиваюсь на столешницу.

— Кто-то из коммуны? — конечно же.

Сюзанна негодует.

— Дело не в частной собственности, ты же знаешь. Мы договорились, что делимся на равных правах всем. Итак, это не украдено. Скорее... позаимствовано.

— Что ещё они позаимствовали?

Она становится очень тихой.

— Толстовку Амелии.

Ту с мышинными ушами? Ее самый любимый предмет одежды на земле? Теперь я в ярости, потому что знаю, как она расстроится, и мне хочется убить осла, который думал, что взять вещи маленькой девочки это нормально,

— У нее нет другой такой здесь. Позволь предположить, она разревелась, когда узнала про толстовку, и ты не смогла справиться с этим, поэтому тебе пришлось приехать сюда и посмотреть, есть ли здесь замена, которую ты могла бы вручить ей? Что ж, замены нет.

— Не кричи на меня из-за какой-то глупой материальной собственности! Это твоя проблема, Уилл, — она практически тычет мне пальцем в грудь, чего делать не стоит. — Это у тебя на первом месте вещи.

— У меня не первом месте гребаное счастье моей дочери, до чего тебе, видимо, дела нет, — ругаюсь я, думаю, моя долбаная голова вот-вот взорвется. — Я никогда не хотел, чтоб Амелия жила с этими придурками в каньоне потому что знал, нечто подобное вполне может произойти.

Сюзанна фыркает.

— Ой, потому что ты всегда присутствуешь рядом? Настолько часто, что ты вернулся из Японии пораньше, а мы ничего не слышали об этом! Я не ожидала, что ты будешь дома, — она говорит так, будто это доказательство, и меня бесит, что так и есть. Я вернулся домой, и у меня было оправдание, почему я не позвонил Амелии, а именно, потому что она была у мамы. Они никогда не уживаются вместе. Но, тем не менее, я вышел из самолета, и первым, о чем я подумал - Шел.

О, твою мать! Если только она спустится прямо сейчас, Сюзанна вспомнит ее. Если она

ее вспомнит, работа в «Заливе сновидений» за секунду превратится в пепел. Я быстро проверяю лестницу, и ее там нет. Хорошо. Оставайся голой и в стороне от всего этого.

— Послушай, ты никогда не проводишь выходные с Амелией. Честно говоря, я хотел дать вам шанс стать ближе друг другу, но, видимо, это означает, что козлы украдут ее любимые вещи. Эта толстовка имела для нее смысл, Сюзанна. Я знаю, тебе кажется, что глупо привязываться к чему-то, но Амелия - ребенок. Дети любят свои игрушки и свои игры. Дети любят много вещей, включая своих родителей-идиотов. Амелия сделает что угодно, чтобы сделать тебя счастливой. Поэтому, если единственный способ стать ближе с нашей дочерью - это морить ее голодом, заставить ее думать, что она жирная и отвратительная, и не обращать внимания, когда жуткие ублюдки, которые, вероятно, поклоняются «My little pony», скрываются с ее любимой одеждой, почему ты тогда не позволяешь ей жить со мной постоянно? Почему ты притворяешься, что тебя это волнует?

Черт побери. Я не собирался начинать кричать, но сегодняшнее утро приняло такой тяжелый поворот в неправильном направлении, что я не могу остановиться. Когда я закончил, кажется, что вся кухня затаила дыхание, ожидая увидеть, что собирается сделать Сюзанна.

В стороне, я слышу скрип пола. Бл*дь. Шел стоит наверху лестницы, но не спускается. Хорошо. Надеюсь, она набросила что-то на себя, потому что, если Сюзанна поймает ее, я действительно не хочу, чтобы это выглядело так, как есть на самом деле.

И тут глаза Сюзанны наполняются слезами. Если вы когда-нибудь захотите почувствовать, как ваши шары вжимаются в ваше же тело, заставьте женщину плакать. Даже если это оправдано, вы почувствуете себя самым большим проклятым монстром в мире.

— Я... я сейчас постоянно чувствую себя такой потерянной, — теперь всхлипывает Сюзанна, плечи дрожат, когда она закрывает лицо руками. — Я знаю, Амелия ненавидит юрту.

Вот дерьмо, сейчас первый раз, когда я услышал, что она признает это. Я протягиваю ей руку, чтобы успокоить ее. Она принимает ее за приглашение и бросается на меня, цепляясь за мою талию. Все мое тело напрягается, хотя она, похоже, этого не замечает. Господи. Краем глаза я смотрю наверх и все еще вижу босые ноги Шел на верхнем шаге. Как я могу уладить все это, не разоблачив женщину, с которой сплю, или не причинив боль женщине, которая уже рыдает в моих руках?

И когда, черт возьми, моя жизнь превратилась в мыльную оперу? Я не создан для подобного дерьма. Прошлым вечером все, чего я хотел, немного теряйки и секс. Почему это так сложно.

— Мы можем поговорить об этом с участием посредника, — мягко говорю Сюзанне, осторожно отодвигая ее, пока она больше не цепляется за меня. Она шмыгает носом и достает из сумочки пачку бумажных платков. Они выглядят так, будто сделаны из биodeградируемой древесной целлюлозы, хорошо для нее. Прикладывает платок к глазам и сморкается.

— Видишь, вот что я имею в виду, — она снова злится на меня, но, по крайней мере, не плачет. — У меня крик души, а ты не хочешь отвечать на него. Ты хочешь поговорить об этом с нашими адвокатами. Ну, я больше не могу так жить! — Теперь мы снова кричим. Кто способен поспеть за всем этим?

Затем Сюзанна топает в прихожую, черт, с той точки у неё будет идеальный вид на лестницу и на Шел. Я иду с ней, готовый, если понадобится, заслонить ее перед бывшей. Нс

Шел ушла, слава богу.

Я открываю дверь для Сюзанны, и у неё такой вид, словно она готова побежать.

— Послушай. Скажи, что тебе надо и я дам тебе это. Если тебе надо место, где остановиться, я оплачу его. Только сделай одолжение и забери мою дочь из этого долбаного каньона.

— Твою дочь. Конечно же. Она всегда твоя малышка, когда ты хочешь отвести ее поесть мороженого или посмотреть фильмы или показать ей, какой я, в сравнении с тобой, монстр, — Сюзанна прищуривается. — Знаешь, как она будет себя чувствовать, когда я скажу ей, что папа приехал домой и даже не позвонил ей? Она будет убита горем. Ты лишь хочешь, чтоб она была рядом тогда, когда это удобно тебе.

Вот оно что.

— Когда развод, наконец, закончится, я собираюсь сражаться изо всех сил за единоличную опеку.

— Этого никогда не произойдет. С духовной точки зрения, детям лучше жить со своими матерями!

— С духовной точки зрения, ты несешь чушь. Возвращайся к Д'Артаньяну и скажи ему, чтоб держал руки подальше от моего ребенка. Через два часа я приеду забрать Амелию, так что пусть она будет готова, — когда Сюзанна выбегает, стиснув зубы, произношу: — И я принесу тебе твою чертову посуду, раз уж ты приехала за ней сюда.

— Нам нужна другая толстовка, — в таком же тоне отвечает Сюзанна, словно это как-то поможет ей победить в споре.

Захлопывая дверь, прислоняюсь лбом к стене и пытаюсь выдохнуть гнев. Так сказал нам психотерапевт, когда мы были на консультации: выпустите гнев, чтобы вы могли испытать его полностью. Честно говоря, это была единственная часть этих сессий, которая касалась меня. Это и знание, что мне нужно выпустить свою юнгианскую тень или подобное дерьмо.

Наконец, я возвращаюсь в спальню, где нахожу Шел, которая быстро одевается. Господи, я не хотел, чтобы она это видела. Не думаю, что есть путь назад к почти-занялись-сексом, но я все равно иду к ней.

Она уворачивается от меня, словно пытаюсь сделать все возможное, чтобы не прикасаться ко мне. Господи, а это что еще за хрень?

— Знаю, не очень-то приятно с утра пораньше увидеть такое, — начинаю я, прежде чем она обрывает:

— Ты еще не развелся? — заправляет постель с жестокостью, которая была бы сексуальной, если бы она не выглядела при этом так, словно хочет задушить подушки.

— Мы все ещё в процессе. Мы не хотим, чтоб все слишком затянулось в суде, особенно когда замешана Амелия, — я не собираюсь сдаваться. Моя девочка должна быть на первом месте, даже если я не позвонил ей сразу же, как приземлился после долгой деловой поездки.

Это прозвучало более заботливо и небезразлично, чем я думал.

— Хорошо, — ее голос звучит отчужденно, когда говорит это, а это совершенно противоположное тому, чего я хочу. Я хочу пылкую женщину, кричащую обо всем, начиная с того, что случилось с моим браком до какое мыло ей купить. Это спокойствие не характерно для неё, и поэтому это очень плохо.

— Все пройдет. Нам просто нужно немного больше времени.

— Конечно. Отлично, — она раза три разглаживает одеяло, затем берет куртку и одевает. — Я должна идти. Мне сейчас нужно уйти.

— Что случилось? — Черт, я не могу разобраться с этим прямо сейчас.

Шел смотрит на меня; черт возьми, ее глаза блестят от слез. Почему я такой дерьмовый человек? Какой мужик заставляет двух женщин плакать когда на часах ещё нет десяти?

— Не знал, что ты пришёл ко мне, не позвонив Амелии.

У меня такое чувство, что это может быть как исключительно хорошо, так и наоборот, так что я жду.

— Послушай, я встречалась с мудаком, который мог месяцами не звонить своему ребёнку. Затем, неожиданно, он решил, что ему с бывшей надо завести еще одного ребенка, чтобы у его ребенка был партнер по играм, — ее голос срывается, и она смотрит на свои руки. — Он также сказал мне, что он и его бывшая закончили, но, в конечном итоге, они занялись зачатием второго ребёнка. Я не могла ему доверять.

— Шел, все не так, — я пытаюсь спокойно подойти к ней и поговорить.

До того, как я делаю шаг, она хватает сумочку и практически вылетает из комнаты. *Господи*. Я спускаюсь по лестнице вслед за ней, но к тому времени, как добираюсь до коридора, дверь открыта. Она как ниндзя, когда хочет.

— Шел!

Выбегаю в коридор и вижу, как двери лифта закрываются. *Бл*дь!* Мне все равно, что моя рубашка расстегнута, я спускаюсь по лестнице. К тому времени, когда я попадаю в вестибюль, там никого нет. И на улице ее нет. Ее машина исчезла.

Она ушла.

19

Шел

Мне не нужна помощь Уилла Монро, чтобы собрать эту полицейскую машину. Именно это я продолжаю говорить себе с каждой шиной из картона, которую прикрепляю. С каждым окном, которое разрисовываю. Они тоже из картона. С каждой переносной радиостанцией, также сделанной из картона и небольшого количества пластыря. Я говорю себе, что побег от этого мудака – лучшее, принятое мной решение уже за долгое время.

Еще одно хорошее решение – плакать в подсобке каждый вечер после того, как дети уходят домой. Опять же, это не подсобка; это комплексный центр по благоустройству двора.

Знаете, даже если я вот-вот потеряю работу, возможно, все будет не так уж и плохо. Это место безумно.

Эмери пыталась поговорить со мной о Уилле. Удивительно, учитывая, что изначально она была не в восторге от всего происходящего. Но я выслушала ее. В конце концов, то, что я видела, было концом брака. А я видела мужчину, вынужденного иметь дело с женщиной, воспитывающей его ребенка в коммуне. Видела женщину, чувствующую себя очень потерянной и, возможно, беспомощной. Я должна была попытаться сделать им поблажку.

Это имело бы смысл, если бы не все те тревожные звончки, которые появились после фиаско Даррена. Давайте посмотрим правде в глаза: Уилл Монро не свободен. Речь идет не о его ребенке, у меня нет проблем с разделением эмоционального пространства с очаровательной десятилетней девочкой. Черт, я знаю, что Амелия должна быть главным приоритетом Уилла.

Все из-за того, что ее не было, когда он решил, что его главным приоритетом было

втереться в доверие к моей семье и заняться сексом. Если он может легко переключить свое внимание и пространство в своем сердце, кто может гарантировать, что однажды он не вернется к Сюзанне? Кто гарантирует, что не случится другой ситуации, когда у него появится второй ребенок, а у меня проблемы с алкоголем?

Плюс, факт остается фактом, он не был честен в ситуации с Сюзанной. Ведь он мог сказать, что технически они еще не разведены. Да, он так и сделал, но уже потом. Вернувшись к себе, я нашла от него пару сообщений:

Прости. Вслед за этим: *я должен был сказать, что еще не полностью развелся. Давай поговорим.* Поэтому я сделала то, что должна сделать любая разумная взрослая женщина, и притворилась, что не видела сообщений. Я ведь выросла.

Послушайте, хорошо, Уилл извинился, но я не могу не чувствовать, что он не сказал мне всю правду, потому что он, должно быть, инстинктивно понимал, как все это будет выглядеть. Он еще не был полностью свободен, а немногие женщины захотят связываться с мужчиной, который в любую секунду может уйти с рынка. Он не доверял мне настолько, чтобы рассказать правду. Это и ситуация с Амелией были двумя ударами, которые мне нужно было предвидеть. И это все никуда не денется.

Даже если я рыдала всю дорогу до дома. Даже если я плакала так сильно, что чуть не попала в небольшую аварию с очень приятным продавцом иранской плитки. Даже если я так сильно плакала, что очень хороший продавец иранской плитки предложил мне помочь переделать мою кухню со скидкой пятьдесят процентов.

Так что вот она я, неделю спустя, готовлюсь начать последнюю репетицию перед шоу. Освещение установлено, декорации покрашены, костюмы пошиты, и теперь мои беспризорники накладывают самый приличный грим из грязи, который смогли найти. Некоторые из них мажут на лица настоящую грязь. Думаю, им хочется выглядеть более правдоподобно.

Что я делала с тех пор, как стала саботировать Уилла? Ну, я решил начать заниматься чем-то полезным для здоровья и хорошего настроения. Например, я узнала, что стресс-вязание - это вещь. Я создала две крошечных шапки для Чакли, вместе со свитером и теплым хвостом. Ему понадобится один из них, если они снова проведут зиму в Монтане. Я также связала Арчи подушку, наушники и собачье блюдо. В нем не держится вода, поэтому, возможно, это была глупая идея. Что ж «возможно» тут быть не может.

А еще я каждый вечер заказываю себе утешительную еду. Некоторые предпочитают мясной рулет и жаркое. Я предпочитаю корн-доги и сладкую вату. Парень в супермаркете растерялся, когда я спросила, есть ли у них смесь для сладкой ваты. По-видимому, странно, что у людей есть свои миниатюрные машинки для сладкой ваты. Поэтому, я странная. Кто бы мог подумать?

Так что да, корн-доги, сладкая вата и вязание - вот как я собираюсь встретить свой двадцать девятый день рождения. Так как директор и Уиллоу здесь в «Заливе сновидений», не сказали мне ни слова о продлении моего контракта, вынуждена предположить, что меня не попросят остаться. И это нормально. Это означает, что я буду жить в трейлере с мамой и папой, а также с Чакли и Джимбо, Эразмом и Тоддом. Когда родители были в городе, они сказали мне, что теперь всем для вечеринок нужен бродячий клоун. Хочу сказать, политически некорректно называть его так, но если женщина играет бродягу, это кажется более социально приемлемым. Вот сколько всего нового можно узнать о клоунах.

Вот и все. Нет Лос-Анджелеса, нет любви, нет работы, дуля с маком. Ничего. Но, честна

говоря, я предпочла бы умереть, как клоун, чем жить в ожидании того, когда какой-то козел внезапно решит быть подходящим для меня человеком. Можете написать это на моей надгробной плите. Хотя кого я обманываю, я планирую, чтоб меня кремировали и рассеяли прах в «Дисней Уорлд». Я записала это в своем завещании.

Что-то все это принимает мрачноватый оттенок.

Настраивая руль внутри полицейского автомобиля, я думаю о том, что, возможно, снова выйду на улицу и найду другой город, другую открытую вакансию. Возможно, я смогу, наконец, найти работу на полный рабочий день. Но в какой-то момент вам нужно расти. Так что, похоже, Арчи скоро станцует танго с удавом.

Бедный маленький мальчик.

— Привет, — этот сладкий голосочек может принадлежать только одному человеку. Я выхожу из машины и нахожу Амелию, которая смотрит на меня, вода носком кеды по сцене. Она получила свою толстовку с мышьиными ушками назад, это хорошо. Это делает меня счастливой. Я похлопываю землю рядом, и она садится.

— Тебе идут эти ушки, — говорю я, заставляя ее слегка улыбнуться. Но она все ещё смотрит в пол. Амелия хороший ребёнок, и она умна. Мы с Уиллом сделали все возможное, чтобы она не увидела масштаб наших отношений, но у некоторых людей отлично развита интуиция. Она знает, кто оставил донатсы с беконом в аудитории. Черт, она даже съела один вместе со мной. Нам пришлось держать это в тайне, но я никогда не видела, чтобы ребенок почти плакал о том, как замечателен бекон на вкус. Опять же, зная, как обстоят дела с ее матерью, не удивлюсь, если она не получает здоровой порции нитратов.

Но дело не в этом. Дело в том, что Амелия понимала, что происходит, даже если не знала наверняка. Она привыкла ждать со мной, пока ее папа придет за ней, и коротала время, ловя Покемонов и смотря на YouTube на людей, играющих в видеоигры. Клянусь, в наши дни дети любят такое. Было весело, но теперь между нами все не может быть так легко.

— Моя любимая толстовка, — говорит она, поглаживая ушки.

— Твой папа купил тебе еще одну? — дерьмо, я просто взяла и ненароком намекнула, что в курсе: кто-то, почему-то и как-то стащил у неё толстовку.

Но она только пожимает плечами.

— Это было в какой-то степени круто. Он приехал в каньон и угрожал парню, который ее украл! — ее глаза светятся, когда она рассказывает историю.

Оу. Мужчина, который припугнул придурка ради своей дочери... тот, с кем мне по разным причинам не стоило связываться.

— Что это был за парень? — даю ей пластинку клубничной жвачки, которая ей нравится. Она надувает пузырь, задумываясь.

— У него были, ну, такие длинные волосы, которые он завязал розовыми ленточками. Он утверждал, что в другой жизни моя мама была его духовным проводником, и он взял мою толстовку, чтобы почувствовать духовную сущность ее отношения ко мне. Но, думаю, ему просто понравились цвета, — говорит она.

Клянусь богом, надеюсь, Уиллу удастся вытащить ее из этой юрты.

— Так ты какое-то время поживёшь с папой? — спрашиваю я совершенно без интереса, с чего бы мне вообще интересоваться этим? Враньё.

Амелия надувает еще один пузырь, настолько большой, что ее глаза расширяются от изумления. Когда он лопается, и ей удается снять жвачку со щеки, она говорит:

— Он сейчас очень измотан. Это он так говорит. У него много чего происходит на работе. И не только на работе, — она смотрит на меня самыми большими, самыми печальными глазами в мире.

Господи, теперь я чувствую себя ничтожеством. *Ты должна оставаться сильной, Шел.*

— Ну, у взрослых часто бывает стресс, но потом все всегда становится хорошо, — улыбаюсь маленькой косметичке в ее руках. Она покрыта розовыми и фиолетовыми ромашками, потому что, конечно же. Это Амелия Монро. — Ты готова к своему звездному дебюту?

Амелия посылает мне улыбку, которая и добрая, и немного грустная.

— Мисс Шел, все в порядке, что я не стану звездой шоу. Папа пытался сказать мне, что я уже звезда, и все думают, что я расстроюсь, если не буду звездой. Знаете? Все нормально. Однажды, если я буду практиковаться, возможно, я на самом деле ей стану.

— Оу, — я даже и не знаю что сказать после такого, — это... очень мудрые слова, слова взрослого, Амелия.

Она качает головой, ее кудряшки подпрыгивают вверх-вниз.

— Люди всегда говорят, что это странно. Ну, понимаете, вести себя как взрослые. Ладно, мне лучше пойти переодеваться, — под влиянием минуты, она наклоняется и обнимает меня. Огни размываются вокруг меня, потому что мне что-то попало в глаза, точно, точно, не потому, что я на грани слез. Знаете, здесь вообще-то еще и пыльно.

Ребята все приготовились, заняли свои места, и надели костюмы. Затем, выполнив несколько упражнений, например, потягивание на носочках или пение, приходит время запустить шоу. Я сижу в задней части театра на одном из металлических складных стульев и смотрю на действие. Несмотря на все происходящие безобразия, я немного теряюсь в данный момент. Огни яркие, декорации свежеекрашенные, а дети (в основном) поют довольно слаженно. Когда Оливер просит больше чайного гриба в мастерской, я признаю, что это не то, что, возможно, имел в виду мистер Диккенс. Но когда он натывается на Ловкого плута, теперь быстрорастущего парня из Южного Лос-Анджелеса, я чувствую, что пьеса получила довольно неплохую новую жизнь.

И вот он, именно тот момент, когда весь этот стресс и нехватка денег стоят того: Когда вы видите, как все, хорошо проводя время, подпитываются энергией друг друга.

Если бы взрослые могли находить общий язык за десять минут, а группа гиперактивных детей уживаться в течение двух часов на сцене - во время пения - разумеется, мир мог бы быть не такой уж полной катастрофой. Конечно, часть причины, по которой это работает на сцене - сценарий, и все знают, что они должны делать. Что могло бы сработать в реальной жизни, если бы вы были готовы пойти на что-то вроде «Шоу Трумана», но в любом случае...

— Класс, — Эмери плюхается рядом со мной, убирая волосы с глаз, и кивает на сцену, — не знаю, как ты все это делаешь. И не понимаю, как тебе удалось сохранить песни китов в «Оливере», но ты это сделала.

Это правда, дети в настоящее время участвуют в, скажем так, оригинальной сценке о помощи касатке в неволе, чтобы она могла убежать на свободу в открытое море. Признаю, я украли сюжетную линию в «Освободите Вилли», но все это будет стоить того. В конце шоу двое детей, одетых в костюмы касатки, плывут по сцене, Оливер на спине кита направляется к острову Каталины и свободе.

Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, что мы, вероятно, не должны были втягивать сюда Чарльза Диккенса, поскольку он почти не имеет к этому никакого

отношения. Но вы знаете, что? Именно поэтому я и собираюсь протащить фляжку на вечер открытия.

Пока дети танцуют, а аккомпаниатор стучит по клавишам, Эмери наклоняется ближе.

— Обещай, что умеешь хранить тайны? — шепчет она мне на ухо.

— Неа.

— Хорошо, — и ухмыляется. — Я вроде как хочу, чтоб это разлетелось по всей школе.

— Прочищая горло для драматического акцента, она говорит: — Угадай, у кого вчера была помолвка на пляже Зума?

Каждая мышца в моем теле замирает. Каждый волосяной фолликул становится немного седым у корня. Это Уилл. Как это может быть Уилл? Почему бы Эмери быть такой садисткой, и *улыбаться*, рассказывая мне, что это был Уилл? Какое-то мгновение я ощущаю себя вне тела и задаюсь вопросом, может это какой-то большой сюрприз, и это я обручилась с Уиллом на пляже. Имею в виду, даже если я этого не помню, случилось много странного. Я думаю. Вероятно.

— Кто? — голос звучит как самый мягкий, хриплый шепот. Мой голос звучит как у совы, страдающей эмфиземой.

— Сюзанна Монро. Или стоит сказать Сюзанна Д'андри. По крайней мере, будущая, — Эмери играет бровями. Почти уверена, что из-за внетелесных переживаний, я полностью покинула свое тело, сдала его на AirBnB, и уехала из штата.

Моргая, мне удастся внятно произнести:

— Китокито?

— Я знаю это лишь потому что Даниэль с ресепшн разговаривала с Томи, помощницей в детском саду, и она разговаривала с дамой из кафетерия, Джеральдой. Дело в том, ты знаешь, что эта дама жила, ну типа как в юртской коммуне в Топанге или что-то в этом роде? Ну, понимаешь, даже учитывая, что здесь многие за здоровый образ жизни, это прям супер странно? Так вот, есть какой-то парень серфер, живущий там с ними, но он не, как бы это сказать, не в этой культуре, как другие. Его зовут Джейсон Д'Андри, ему двадцать лет, так что он лет на десять младше, и Джеральда сказала Томи, что, по-видимому, он и Сюзанна познакомились поближе на общинном костре. Там, где они сжигают все остатки своей прежней жизни. Наверное, незаконно, учитывая пожарный сезон, но эй, глупые люди должны продолжать делать свои глупости.

У меня кружится голова. Не буквально, как в фильме «Изгоняющий дьявола», хотя такое чувство, что это нечто вполне возможное.

— Откуда, черт возьми, Джеральда все это знает?

— Ее отец, Дженнифер, живет в коммуне.

Прекрати задавать вопросы. Жизнь становится все более странной.

— Так. Они. То есть. Уилл. Что ж. Он не, — найди слова, Шел, и сложи их вместе.

— Джеральда также сказала мне, что Сюзанна та, кто тянул с подписанием окончательных документов о разводе. Видимо, адвокат Уилла продолжал приходить в коммуну, но ей говорили, что она, например, разговаривает с козой или что-то такое. Козлиным духом, я имею в виду, не настоящим козлом, — Эмери хмурится, — Черт, надеюсь, они это имели в виду.

Я должна об этом подумать. Черт возьми, возможно ли, что я все поняла абсолютно неправильно? Уилл не тот, кто что-то скрывал о разводе, Сюзанна не отпускала его, пока не была готова, поэтому-то он и не хотел упоминать об этом. Потому что, кто захочет

рассказать такое тому, с кем встречается. «Слушай, моя бывшая живет в палатке, и она не принимает тот факт, что все кончено. Ты все еще хочешь заняться сексом сегодня вечером?» Трудно продать такой товар.

— У Сюзанны, наконец, появилась новая игрушка, так что теперь она отстала от него?

— Не удивлюсь, если она подпишет бумаги сегодня вечером. Она не производит впечатление человека, которого надо постоянно подгонять, понимаешь? — Эмери вытаскивает пакетик с сушеным васаби-горохом и протягивает мне. Я беру несколько штук, хотя едва могу чувствовать вкус.

Сюзанна подписывает документы и выходит замуж. Уилл не сохнет по ней или не пытается крутиться вокруг нее.

Думаю, я совершила огромную проклятую ошибку. Бросая какое-то объяснение и прося Эмери убедиться, что никто не упадет со сцены, я покидаю аудиторию и выхожу на улицу. В вечернем воздухе присутствует сладкий аромат цветущего жасмина, и ветер прохладный. Слава богу, больше нет горячих ночей Санта-Ана.

Я поднимаюсь и спускаюсь по тропинке, ведущей к административному зданию, пытаюсь переварить все услышанное. Может быть, я могу позвонить Уиллу и попросить его поговорить. Возможно, я могла бы объяснить ему про Даррена и рассказать, что мне нужно прекратить видеть во всех потенциально разведенных мужчинах потенциальных придурков. Возможно, для нас есть выход.

Но я останавливаюсь прямо у пруда спокойствия и чувствую, как опускаются мои плечи. Мой мозг уже закрыл эту возможность, потому что, кого я обманываю? Уилл будет совершенно свободным человеком с ребенком, о котором нужно заботиться. И я? Я возвращаюсь в бесплодные земли Монтаны, чтобы всю оставшуюся жизнь выступать на днях рождениях. Может быть, я встречу с красивым клоуном с родео, и у нас будет пять клоунских детей. Возможно, TLC начнет реалити-шоу о моей жизни. Может быть, я научусь радоваться этому.

В тот день, вместо того, чтобы сбежать, я могла бы поговорить с ним. А я этого не сделала, и после того, как все закончилось с последней женщиной в его жизни, у меня такое чувство, что Уилл будет не слишком-то рад снова вернуться к этому сумасшествию.

Пока дети все еще поют и танцуют в аудитории, я сижу на краю пруда и хочу лишь одного, побыть в тишине.

20

Шел

Бывают в жизни времена, когда разбивается сердце, и вы впадаете в депрессию. Бывают моменты, когда вы сидите в своих тренировочных штанах перед телевизором, смотрите марафон «Восставших из ада» и задаетесь вопросом, сколько шоколадного мороженого можете съесть до того, как кровавые вещи на экране заставят вас убрать тубу. Моя запись, кстати, на полпути. Я очень последовательна.

Но в то же время, марафон кино и штанов для тренировки, мороженого и огромной сердечной боли - не подходящие вещи для вечера открытия. Я стою за кулисами, выглядывая из-за занавеса, когда аудитория начинает заполняться. Блин, я знала, что родители в «Заливе сновидений» любят оказывать поддержку. Я просто не знала, что они пригласят настоящую

продюсерскую компанию, чтобы снимать спектакль. Рассматривая камеры, стоящие там, смеюсь предположить, что, когда все закончится, это будет нечто такое, что можно будет показать в IMAX.

Богатые люди живут не так как мы с вами.

— Мисс Шел! Как мы выглядим? — спрашивает девушка, играющая Оливера. Она и Ловкий Плут крутятся для меня в своих самых реалистичных, так и, в то же время, подходящих для семьи костюмах. Оливер оделся как заключенный, в сером халате и штанах, а у Доджерса самые неоновые штаны и роскошные кроссовки всех времен.

Ну, просто подождите, пока Оливер не выберется из мастерской. Именно тогда он станет модным созданием.

— Отлично! Руки в круг энергии, — я вытаскиваю руки и шевелю пальцами. Хихикая, дети присоединяются ко мне, мы покачиваемся быстрее и стучим ногами, пока, наконец, с громким криком, не освобождаем энергию, выбрасывая руки в воздух. Ребенок, играющий Плута, выглядит так, словно особенно нервничает. Она подпрыгивает вверх и вниз на носочках, наблюдая, как заполняется аудитория. Взгляд в ее глазах бесценен. Именно такой взгляд и заставляет людей на всю жизнь пристраститься к театру. Даже если они не становятся профессионалами, им это нравится. И они передают эту любовь окружающим.

Внезапно я ощущаю резкую боль, желая, чтобы у меня была возможность остаться и снова работать с этими детьми. Большинство из них очень талантливы, и даже те, у кого не очень много способностей, работают очень усердно. С тех пор, как мы начали, все стали справляться лучше. Если бы только я могла остаться, увидитесь, как они достигнут следующего уровня...

Но сегодня, слоняясь возле офиса Уиллоу, я сделала все возможное. Я притворилась, что случайно зашла в ее кабинет. Это была своего рода ситуация как в «50 оттенках серого», только вместо того, чтобы стать ее сабмиссив, я хотела, чтобы она дала мне постоянную должность. Хотя, если подчинение Уиллоу обеспечит мне постоянную работу, эй, она секси, и я не боюсь экспериментировать.

Я практически озвучила ей этот план, прежде чем решила еще поразмыслить. Хороший ход, потому что уверена, служба безопасности выпроводила бы меня с территории.

— Посмотрите! — за спиной раздается знакомый голос. Я поворачиваюсь и обнаруживаю, что Амелия, одетая как самая очаровательная сирота в мире, кружится в ожидании моего одобрения. Она единственная, кто хотел выглядеть так, словно на самом деле живет в викторианском Лондоне, и, поскольку детям разрешено самим выбрать себе костюм, я не собиралась с ней спорить. На ней коричневые брюки с подтяжками, куртка с заплатками и перчатки без пальцев. Испачкайте ее личико грязью, взъерошьте волосы, и у вас есть самый милый и голодный оборванец на все времена.

— Ты отлично выглядишь, — лучезарно улыбаюсь я, хотя моя улыбка слабеет, когда она вытаскивает что-то из своего кармана: ярко-красный резиновый клоунский нос. Ой. Это...

— Ничего, если я буду сироткой клоуном? Пожалуйста? Папа сказал, что клоуны отличные люди.

Если этого недостаточно, чтобы мое сердце остановилось, не уверена, что ему тогда еще надо. Хотя, когда занавес отъезжает в сторону и с нами в зал заходит Сюзанна, у меня появляется неплохая идея.

— О, э-ээ, родители сидят вот там, — я пытаюсь понять, как бы не повести себя нелепо, и, как обычно, практически каменею. Кроме того, я поражена очевидной трансформацией

Сюзанны. Когда я видела ее у Уилла, она выглядела безумной. Конечно, я не слишком-то хорошо рассмотрела ее, когда она пронеслась мимо него, крича о тарелках и толстовках. Но напряженность, которую я заметила на ее лице, полностью исчезла. Теперь ее лицо выглядит расслабленным, и то же самое касается ее позы. Впервые она действительно выглядит как земная мама-хиппи. А когда она тепло обнимает Амелию и целует ее грязную щечку, то подтверждает мысль, что она и вправду человек.

— У тебя все получится! Ни пуха, ни пера, милая.

— Спасибо! — Амелия улыбается, словно все нормально, и на долю секунды у меня появляется ужасающая мысль, что мы попали в чёрную дыру и теперь находимся в альтернативной вселенной, где Уилл и Сюзанна все еще счастливы вместе, и я, вероятно, дерганая пьянчужка.

Имею в виду, да, знаю, я дёрганная, но я ещё не пью.

— Послушай, хотела поговорить с тобой, — тихо говорит Сюзанна и берет меня за руку. Вот дерьмо. Она знает обо мне и Уилле? Игра окончена, она все знает. Мне крышка, она что-то задумала. Меня вот-вот прикончат.

Она делает глубокий вдох.

— Прости за то, как вела себя раньше.

— Я не спала с твоим бывшим, — одновременно говорю я. Сюзанна моргает.

— Что?

— Что? Я сказала — больше, говори больше.

У нее занимает примерно минуту прокрутить все в голове, и она продолжает:

— Думаю, когда мы впервые встретились, я повела себя с тобой как полная сучка. Например, сказала тебе, что ты толстая, беспокоилась о твоей коже. Пыталась заставить попробовать мои домашние рецепты, — она вздыхает, махнув рукой в воздухе, прежде чем вернуться к смертельной хватке на моей руке. — Со мной такое бывает, когда у меня шалют гормоны, понимаешь?

Не думаю, что все закончится тем, что она вцепится мне в волосы, пока мы будем бороться на глазах у детей и зрителей, так что я готова согласиться.

— Ты не была... То есть, на тебя столько всего навалилось.

Знаю, было бы разумно вести себя так, словно она не была бешеной стервой, но я не верю в ложь. Когда вы растете, буквально каждый день рисуя улыбку на собственном лице, вырастая, вы стремитесь к абсолютной честности. Только если вы не пытаетесь лгать, чтобы сохранить свою работу. В этом случае, все нормально.

Я начинаю терять мысль. Последнее время со мной такое случается сплошь и рядом.

— Теперь с этим покончено. Больше я не буду доставать тебя, своего бывшего, и своего же ребенка. Боже мой, знаешь, так приятно говорить такое? Мой гуру сказал мне, что это будет словно сотворение чуда, преодоление мостов между мной и людьми, которых я обидела. По крайней мере, думаю, она сказала именно это. Я не говорю на кантонском диалекте китайского.

Я, наконец, смотрю на ее руку и замечаю на ее безымянном пальце большой кусок непонятно чего.

— Красивое кольцо, — говорю я, надеясь, что это все же кольцо. Сюзанна улыбается.

— Разве оно не удивительное? Его сделал мой жених, — она подносит руку к лицу, как бы обращая мое внимание на шикарное украшение. Только вместо бриллианта на ободке из платины, на ее пальце кольцо, сделанное из веревки, и к нему прикреплено нечто, похожее

на пробку от бутылки. Ах вот оно что. Вот как выглядят предметы роскоши. По крайней мере, Сюзанна упомянула жениха, поэтому я могу выглядеть шокированной и любопытной.

— Ой! Поздравляю. Когда свадьба? — *когда ты официально отстанешь от своего чертовски сексуального бывшего мужа, чтобы я могла возжелать его издалека?* Может быть, мне следует позволить себе хотя бы это.

— На следующей неделе. Мы поедem в Джóшуа-Три, чтобы пустыня могла дать нам свое благословение, — обыденно говорит она. — Как только я закончу с кое-какими официальными документами. Я так плохо разбираюсь в бумагах. Думаю, это относится ко всем одухотворенным людям.

Пока она не пользуется Уиллом в духовном смысле для оплаты адвоката, все в порядке. И тут происходит нечто, что пугает меня до чертиков. Сюзанна крепко обнимает меня, прижимая к своему подтянутому и несправедливо стройному телу. Боже, обнимать ее, это как обнимать вешалку с небольшими округлостями. Хочу сказать, это гораздо приятнее, чем прозвучало, клянусь.

— Маленькая птичка сказала мне, что ты и мой бывший вместе работали над этой постановкой. Она говорит, что ее отец был самым собой, и все из-за тебя.

И это та часть, где я заканчиваю с ножом в спине, и начинается страшная тайна убийства. «Сказка о трупe замещающего театрального учителя»: Тайна Амелии Монро».

К счастью, ничего такого не происходит. Сюзанна отстраняется и подмигивает мне.

— Возможно, ему нужно больше подобного в жизни. Уверена, ему это на пользу, — с этими словами она уходит, возвращаясь на территорию родителей. А я остаюсь там, задаваясь вопросом, в курсе ли она, что у нас была связь. Я скажу «да», просто потому, что хотела бы почувствовать, что она дает свое благословение. Не то, чтобы здесь оно было нужно. Не похоже, что мы с Уиллом когда-нибудь увидимся. После сегодняшнего вечера мне нужно собрать вещи, запереть двери, бросить Арчи в машину и отправиться обратно туда, где, черт возьми, сейчас стоит трейлер. Кроме того, Уилл будет свободен. Как я и говорила. Свободен, чтобы встречаться с кем угодно. Спать с большинством из них. Жениться на одной из них. Возможно, на двух, если не сможет выбрать.

— Мисс Шел, — чувствую хватку на своем рукаве, и это Фэгин смотрит на меня. Мы изменили персонаж на чокнутого социального работника, и она отлично выглядит в очках «Варби Паркер» и старомодном парике. Она хмурится. — Говорят, шоу скоро начнется.

Правильно. Если уж уходить, то с песней. Я собираю маленьких актеров за кулисами, все они дергаются, нервничают и хихикают, пытаюсь пригладить свои парики и проверить на месте ли вставные зубы. Не знаю, почему у некоторых из них вампирские клыки. Может быть, мне стоило принимать больше участия в выборе их костюмов.

— Давайте выйдем и покажем им лучшее шоу, которое они видели, — я вытягиваю руку вперед, и все следуют моему примеру. Убедившись, что я смотрю в глаза всем, добавляю: — Но что бы ни случилось, убедитесь, что это самое забавное шоу, которое у нас было. Ясные глаза и бесстрашные сердца не могут проиграть.

Плевать мне, что я украла это из «Огни ночной пятницы», эта франшиза - достояние Америки, и она работает. Дети оживляются, выбрасывая руки в воздух. Я проскальзываю за кулисы, показывая помощнику, что все хорошо. Затем, когда они все готовые стоят на своих местах, и свет гаснет, я выхожу из-за кулис и иду в зал.

Не поверите, сколько здесь сегодня народу. Здесь Бейонсе и Джей-Зи, предположительно ради племянницы, кузена или кого-то ещё из родственников. Тут же и

Спилберг, думаю, он чей-то дедушка или нечто подобное. И, конечно же, директор, мисс Литтлтон, и Уиллоу здесь. На них обеих их лучшие бусы из деревянных бусинок и настоящие гардении в волосах. Ну, по крайней мере, этот Оливер будет для них достаточно социально-ответственным и сознательным.

Здесь лишь богатые и знаменитые, и я просто собираюсь пробраться в уголок и посмотреть своё великое произведение, как простое, маленькое существо, которым, по сути, я и являюсь. За исключением того, что, когда я направляюсь в сторону, я чувствую чей-то взгляд.

Это Уилл. На нем темно-синий костюм, и у него в руке очень дорогая видеокамера. Я понимаю, что мне очень нравится тот факт, что он не участвует в этой кинофеерии, где он нанимает оператора, номинированного на «Оскар», чтобы справиться с этим. Сделай все сам - мой любимый тип людей.

Удалить. Думаю, Уилл Монро мой любимый тип человека. Но я больше не могу так думать. Тем не менее, когда я пытаюсь просто пройти мимо него, осознаю, что мне хочется наброситься на него. Очень хитро, да.

Взмахом руки он пытается позвать меня. *Ох, парень.* Не надо так делать. Но я не хочу быть грубой, и, если это последний раз, когда мы видим друг друга, я хочу, чтобы это было нежное прощание. Только представьте, я машу ему белым носовым платочком, когда сажусь в машину и уезжаю, всего лишь с миллионом шарфов, собакой-мутантом и несколькими дешевыми лампами на заднем сиденье. Я хочу, чтобы он посмотрел на меня и подумал «вау, это женщина, с которой я занимался сексом». Уверена, так и будет.

Ладно, я спокойно подхожу к нему и сажусь рядом. Боже, от него исходит аромат сосны и свежего мыла, темные волосы идеально взъерошены, челюсть выглядит более твердой, чем когда-либо. Я перейду все границы, если просто вцеплюсь в него и никогда не отпущу?

Его прекрасный рот открывается, и он говорит:

— А здесь прилично народу.

Это не совсем: *ты выглядишь восхитительно, и, когда все закончится, я хочу заняться с тобой любовью у стены*, но я возьму то, что могу.

— Собралась довольно приличная публика, да, — дерьмо, его брови поднимаются. Он думает, что я делаю ему комплимент, и он не понимает, что я хочу похвалить его, но я этого еще не сделала, потому что, насколько это было бы странно? Поэтому я с благодарностью добавляю: — Публика могла бы быть и получше. Ну, знаешь. Если у толпы появятся идеи.

Его глаза, кажется, темнеют, ну это потому что погас свет. Скоро начнется шоу. Он быстро кивает, затем стойко смотрит вперед. Я замечаю на сидении рядом с ним букет фиолетовых и желтых маргариток. Сюзанна сидит не с ним; Я вижу ее на другой стороне зала, сжимающую руку кого-то, кто выглядит супер накачанным и супер молодым. А также, когда они смотрят друг другу в глаза, супер влюбленным.

Интересно, что Уилл чувствует по этому поводу. Но я не могу задать ему этот вопрос. На самом деле, мне нужно продолжать неуклюже пробираться к задней части зала и смотреть этот шедевр. Я встаю и быстро шепчу:

— Я, э-э-э, увижу тебя после.

Он один раз кивает, уклончиво. Отлично. Просто замечательно. Я пробираюсь назад с горящими щеками, и колючие слезы образуются в уголках глаз. Затем скрещиваю руки и слабо улыбаюсь, когда Эмери встает рядом и смотрит, как начинается действие.

Мы позволили себе немало вольности с этим детищем, но даже я должна признать, что

получилось неплохо. Оливер появляется в скромной мастерской, спрашивая о комбуче, а затем следующее, что вы видите, мы в современном Лос-Анджелесе. С китами. Я... Я никогда не понимала, причем здесь аквариум, но все они хотели этого, поэтому мне пришлось сдаться.

Главная песня Оливера «Где любовь?» в нашей постановке остается неизменной, и, поскольку это одна из моих любимых песен, я рада. Билл Сайкс, громовой монстр, который в оригинале Диккенса кончает тем, что убивает бедную Нэнси, теперь ужасный подрядчик, который хочет уничтожить окрестности и построить дуплексы. Нэнси сейчас не проститутка, а скорее экологический активист. И вместо Билла, избивающего ее до смерти, они участвуют в некоторых боях с самурайскими мечами, которые заканчиваются победой Нэнси. Опять же, не уверена, как мы впихнули все это в «Оливера Твиста», но мы это сделали.

Кроме того, как я уже говорила, Оливер заканчивает спектакль, уплывая на спине кита к более зеленым пастбищам или островам. А Фейгин усыновляет Плути, и они соглашаются, что время от времени могут навещать Оливера на Каталине. Так. Полагаю, это счастливый конец.

Всякий раз, когда Амелия в хоре, мои глаза непреднамеренно находят ее. Не думаю, что видела когда-то, чтобы ребенок с такой маленькой ролью так сильно веселился. Она действительно сияет, и я чувствую, что, если она будет упорно трудиться над прослушиванием и отточит свое мастерство, она может сыграть главную роль. Она может получить несколько ролей.

Но меня не будет здесь, чтобы поработать с ней над этим, потому что я буду в дороге, я буду далеко от нее и всех остальных присутствующих здесь. В том числе, я неохотно признаюсь, когда смотрю на его великолепный затылок, и от Уилла. Я буду слишком сильно скучать по нему.

Возможно, я никогда не смогу пережить это.

Так что когда актеры кланяются, и зрители поднимаются на ноги, чтобы поприветствовать свое потомство, я беру органический платок у Эмери. Она все равно знает, что я плачу по ночам, а на этот раз для слез есть еще одна причина.

Когда занавес опускается и зажигается свет, я должна спешить за кулисы, чтобы поздравить всех моих замечательных актеров. Быстро прохожу мимо Уилла, так чтобы у меня не было соблазна остаться и поговорить, потому что все может стать лишь хуже. В ночь премьеры нам нужны лишь слезы счастья.

21

Шел

Мне нравится, как взволнованы дети по поводу своего большого дебюта. Я получаю массу объятий от людей, обеспокоенно скачущих вверх-вниз. Но чего я не ожидаю, когда мы выходим из-за кулис к родителям, так это того, насколько постановка понравилась всем. Серьезно, я ставила шоу от Орегона до Мэна, Миннесоты до юга Техаса, и у меня никогда не было столько восторга от такого количества взрослых.

— Знаете, никогда бы не подумала, что кульминация Оливера Твиста будет на крыше Башни Банка США, — удивляется один из родителей. Она закуталась в какую-то пашмину.

стоит, уже поедая виноград и попивая дорогое вино со столиков у входа. Сжимает мое плечо, и на кольцах, охватывающих каждый из ее пальцев, сияет достаточное количество дорогих камней, на стоимость которых можно профинансировать еще десяток постановок. — Вы сделали детям просто огромный подарок. Моя Аделина все продолжает рассказывать о том, как сильно ей нравится играть. Думаю через несколько лет, когда она будет специализироваться на театральном искусстве в колледже, я буду злиться на вас.

Она смеется, и я смеюсь, но у меня такое чувство, будто она говорит серьезно, и я бочком пробираюсь обратно на вечеринку. Бейонсе обнимает меня, и это становится кульминацией моей жизни. Все, что было раньше, было необдуманное и преждевременное, а все после будет иметь привкус разочарования. Пока я тараторю и пытаюсь пожать руки стольким людям, скольким могу, и при этом не сойти с ума, ко мне подходит Сюзанна. Она нависает над Д'Андри, который, как я теперь вижу, ниже ее на пол головы, да еще и моложе. Опять же, парень накачанный, загорелый и его волосы белые-пребелые, поэтому я понимаю, что до всего остального ей нет дела.

— Амелия сыграла блестяще, — восторгается Сюзанна, сильнее сжимая своего мужчину. Тем временем Д'Андри смотрит на неё так, словно нашёл величайшее сокровище в жизни. Или поймал идеальную волну. Или как там это называют профессиональные серферы, когда речь идёт о любви. — Ты сделала ее такой счастливой. Спасибо тебе.

Ой, да ерунда! Поскольку я вроде как скромница, то рассуждаю о том, как в принципе великолепны все дети, и тут ощущаю чьё-то присутствие позади меня. Сексуальное присутствие. Вид присутствия, который вы хотите спрятать и хранить в своем вибраторе, для исключительных нужд. Меня бросает в холод от этой идеи, и я смутно понимаю, о чем я только что подумала.

Уилл. Уилл стоит позади меня. Я понимаю это, и вижу, что они с Сюзанной реагируют друг на друга как адекватные, здоровые люди.

— Наша малышка невероятна, — говорит Уилл своей бывшей, пока они совершенно равнодушно улыбаются друг другу. Они дружелюбны, и все. Может быть, я не видела это, когда между ними все еще существовали ужасные противоречия, но вижу сейчас - они закончили. Все кончено. Никаких возвратов. Если бы я не была так одержима своими старыми ошибками, то возможно могла бы и увидеть, насколько эти отношения отличаются от того, что было в моем прошлом.

Мое сердце глухо стучит, когда Уилл и Сюзанна разделяются, чтобы она могла найти Амелию. Теперь есть только он и я, стоящие здесь в окружении знаменитостей и богачей, моего босса, и вообще всей публики, перед которыми мне не стоит рыдать. Обязательно сообщу вам, насколько успешно справляюсь с этим.

— Прекрасные цветы, — говорю я, отмечая букет в его руках. — Амелии он понравится, — Уилл берет свёрток и вынимает оттуда что-то поменьше.

Одну красную розу.

На языке цветов, это можно грубо интерпретировать как: я хочу заняться сексом.

Все мое тело словно замерзает, затем плавится, а затем переходит в твёрдое состояние. Не задавайте лишних вопросов, мое понимание физики совершенно.

— Ой, — все, что я додумываюсь сказать, когда Уилл вручает ее мне. Быстро нюхаю ее, просто чтобы убедиться, что это не шоколад или что-то такое, что я должна развернуть прямо сейчас и слопать. Она очень ароматная и красивая. Идеальная.

Как Уилл. Или гель для душа Уилла. Боже, он смотрит прямо на меня и, вероятно, ждет

логического ответа. Касаясь розой кончика подбородка, я добавляю:

— Она великолепна. Спасибо. Я должна переехать в Монтану.

Сохраняй. Спокойствие.

— Дай мне пять минут, — его единственный ответ. Смотрит на дверь. — Встретимся на улице?

Если он попросит меня сбежать вместе с ним и заняться безумным страстным сексом и/или ограбить банк, я соглашусь. Эта роза скрепит наши узы Бонни и Клайда. Я отступаю, наблюдая, как лицо Уилла загорается, когда Амелия бросается на него. Он обнимает ее, поднимая вверх, и кружит вокруг, смеясь, когда она рассказывает ему то, что, вероятно, одновременно и восхитительно и весело. Сюзанна и Д'Андри смотрят на отца с дочерью, на их лицах блаженные улыбки.

Что ж, по крайней мере, развод Монро проходит гладко. Для Амелии это хорошо.

Я оказываюсь вне зрительного зала, ходя взад-вперед и говоря спасибо людям, когда они выходят за руку с детьми. Дети держат букеты цветов и мешки с конфетами, и поют песни из шоу. Ах, как хорошо быть ребенком. Не нужно беспокоиться о выплате студенческих займов, поиске работы или скором тридцатилетии. И только смотреть видео Пьюдипай на Youtube. И по-настоящему чувствовать себя живым.

— Шел, — этот сильный, властный голос рядом со мной, и он принадлежит сильному, властному мужчине. Сдается мне «сильный и властный» должно стоять прямо под именем Уилла на визитках. Извините, что-то я отвлеклась. Я так делаю, когда знаю, что буду безумно счастливой или катастрофически грустной. Такой вот инстинкт.

— Тебе понравилось шоу? — я иду с ним за угол здания, так чтобы никто не смог увидеть, насколько я действительно взволнована. Уилл опирается плечом о стену и смотрит на меня своими мерцающими серыми глазами. И выражение, которое я читаю в них... беспокойство.

Когда вы дарите людям красные розы, вы ощущаете беспокойство? Черт, может, я что-то напутала с языком цветов. Не мудрено, это было бы не первое, с чем я напутала.

— Шел, — повторяет он. Я могла бы каждый день слушать, как он произносит этими губами мое имя. Я бы так же могла использовать его рот для многих частей тела, но вслух произносить это как-то страшновато, так что я молчу. Ну, почти.

— Уилл, — вот они мы, играем в игру «скажи мое имя, скажи мое имя»²². Ещё парочка раундов, и мы можем назвать это разговором. Давайте надеяться.

— Шоу было невероятным, — наконец, говорит он. Широкая, блестящая улыбка появляется на лице. Боже, как же я по ней скучала. Я и не понимала, как сильно скучала по ней.

— Спасибо, — говорю я, немного затаив дыхание. — Дети сами сделали всю работу. Я просто направляла их. И разукрасила декорации. И установила свет.

— Знаю. Я был там, — затем он подходит ближе, расстояние между нами сокращается до нескольких дюймов. Когда он берет меня за руку, и пальцы скользят по тонкой коже моего запястья, я чувствую, как во рту становится сухо, словно в пустыне. — Сожалею о том, что ты видела в тот день.

— Мне жаль, — говорю я мгновенно. Не думаю, что могу продолжать смотреть на его великолепное лицо, поэтому изучаю собственные туфли. Самые милые туфельки, которые предложили Payless²³, — я должна была остаться и поговорить. Я испугалась и убежала, и это было неправильно.

— Как ты сейчас себя чувствуешь? — тихо спрашивает он, все еще осторожничая. Это в нем говорит биржевой маклер, вероятно, та часть, которая не хочет идти ва-банк, пока не узнает, что это сработает. Подняв глаза, я встречаю его взгляд.

Затем мягко и нежно говорю:

— Монтана.

Господи, так держать, девочка.

Уилл хмурится.

— Что?

— Я имела в виду, лучше. Лучше. Теперь мне стало лучше, когда я поговорила с Сюзанной. Ее новый жених довольно... симпатичный. Гораздо моложе. Но я думаю, что это, вероятно, хорошо для нее, — я лепечу? Почти наверняка. Я в этом хороша.

— Мне он нравится. Он хорошо ладит с Амелией, поэтому, конечно, он мне нравится, — Уилл приподнимает мой подбородок. Затем немного наклоняется, так что его губы просто прижимаются к моим, когда говорит: — Теперь развод продвигается ускоренными темпами. Завтра мы подпишем последние документы. Пойдем к моим адвокатам, чтобы сделать это.

Вот и все. Он будет абсолютно свободен.

— Что будешь делать со всем этим освободившемся от суда временем? — насторожено спрашиваю я.

Он улыбается напротив моих губ и произносит:

— Вот это, — а затем целует меня.

Все так же, как и раньше, вулканический жар. В ту секунду, когда наши губы соприкасаются, я теряю себя в ощущениях его тела. Мои руки обнимают его шею, и я наслаждаюсь вкусом и прикосновением. Мои ноги отрываются от земли, когда он поднимает меня, и я не возражаю, если в ближайшее время он не планирует ставить меня на место. Или вообще когда-то. Никогда - самое подходящее время.

Вместе с жаром, растет поток нежности. Он нежно придерживает мой затылок, когда опускает меня на землю, так что я касаюсь земли лишь кончиками пальцев. Его другая рука тянется вниз по моей спине, удерживая меня так сильно, что я практически сливаюсь с ним. И мои изгибы. Ну, он не очень большой джентльмен, чтобы не исследовать их.

И мне это очень даже нравится.

— Что ты думаешь? — шепчет он, и его губы теперь в нескольких дюймах от меня. Я бы не хотела ничего, кроме как вскарабкаться на него, как на сексуальную гору, обнять и снова поцеловать. И хотела бы продолжить исследование. Но мой желудок падает, когда я отступаю, создавая достаточное расстояние, чтобы не потерять разум под влиянием гормонов.

— Я вот-вот потеряю работу, — у меня немного кружится голова, но я снова стою на земле. Полагаю, это хорошо. Может быть.

— Знаю, — Уилл сжимает челюсть, она такая сильная и квадратная, что вы, вероятно, могли бы резать ей бриллианты. Что совершенно не облегчает принятие этого решения. — Знаешь, в Лос-Анджелесе есть и другие школы. Говорят, даже в долине могут быть места, — он качает головой, словно рассказывает про какую-то мифическую страну Шангри-Ла. — Но кто, черт возьми, знает, правда ли это?

— Шерман-Оукс? То тайна страшная, что шепотом из уст в уста передается²⁴, — бесстрастно говорю я. Уилл смеется, улыбка, появляется на его лице. Боже, трудно сказать

«нет» этой улыбке. Эти губам. Зубам. Молярам. Дёснам. Ладно, может, мне нужно немного отступить. Слишком близко. — Дело не только в том, что я больше не могу платить за аренду. Уилл, ты, возможно, и не заметил этого, но я немного эмоционально... не здесь?

— Имеешь в виду, не определилась?

— Больше похоже на то, что выбора нет. Мои эмоции все еще находятся на стадии куколки. Потом они выйдут со сказочными крыльями бабочек, фиолетовые и ярко-желтые, и, может быть, они улетят от меня, — ничего из этого не имеет смысла. Не важно. Продолжаю. — Когда все стало выглядеть плохо, я не стала задерживаться. Я сбежала.

— Но ведь ты не была сама по себе в отделе плохих решений, — добавляет он. Затем подходит ближе, его мужественный аромат сосны накрывает меня.

Это похоже на желание заняться сексом с лесом. Кто знал, что это фетиш?

— Мне следовало яснее обрисовать ситуацию с Сюзанной.

Ой, да кого я обманываю? Он прав, и мы должны начать праздновать. Быстро моргаю.

Нет. Сфокусируйся. Будь честной, Шел.

— У меня есть багаж. В машине, очевидно потому, что я никогда ничего не распаковываю, но также личный. У тебя есть Амелия. У нее уже и так много потрясений. Ты действительно думаешь, что будет правильно привносить мое безумие в ее жизнь?

Уилл прерывается. Дерьмо. Вижу, как колёсики вращаются у него в голове, пока он обдумывается все это, и мое сердце падает. Знаю, я сделала неправильную вещь, или, может быть, правильную. Я напомнила ему, что, в первую очередь, он отец, и что обхаживание учителя его дочери не есть способ укрепить стабильность.

— Амелия порой вела себя не лучшим образом, когда ты вошла в ее жизнь, — наконец, говорит он. И продолжает подходить ко мне, прижимая меня к стене. Неплохое место, как раз все можно обсудить. — Я знал, развод начал влиять на нее. Когда ты появилась, заставила ее смеяться, дала ей отдушину, она расцвела. Мне было не достучаться до нее, как и Сюзанне. А ты, ты снова сделала моего ребенка счастливым, — он кладет руку мне на щеку, пальцы перебирают мои волосы. Большой палец проводит нежную, опьяняющую дорожку по моей шее. — Думаю, ты лучшее, что может случиться с моей дочкой, — его другая рука скользит по моей спине, и я позволяю себе прикоснуться к нему. Он смотрит на меня, похоть, потребность, и небольшой страх мерцают в его глазах. — Если ты не хочешь связываться с разведенным мужчиной с ребенком, не стану тебя винить. Но хоть на одну чертову секунду, перестань волноваться обо мне. Подумай о том, чего хочешь ты. Открытой дороги? Или меня. — Он делает паузу, словно обдумывая сказанное, и исправляется. — Нас.

Нас. Это дикое, замечательное и пугающее слово. Оно освещает все внутри меня, посылая энергию, пробивающуюся через мой кровоток, воспаляя мои нервные окончания. Я не биолог, но уверена, именно это и происходит. Суть в том, что помимо всего прочего, это единственное слово, которое мне нужно было услышать.

— Ты не возражаешь против клоуна в семье? — снова встаю на носочки - черт, этот мужчина высокий - и скольжу руками по его груди, чтобы обнять его за шею. Он наклоняется, улыбаясь у моего рта.

— Прежде в моей жизни было слишком много клоунов. А ты, по крайней мере, заставляешь меня смеяться.

— Сексуальное качество, как мне говорили.

— Самое сексуальное, — затем его рот снова накрывает мой, и я потеряна. Его язык слегка ударяет по моему, и я издаю стон, пробуя его на вкус. Осыпая поцелуями его

подбородок, я наслаждаюсь рыком удовольствия, вырывающимся из него. Что бы ни случилось, мы сможем справиться с этим вместе. Теперь я в это верю. Хорошо, когда есть во что верить.

— Кроме того, Амелия всегда хотела научиться жонглировать, — шепчет он мне на ухо. Боже, хотела б я уметь смеяться мило и сексуальность, но эй, по крайней мере, Уилл, похоже, не возражает.

— К слову о будущем жонглере, мы должны вернуться. Амелия будет переживать, куда все подевались, — говорю я, когда, наконец, освобождаюсь. Перед тем, как Уилл удалится с губной помадой, размазанной по всему лицу, я хватаю свой бумажный платочек из органической ткани и помогаю ему привести себя в порядок. Видите? В конце концов, эти паршивцы пригодились.

Так как меня все равно здесь никто не оставит, мы возвращаемся в зал в обнимку. Нет смысла больше скрываться. Пока Бейонсе, Джей-Зи. Прощай Спилберг. Теперь время шоу Уилла и Шел, и нам не нужно ваше одобрение.

— Шел. Это что такое? — спрашивает Уиллоу, когда предстает перед нами в облаке сандалового дерева и цитрусовых. Она одета в то, что, по всей видимости, является длинным хлопчатобумажным платьем в обтяжку, с бирюзовыми бусинами, болтающимися на запястьях. Оглядывает нас, как нечто тревожное. Ну и что? Я взрослая женщина с работающими отношениями и хорошо принятым мюзиклом для начальной школы. Ничто не может остановить меня сейчас.

— Мы шли назад, чтобы забрать Амелию, — сжимаю талию Уилла сильнее, и он отвечает мне тем же.

Брови Уиллоу поднимаются.

— Ах. Хорошо, я хотела поговорить с тобой о возможности остаться в «Заливе Сновидений».

Ой. Ну, в таком случае, может быть, мне стоит принять более профессиональную позу, например, не цепляться за родителя ребенка. Мне удастся оторваться от Уилла, только на мгновение.

— Оу? — почему это вышло как писк? Почему я не могу звучать круто?

— У меня только что был разговор с директором. Мы разделили чашку чая лотоса, и нам все еще нужно поработать с астролябием, чтобы определить твою зарплату, — она усмехается над этим, словно это именно то, что нормальные люди говорят друг другу. Опять же, что, черт возьми, я знаю о нормальном? — Но мы оба согласились, что ты проделала исключительную работу. Дети, кажется, любят тебя, и мы уже популярны в Твиттере! — она показывает мне свой телефон в чехле с деревянными панелями.

Разумеется, Бейонсе твитнула, и мы взлетели на три тысячи твитов. Любая гласность хороша, и это отлично.

— Святое дерьмо, — Уилл выглядит удивлённым. Он даже берет у меня телефон, чтобы прокрутить упоминания, пока Уиллоу продолжает:

— Поэтому мы хотели бы обсудить постоянное место. Если ты чувствуешь, что хочешь этого? — Уиллоу хмурится. — Мы не хотим никакого духовного вытеснения.

Леди, вы можете переместить мой дух и выбросить всю мебель на улицу, если именно это нужно, чтобы остаться в этом городе.

— О, я бы этого хотела. Я бы с удовольствием осталась, — ощущаю готовность спуститься по ступенькам, подойти к пруду умиротворения и поплавать в нем обнаженной.

И тут моя бодрость становится немного мокрой. Хех, мокрой. Поняли? Пруд и тому подобное. Без разницы. Приведет ли это к конфликту с Уиллом? Потому что я чувствую, как он смотрит на меня, в тот же момент, когда сама осознаю это. Словно мы общаемся на каком-то духовном уровне. Секс творит с людьми подобное, ну как мне говорили.

Уиллоу улыбается.

— Нам так же необходимо поговорить о личных взаимоотношениях, — выдаёт она.

Оу, блин.

Но Уилл выходит вперёд до того, как я успеваю что-то сказать.

— Не думаю, что упоминал, насколько чудесно эта школа подходит для моей дочери, — заявляет он, посылая Уиллоу определённую улыбку. Ту, которая заставляет ваши колени слабеть, но не воспаляет трусики. Она, эта улыбка, очень хорошо откалибрована. — Я подумывал о том, чтобы сделать благотворительное пожертвование... здесь нужно что-то починить?

— Конюшни, — лицо Уиллоу смягчается, когда она думает об этом. — Мы хотим показать детям, какой это дар - ухаживать за лошадьми и никогда не кататься на них. Седла - это притеснение.

— Необходимо думать о лошадях без седел, — Уилл кивает. — Просто дайте знать, что решите.

Боже правый, он покупает наши отношения. Это было бы слегка сомнительно, если бы не было настолько горячо. И то, и другое. Уиллоу поджимает губы, когда все ясно понимает, но затем усмехается.

— В таком случае считаю, что до тех пор, пока межличностные отношения не мешают детям, нам не нужно беспокоиться.

Уиллоу, а ты хитрая лиса.

— Рад это слышать.

— Мы не принимаем личные чеки.

— Завтра утром свяжусь с банком, — улыбается в ответ Уилл, и она уходит.

— Лучше бы этому стоить такой суммы, — произношу я, все ещё не веря в произошедшее.

Уилл улыбается мне, опасной улыбкой. Ага. Трусики официально воспламенились.

— У меня такое чувство, что так и будет, — снова обнимает меня, и мы возвращаемся в зал.

Амелия держит в руках два букета, один от Уилла, второй от Сюзанны. Она переделалась в свою обычную одежду, хотя клоунский нос ещё не сняла. Эй, если она чувствует, что это ее призвание, нам многое нужно будет обсудить.

Когда Амелия видит, что ее отец идет со мной, явно выглядящий влюблённым, она подпрыгивает в воздухе и визжит. Затем бежит к нам и сбивает меня с ног, отбрасывая прямо на землю. Если вы хотите узнать, что такое самая сладкая боль, попросите десятилетку обнять вас так сильно, что в итоге окажетесь на бетоне. Это поможет вам понять, что такое по-настоящему лучшие вещи в жизни.

— Ну что, вы двое все выяснили? — спрашивает Сюзанна Уилла. И выглядит очень довольной ситуацией. Впервые за, кажется, довольно долгое время я вздыхаю с облегчением.

— Чем хочешь заняться теперь? — спрашиваю я у Амелии, пока помогаю нам обеим подняться. — В конце концов, это твой вечер.

Она хмурится, глубоко задумавшись. Затем ее глаза загораются.

— Пирог!

Черт, что на это скажет Сюзанна?

Все взгляды обращены на неё, даже Д'Андри. Он потирает плечи, чётко осознавая, что именно здесь поставлено на карту. Выражение радости сходит с ее лица, и рот кривится.

Вот дерьмо. Она ведь не собирается вопить о вегетарианстве?

И тут, как по волшебству, ее лицо проясняется.

— Звучит хорошо. Можешь привезти ее домой к одиннадцати? — спрашивает она Уилла.

Пирог! Сюзанна разрешила нам съесть пирог! Это словно солнце, вырывающееся из-за облаков, только более вкусное.

— Будет сделано. Увидимся позже, — говорит он, дружески кивнув. Когда Сюзанна и ее будущий муж возвращаются к своей машине, Амелия прыгает в объятия Уилла

— Хочу с яблоком, — заявляет она. Я забираю ее косметичку, и мы отправляемся на улицу.

Эта малышка поистине завладела моим сердцем.

22

Уилл

Никогда не любил наблюдать за тем, как женщина много ест. Если подумать, я никогда и не видел, чтобы женщина так много ела. Шел учит Амелию, как наслаждаться яблочным пирогом, и это зрелище поистине прекрасно. Мой ребенок со следами ванильного мороженого на носу хихикает, болтая ногами взад-вперед на кожаном стуле. Эти двое уже отлично проводят время без меня, так оно и должно быть. Шел отводит волосы с лица так, чтобы взять очень большой кусок пирога с вилки.

Боже, смотреть на то, как эта женщина ест, чертовски возбуждает.

Тем не менее, когда рядом Амелия, мне стоит следить за степенью своего возбуждения. Позже у нас будет много времени на развлечения для взрослых.

— Мама говорит, что завтра они с Джейсоном отправятся в Лас-Вегас! — Амелия похоже, не удивлена внезапным браком Сюзанны, и слава богу. Хотя я никогда не думал, что Сюз - девушка в стиле Вегаса. Мы поженились в Биг-Сур, потому что А) это было недалеко от ее родителей, Б) она была слишком беременна Амелией, чтобы лететь, и С), если бы мы еще раз отложили свадьбу, ее папа, в прямом смысле слова, вытащил бы свой дробовик из грузовика.

Опять же, может быть, она была бы девочкой в стиле Вегас, если бы здесь не было замешано ружье. Может быть, она наконец-то получила то, чего хотела, и так, как именно хотела. И я рад за нее.

Потому что наличие Шел в моей жизни помогает мне понять, какими на самом деле должны быть отношения. Горячий секс, о да. Черт, больше, чем да, безусловно. Но думаю, она понимает меня, как бы сентиментально это не звучало. И да, полагаю, я тоже ее понимаю.

Поэтому передаю ей салфетку, прежде чем она накрошит пирог на себя. Моя женщина.

— Мама говорит, что может забросить меня завтра утром. Она хочет, чтобы я помогла ей собрать юрту, — Амелия сообщает об этом с явным вздохом облегчения. Если и есть

причина, чтобы по-братски обнять Д'андри, так это за то, что он убедил Сюзанну перебраться из каньона в его пляжный домик рядом с Санта-Моникой. Что хорошо для моих поездок к Амелии и поездок Амелии ко мне.

Шел берет телефон и начинает листать фотографии шоу с Амелией.

— Мне понравилось, как ты выглядела во время номера протеста, — Шел указывает на что-то, и Амелия широко улыбается. — Ты выглядела на самом деле заинтересованной. Тебе действительно было дело до всего происходящего.

— Я просто позволила настроению вести меня, как ты и говорила, — Амелия прижимает голову к руке Шел.

Я машу парню за кассой.

— Упакуйте это, — нам нужно, чтобы остальная часть этого пирога была свежей. То есть, пока Шел не проберется ночью и не съест его. И пока я не начну придумывать надежные способы остановить ее и защитить свою часть пирога. Эти отношения будут битвой умов, я уже чувствую это.

Мы идём обратно к машине, Амелия танцует и поёт одну из песен. Я несу коробку, а у Шел в руках горстка пластиковых вилок, которые она стащила.

— Всегда думаешь наперёд, — наклоняюсь и целую ее шею, и этого маленького действия достаточно, чтобы возбудить меня. Мне необходимо вернуть эту женщину к себе домой.

— Планирую украсть ещё кое-что по дороге домой, — сладко говорит она, маша ресницами. Вот чертовка.

Мы останавливаемся у квартиры Шел, чтобы захватить Арчи. Бедный маленький песик не может слишком долго оставаться один. Амелия не перестает нянчиться с ним, пока мы едем в каньон, прощаемся с Сюзанной и Д'Андри, а затем возвращаемся обратно ко мне. В условиях Лос-Анджелеса это все равно, что съездить на Луну и обратно. Но ради женщин моей жизни я бы поехал и еще дальше.

Может быть, лишние полчаса. В конце концов, мужчина должен знать свои пределы.

— Думаешь, Бруно будет рад видеть Арчи? — хихикает Шел, когда ее крошечный песик подпрыгивает и начинает лизать кончик ее носа. Я почесываю уши собаки, и он глухо стучит хвостом в одобрении. Видите? Я умею ладить с маленькими собачками.

— Только надеюсь, все не закончится тем, что Бруно проявит свою сущность доминанта.

Шел фыркает.

— Думаю, Бруно будет удивлен. Знаешь, Арчи медитировал, — она слегка поглаживает мою руку, когда я смеюсь. — Шутки в сторону! Я начала включать для него волчий вой, чтобы в нем разыграл хищник. И он становится намного более гармоничным со своими первобытными корнями.

— Ты проводишь слишком много времени в этой школе.

— Это станет проблемой? Меня ведь теперь приняли в штат, — она снова машет ресницами. Черт, спорю, она в курсе, насколько это соблазнительно.

Потянувшись, я сжимаю ее колено.

— Никаких проблем. Я сторонник продолжения образования, — чтобы сделать свою мысль еще более ясной, поднимаю ладонь вверх по ее ноге, вплоть до вершины бедра. Она прерывисто дышит и немного ерзает от моего прикосновения, прежде чем осторожно отвести мою руку в сторону.

— Позже, — выдыхает она. — Когда собака не будет смотреть.

Арчи смотрит на меня своими большими глазами. Сынок, ты все портишь. Но ты милый, поэтому твоя хозяйка, несомненно, простит тебя.

Наконец, мы возвращаемся в мою квартиру. Когда заходим внутрь, Бруно, гавкая, бежит к нам, и сразу же принимается обнюхивать задницу Арчи. Маленькая собачка вроде как позволяет ему делать это, а мы с Шел идем наверх.

Захлопывая за нами дверь, я смотрю на женщину напротив, а она все ещё играет с локонами, переминаясь с ноги на ногу. Я понимаю этот взгляд и язык тела. Она все ещё боится, что все это исчезнет. Ей нужно что-то, чтобы поддержать ее, дать знать, что все это реально.

Ну что ж. Я собираюсь показать ей, насколько все реально.

Пересекаю комнату, поднимаю ее и прислоняю к стене, у Шел перехватывает дыхание. Ее руки обёрнуты вокруг моей шеи, ноги вокруг талии, знаю, она ощущает мою эрекцию. Мой член уже готов лишь от перспективы оказаться внутри неё.

— А вы, мистер Монро, сегодня достаточно дерзкий, — шепчет она мне в губы, затем дарит легкий, дразнящий поцелуй. Когда я тянусь к ней, она уклоняется от меня. Кокетство. Поддразнивания. И то и другое гарантируют, что я возбуждаюсь сильнее, если это вообще возможно.

— Тогда давай проясним ситуацию, — я целую ее шею до самой ключицы, и она начинает потираться о меня. Черт, я мог бы кончить только от этого. — Чего ты хочешь? — рычу ей на ухо. Она сжимает меня бедрами, сводя меня с ума. Быстро поворачиваюсь и кладу ее на кровать.

Шел задыхается, когда приземляется немного подпрыгивая. Она хихикает, пока я наклоняюсь, ожидая. Моя рука скользит по ее бедрам к шёлку трусиков. Ее глаза полуприкрыты, когда я отталкиваю тонкий материал трусиков в сторону, и одним пальцем дразню ее киску. Она стонет и извивается, но я удерживаю ее другой рукой. Я хочу, чтобы она рассказала мне, чего именно хочет.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю снова.

— Тебя, — шепчет она. — Я. Секс. Хм. Пожалуйста. Не могу думать.

Затем снова смеётся, поднимаясь, чтобы пройти пальцами вдоль линии моей челюсти. Она возбуждена и успокоилась, и я тоже. Нет больше переживаний о работе, шоу, моем ребенке, моей бывшей. Ее клоунах. Теперь есть лишь мы, как и должно было быть с самого начала.

— Хочу, чтоб ты меня трахнул, — наконец говорит она, садясь и целуя меня. Я опускаю ее на спину, продолжая снимать трусики. Они легко скользят, и я один раз прижимаю большой палец к ее клитору, дважды осторожно ударяя по нему. Черт, она уже мокрая.

Хватая ртом воздух, она ёрзает на моей руке, когда я направляю один палец в неё. Я двигаюсь размеренно, ускоряя темп, когда она откидывает голову и стонет. Ее веки закрыты, волосы рассыпались по покрывалу.

Начинаю стягивать лямку ее платья, но она качает головой. Нащупывая пальцами мой ремень, она расстёгивает его и переходит к брюкам.

— Не хочу ждать, — говорит она, глядя на меня с выражением чистой похоти. Детка, я тоже. Тянусь к прикроватной тумбочке, достаю презерватив и разрываю фольгу. Как только я тщательно защищен, прижимаюсь кончиком члена к ее влагалищу. Шел снова стонет, проводя руками вверх и вниз по моим рукам. Ее пальцы впиваются мне в бицепсы,

подталкивая меня. Она умоляет меня войти глубже.

Так я и делаю.

Медленно, но настойчиво вхожу, наполняя ее. Вхожу так глубоко, как только могу, а затем выхожу. Настолько медленно, что почти схожу с ума, но я хочу, чтобы она почувствовала каждый дюйм. Хочу, чтобы она чувствовала меня, чтобы знала, что я был там.

— Я долго не продержусь, — кричит она, обнимая меня за шею. Ее пальцы скользят по моим волосам, когда я наклоняюсь ближе, целуя ее горло. Пробую ее пот, запах ее возбуждения потрясающий. — Пожалуйста. Ещё.

Хватаю ее попку, поднимая бедра еще выше. Скольжу в нее глубже, до самого основания. Ее бедра ударяются в меня, извиваясь, чтобы я вошел еще дальше. Ворча, я врываюсь быстрее. Шел быстро дышит мне в шею, ее бедра напрягаются вокруг меня, когда я вхожу до конца. Уже сейчас я вижу, как мир тает по углам. Черт, я не могу поверить, что я уже так близко. Пружины матраса кричат под нами, и Шел присоединяется к ним, становясь все громче и громче.

Оргазм внутри меня нарастает, словно непреодолимая сила. Шел закрывает глаза, открывая рот, когда я даю ей все, что у меня есть. Потом, медленно и красиво, я смотрю, как ее настигает оргазм. Рот образует идеальное «О», и все ее тело содрогается, когда она откидывается назад, падая на кровать.

Шел выкрикивает мое имя - все, что нужно, чтобы отправить меня за грань. Мир вокруг меня останавливается, когда я кончаю, изливаясь в нее. Слышу свои собственные вздохи и стоны, они словно доносятся издалека. Падаю на нее, и мы оба пытаемся отдышаться. Господи, не думаю, что смогу двигаться после такого. Шел потирается об меня носом, оставляя поцелуи на моем подбородке. Целую ее, пробуя ее вкус. Ее язык сплетается с моим, и, вашу мать, этого почти достаточно, чтоб я снова возбуждился.

Что это женщина вытворяет со мной? Что бы это ни было, мне это необходимо.

— Ты этого хотела? — бормочу я ей в шею, когда целую ее. Вздыхая, она смотрит на меня, когда я выхожу из неё. Ложусь на бок и притягиваю ее на себя, подбородок лежит на ее макушке. Шел усмехается.

— Имею в виду, я хотела нечто крышесносное. Такое трудновато найти, — она усмехается, когда я ворчу с удивлением. — Представь себе шок, когда мои ожидания оправдались. Вы, сэр, получите очень высокий рейтинг на Yelp (прим. пер. Yelp — веб-сайт для поиска на местном рынке услуг, например ресторанов или парикмахерских, с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг).

— Всю жизнь об этом мечтал, — невозмутимо говорю я, и Шел визжит, когда я опрокидываю ее назад на кровать. Я целую ее рот, подбородок, дорожку вниз к груди. Черт, может, я действительно смогу снова возбуждаться. Эта женщина заставляет меня чувствовать себя так, словно я чертов старшекласник.

Только без дерьмовых экзаменов.

Следующий совершенный оргазм откладывается, потому что внизу слышен какой-то шум. В частности, звуки такие, словно две глупые собаки крушат все на своем пути. Бьются тарелки, разрушаются драгоценные воспоминания, весь первый этаж разрывают в клочья. Извергая проклятья, мы с Шел выбираемся из кровати и спускаемся вниз. Я включаю свет и смотрю вниз, чтобы увидеть, да, вся столовая перевернута вверх дном. Стулья на спинках, стол на боку, чаша, наполненная круглыми безделушками, Амелия настаивала, что их необходимо сохранить, а не разбрасывать по земле, теперь шарики разлетелись по всей

чертовой комнате.

И в центре всего этого сидит Бруно. Язык лениво свисает, словно у него только что была отличная тренировка. А бешено объезжает лапу Бруно не кто иной, как маленькая шавка Шел с дикими глазами по имени Арчи.

И вот мы с Шёл стоим там, в некотором смысле сгорающие от нетерпения из-за проявления собачей глупости.

— Итак, — все что я могу сказать.

— Похоже, Арчи, наконец, проложил себе путь к верхушке стаи, — говорит она в ответ.

Черт меня возьми, если мы не смеемся так сильно, что чуть не падаем с лестницы. И черт подери, если это не ощущается хорошо.

23

Шел

Как, черт возьми, мог пройти уже целый год?

Моя жизнь в эти дни - одно размытое пятно. Сначала переезд к Уиллу, затем частые вылазки с Амелией. Завтраки с блинчиками, утренние прогулки, доставка ее в школу со мной, и попытки не показывать ей, что она моя любимица, в чем я своего рода потерпела неудачу. Все это было частью двенадцати замечательных, сумасшедших месяцев.

И теперь, вот она я, снова в зале в «Заливе сновидений». У детей сегодня будет прослушивание для «Ты хороший человек, Чарли Браун». На этот раз я настояла на своем. Не будет никаких смешных дипломатичных сообщений, ничего постмодернистского, только чистая и простая история Чарли Брауна, Снупи и их друзей.

И рассказ о тяжелом положении мигрантов. Я не могу найти способ сохранить это, но уверена, мы со вкусом обыграем эту ситуацию.

Мои шаги отдаются эхом на полу, когда я перехожу к сцене. Поднимаюсь по лестнице и встаю, глядя на длинное пустое пространство. Мама и папа любят это шоу. Они приезжают посмотреть и провести больше времени с Уиллом и Амелией. Они даже согласились не приносить красные носы или визитные карточки. Эта пьеса будет моим личным творением, не без помощи детей, конечно.

Когда я кладу свою сумку вниз и направляюсь к столу позади – ничего общего с перестановкой мебели, чтобы сэкономить время, когда они появятся - я замечаю кое-что. Белая коробочка с какой-то выпечкой, и мой живот сразу же урчит. Господи, мой живот - назойливый зверь. Но меня это устраивает. Ухмыляясь, я открываю коробку и... да. Да, вот они - божественные кленовые пончики с беконом. Я, может быть, и только что пообедала, но это был салат из соевых бобов с посыпанным сверху вегетарианским козьим сыром. Я едва ли раз пять дотронулась до него вилкой.

Уилл любит, когда я сыта. Боже, обожаю этого мужчину.

Я поднимаю пончик из коробки, поднося его к губам с чем-то вроде предоргазменного удовольствия... когда замечаю, что сверху на пончиках лежит кусочек сложенной бумаги. Сначала я думаю, что это квитанция, но качество бумаги слишком хорошее для счета.

Да, я замечаю такие вещи, как качество бумаги. Кто работал в канцелярском магазине во время учебы в институте? Вы правы.

Раскрываю записку, в которой говорится: *Пруд умиротворения. Как можно скорее.*

Это почерк Уилла, и на секунду я ощущаю тревогу. С ним все в порядке? Почему он общается со мной с помощью записок в коробке с едой? Знает ли он, что это то, чего я хочу на регулярной основе? Никогда не стану игнорировать пончик, так что кусаю его и выхожу на улицу.

Здесь тихо и безмятежно. Солнце начинает садиться, образуя предзакатный свет над кирпичным патио и через деревья. И я направляюсь к пруду.

— Уилл? — добравшись до места, нахожу пакет из «Кондитерской Дилана». Она заполнена десятком миллионами разновидностей липких конфет. Моих любимых. Хорошо, это как Гензель и Гретель? Уилл откармливает меня для печи? Это что, новая ролевая игра?

Неправильно будет сказать, что эта идея меня немного заводит?

В записке примечание: *около сосны*.

Сосна - это то, что «Залив Сновидений» называет самым высоким деревом на территории. Оно немного дальше в лесу, поэтому я блуждаю по тропинке, чувствуя себя, словно в запутанной сказке. Сказке с беконом. Лучший вид сказки.

А вот и он, стоит у дерева, прислонившись к стволу, руки в карманах. Дорогой бог, этот человек восхитителен. Выбросите конфеты и пончики - вот моя главная вкусняшка. Он снял свою деловую одежду и одет в простую темно-серую футболку, ту, которая отлично подчеркивает каждую линию его пресса, груди... боже, я теряюсь каждый раз, когда смотрю на него. Немного слишком теряюсь, потому что благополучно спотыкаюсь на дорожке и практически распластываюсь на земле. Я также почти теряю удовольствие от этого процесса, что неприемлемо.

— Ого! — руки Уилла оказываются вокруг меня через секунду, удерживая меня от падения. Он выпрямляется, но не отпускает меня. Именно такой реакции я и ждала. — Знаю, меня нелегко выносить.

Он выдает лихую ухмылку, которую я люблю - вторая из восьми ухмылок, которые я до сих пор классифицирую. Затем целует меня, тепло пульсирует во мне. И снова я практически роняю пончик. Боже, я должна съесть этого плохого мальчишку.

— Я люблю сюрпризы, но есть какая-то особая причина? — спрашиваю я, когда мы, наконец, отрываемся друг от друга. Откусив еще кусочек пончика, ну, конечно же, чтобы он не пропал даром, я следую за ним обратно к сосне. Затем вспоминаю, сколько сейчас времени, и хмурюсь. — Кроме того, разве ты не должен быть еще на работе? Биржевой рынок сам себя не продаст.

Уилл смеется над этим, а потом смотрит на меня. Его бровь выгибается, он кивает, как бы в знак признания. Это сексуально.

— Есть еще кое-что, прежде чем я уйду и позволю тебе вернуться к прослушиванию, — он качает головой, локон темных волос падает на глаза. Я бы убрала его, но могу испачкать. — Но когда я пришел в магазин, там уже никого не было.

— Пожалуйста. Ты уже и так меня балуешь, — встаю на цыпочки и целую его. Интересно, трепет когда-нибудь уйдет? Потому что я этого не хочу.

— Это было кольцо-леденец, — он улыбается напротив моих губ. — Клубничное.

— Ой, мое любимое! Но все нормально. В любом случае, я не должна так много есть, — предлагаю ему половинку пончика, но он поднимает руку.

Фи. Он много теряет.

— Однако у меня есть замена, — он вынимает из кармана маленькую черную коробочку.

На этот раз, я не могу совладать с рефлексамми. Пончик и коробка с конфетами падают на землю.

— Это. Ах, — моргаю, беря маленькую бархатную коробку. Дрожащими руками медленно открываю ее. Это бриллиант прямо там, да. Кольцо вспыхивает в полуденном свете. Кажется, что птицы прекращают петь, а белки перестают дрожать от холода. Все в лесу теперь наблюдают за моей реакцией. Как в фильме Диснея, только с большим количеством добрачного секса.

— Шел Ричардсон, — Уилл опускается на одно колено, и на одну сумасшедшую минуту я думаю, что он снял свою деловую одежду, чтобы не испачкаться в земле. Но это не так. Трудяга Уилл лучше балансирует с Игроком Уиллом, а Игрок Уилл - мой любимый. Это Уилл, который по вечерам субботы играет в игры со мной и Амелией, возит меня в мое любимое место на пляже в Пойнт Дам. Именно тот Уилл, которым он всегда хотел быть. Тот Уилл, за которого я хочу выйти.

Если это предложение. На какой-то безумный миг я думаю, а может он спрашивает меня о чем-то другом. Потому что, вот так вот устроен мой мозг. К счастью, эта идея не стоит на повестке дня.

— Ты выйдешь за меня? — спрашивает Уилл.

Я могла бы придумать остроумный ответ или просто зацеловать этого мужчину до смерти. Выбираю последнее. Никогда не говорите, что я не принимаю правильных решений. Он встает, и через секунду я обнимаю его. Ну, вообще-то, почти залезаю на него. Его руки блуждают по моему телу, пока мы целуемся, коробочка с кольцом все еще крепко зажата в моих ладонях. Никто не снимет это кольцо. Смеаголь запрещает это. Моя прелесть (прим. пер. отсыл к фильму «Властелин колец»).

То, что Энди Серкис (прим. пер. актер, игравший Голлума в киноэпопее «Властелин колец») шепчет мне на ухо, пока я обжимаюсь с мужчиной, которого люблю, многое говорит обо мне, да.

— Я принимаю это за «да»? — смеется Уилл, когда спустя минуту мы, наконец, отрываемся друг от друга.

— Да. Буду продолжать это говорить. Да, — дрожа, я возвращаюсь на землю и пытаюсь надеть кольцо на палец. Уилл помогает, надевая ободок на мою левую руку. Он снова притягивает меня в объятия, и я отпускаю себя. Я чувствую себя свободной, и в безопасности, дикой и счастливой. И голодной.

Но моя еда на земле. Какая досада.

— У меня есть идея, до того, как появятся дети, — целую его, мягко прикусывая нижнюю губу. Он рычит от удовольствия, его руки сжимают мою попу.

— И какая?

— В аудитории стоит коробочка с пончиками.

Уилл откидывает голову назад и смеется, удивленный смех, который никогда не перестает радовать меня.

— Думал, ты никогда не попросишь, — он обнимает меня за талию, и мы вместе возвращаемся по тропинке.

Пончики, предложение руки и сердца, школьная пьеса, а сегодня ведь только вторник.

Не могу дождаться, чтобы увидеть, что же случится дальше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

«капуста» в переводе с английского

[

←2

]

152 см.

[

←3

]

официальный веб-сайт Гарри Поттера

[

←4

]

185 см.

[

←5

]

«аппетитная попка» в переводе с английского

[

←6

]

роман Гаррисона Кейлора «Дни на озере Вобегон», в котором все дети были «выше среднего»

[

←7

]

. сказка братьев Гримм о злом карлике, сначала помогшем дочери мельника спрятать золото из соломы, а потом потребовавшем ее первенца в качестве оплаты

[

←8

]

. кукурузные хлопья

[

←9

]

«Поп-тартс» (англ. Pop-Tarts) - название популярного печенья, наиболее популярный бренд компании Kellogg. Сладкая двухслойная начинка «Поп-тартс» обернута тонким слоем песочного теста

[

←10

]

известные жевательные конфеты

[
←11

] работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в которой авторы декларируют и обосновывают цели, задачи и методы борьбы зарождавшихся коммунистических организаций и партий

[
←12

] отсыл к фильму «Стар трек»

[
←13

] система оповещения о похищении детей в нескольких странах

[
←14

] машина времени и космический корабль из британского телесериала «Доктор Кто»

[
←15

] стандартизированный тест для поступления в колледжи и университеты США

[
←16

] речь о фильме «Гордость и предубеждение»

[
←17

] намек (аллюзия) на фильм «Роковое влечение», где ревнивая любовница сварила любимого кролика дочери главного героя, в качестве акта мести

[
←18

] имеется в виду итальянский скульптор Джузеппе Армани

[
←19

] популярная сеть американского фаст-фуда

[
←20

] Tupperware – марка «умной» посуды

[
←21

] The Looney Tunes Show — американский анимационный телесериал

[←22

] отсыл к песне Destiny Child «Say my name»

[←23

] Сеть американской, доступной дизайнерской обуви Payless ShoesSource

[←24

] отсыл к Шекспиру